

Инесса Давыдова

Семь мужчин одной женщины

*Написано пером
Санкт-Петербург
2013*

УДК 82-311.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Д-13

Редактор В. Чернышев
Корректор И. Иванов

Давыдова И.

Д-13 Семь мужчин одной женщины: Роман/И.Р.Давыдова - С-
Петербург: ООО «Написано пером», 2013. - 140 с.

ISBN 978-5-905636-96-7

www.napisanoperom.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-905636-96-7 © И.Р. Давыдова, 2013

© ООО «Написано пером», 2013

Пролог

Поздней весной в предместье Авиньона на два дня раскинул свои шатры бродячий цирк. Из ближайшего городка потянулась вереница горожан, желающих повеселиться в субботний день. В потертый и выцветший от времени красный шатер пожилой гадалки зашли три девушки из старшего класса местной школы и сморщились от стойкого запаха благовоний. Немного оглядевшись, самая бойкая из девушек протянула монету гадалке и попросила погадать. Старая гадалка гордо восседала в скрипучем кресле за большим обветшалым дубовым столом и курила папиросу с мундштуком. Она указала девушке на табурет. Та, не мешкая, будто послушная ученица, села и в ожидании сложила руки на коленях.

Гадалка протянула ей колоду карт Таро:

– Вытащи карту!

Девушка извлекла карту из середины колоды. Взглянув на карту, цыганка удивленно хмыкнула и положила ее в центр стола.

– Это карта твоей судьбы. Ее название – «Верховная Жрица». Она наделена мудростью, покровительствует наукам и искусству. Это хорошая карта. Жрица знает, как устроен мир, ее тяжело обмануть.

Раскинув несколько карт веером, гадалка пристально посмотрела на раскрасневшееся от волнения лицо девушки и хриплым голосом спросила:

– Как твое имя?

– Агнес! – звонко воскликнула девушка.

– Назови дату рождения? – снова прохрипела гадалка.

– Двадцать первого января 1922 года.

Две ее подруги стояли в стороне и что-то шепотом обсуждали. Их настораживал и смущал внешний вид гадалки: нерасчесанные волосы беспорядочно свисали до плеч, толстый слой ярко-красной помады на морщинистых губах. На ней было надето несколько юбок разного цвета, которые успешно скрывали ее худошавую фигуру. Сапоги с медными пряжками резко контрастировали своей новизной с остальным нарядом.

– Дай мне свою руку.

Агнес решительно протянула руку и замерла в ожидании. Отложив в сторону мундштук, гадалка внимательно изучила линии на руке и таинственно произнесла:

– Вижу, ты наделена многими талантами. А кому многое дано, с того многое и спросится.

Подружки за спиной Агнес начали живо комментировать сказанное гадалкой и хихикать. Цыганка недовольно скривилась, подняла на них свои большие пронизательные глаза, и под тяжестью ее взгляда они ненадолго притихли.

Перевернув первую карту, она прищурилась.

– Эх, девочка, выпадает тебе большая любовь! – затем перевернула вторую, третью и добавила: – Но прежде чем прийти к ней, ты пройдешь семь адовых кругов. Это будут мужчины, наделенные библейскими пороками. Если ты вовремя их распознаешь, то душа твоя останется чистой и нетронутой. Но если нет, то...

Гадалка затихла, вглядываясь в четвертую карту.

– Что? – заинтригованно спросила Агнес.

– То гореть тебе с ними в аду!

Подруги ахнули, а у Агнес округлились глаза от страха.

– Не ты их спасешь, а они увлекут тебя за собой! – со страстью продолжала сгущать атмосферу гадалка. – Ты подумаешь, что проиграла порокам семь сражений, но миссия не в битве со злом, а в его обличении. Первой покажет тебе коготки жадность, она отберет у тебя юность.

Гадалка опустила голову и тяжело задыхалась. Искаженным голосом, похожим на мурлыканье, она произнесла:

– Драгоценность переписывает драгоценность.

– Что это значит? – спросила Агнес и почувствовала, как от ужаса затряслись коленки.

У нее за спиной снова послышался шепот, ее подруги обеспокоенно посматривали на выход. Но Агнес хотелось дослушать пророчество до конца.

Гадалка подняла голову и снова взглянула на карты.

– Вторым покажет себя уныние, оно заберет у тебя еще неродившееся дитя.

Подруги вскрикнули и наперебой запричитали. Они просили Агнес прекратить гадание, но она их не слышала. Гипнотический взгляд гадалки ввел ее тело в оцепенение.

– Третьей придет зависть, она посягнет на твои таланты...

Не успела гадалка перейти к следующему пороку, как в шатер, смеясь, влетела влюбленная парочка. Поняв, что помешали, они извинились и хотели выйти, но к столу подскочила одна из подруг и, грубо схватив Агнес за руку, вытащила ее из шатра.

– Зачем ты мне помешала! Отпусти, больно же! – закричала раздраженно Агнес и отдернула руку.

– Нашла кого слушать! Мне моя мама строго-настрого запретила гадать, думаю, что твоя тоже этого не одобрит! – гневно прокричала подруга.

– Что тут такого? И откуда она узнает? Завтра я со своей семьей уезжаю из Авиньона, и, возможно, мы больше никогда не увидимся. Я хотела повеселиться, а ты все испортила, – возмутилась Агнес.

– Мы уже достаточно повеселились.

– Девочки, не ругайтесь, пожалуйста. Смотрите, уже темнеет, а я обещала родителям вернуться к ужину, – вторая подруга кивком показала в сторону дороги.

– Ладно, пойдете! – ответила первая.

Обе девушки зашагали в сторону города. Одна из них обернулась и крикнула Агнес:

– Ты идешь?!

– Зануды! – огрызнулась Агнес и, бросив напоследок заинтригованный взгляд в сторону шатра, побежала их догонять.

Гадалка вышла из шатра и посмотрела вслед уходящей троице. В руках у нее была карта «Верховной Жрицы», она многозначительно помахала ею в воздухе и тихо произнесла:

– Эх, девочка, не простая у тебя будет судьба. Эх, не простая.

Глава первая

Начало последнего пути

Жизнь с ее явлениями можно уподобить сновидению, фантому, пузырю, тени, блеску росы или вспышке молнии и представлять ее следует именно такой.

Будда. Алмазная Сутра

В холодное весеннее утро, войдя в полупустое кафе в центре Москвы, Васса вывернула карманы пальто и набрала мелочи на чашку кофе и круассан. Из-за вчерашнего многочасового собеседования в частной клинике она провела бессонную тревожную ночь. После потери работы, денег совсем не осталось, друзей и родственников у нее не было, и на что жить дальше, она не имела ни малейшего представления.

Сев за столик у окна, девушка робко огляделась по сторонам. В кафе было несколько посетителей. Молодая парочка сидела в дальнем углу зала и о чем-то оживленно беседовала. Пожилой мужчина аппетитно ел бисквит, запивая его чаем с молоком, и после каждого съеденного кусочка усердно облизывал ложку. Другой мужчина в сером пальто с каменным выражением лица сидел в центре зала и медленно цедил из трубочки апельсиновый сок.

Васса уже собиралась покинуть кафе, когда ее внимание привлекло объявление, висевшей на стене, обведенное красным маркером: «Требуется сиделка по уходу за пожилой женщиной. Знание французского языка обязательно. Достойная оплата гарантируется». Она чуть не закричала от радости и, быстро записав телефон в маленький блокнот, побежала за угол к телефонному автомату. Мужчина в сером пальто вышел за ней следом и, увидев девушку в телефонной будке, еле заметно улыбнулся.

Набрав номер, Васса услышала в трубке приятный мужской голос:

– Слушаю вас.

– Я... я по... объявлению насчет сиделки, – ответила Васса, заикаясь от волнения.

– Как вас зовут?

– Васса.

На том конце трубки мужчина нервно откашлялся и стал быстро задавать вопросы.

- У вас есть медицинское образование?
- Я дипломированная медсестра.
- Вы можете работать в ночную смену, если это понадобится?
- Да, конечно, – с готовностью ответила Васса.

Мужчина продиктовал адрес и в конце добавил:

- Когда придете, спросите у консьержа Александра Жувене.

– Хорошо, – ответила Васса, быстро записала его имя и повесила на рычаг трубку телефонного автомата.

На улице накрапывал дождь, но Васса не стала возвращаться домой за зонтом. Она решила поехать по указанному адресу и там где-нибудь поблизости подождать назначенного времени. Мелкие капли дождя попадали на ее волосы и лицо, и она, ускорив шаг, стала быстро спускаться по ступеням в метро. Непреодолимый страх перед большим скоплением людей, мучавший ее многие годы, немного отступил перед острой необходимостью найти работу. Опустив руку в карман пальто, она достала последнюю монету и направилась к кассе. Очередь была небольшая. Васса приблизилась к окошку и протянула кассирше последние деньги. Женщина необъятных размеров безразлично швырнула ей жетон, и девушка быстро направилась к эскалатору.

Недружелюбная серая масса окружила ее со всех сторон. Вассу охватила нарастающая паника. Дыхание участилось, и она расстегнула верхнюю пуговицу пальто. Приближающийся к платформе поезд заставил людей оживиться, и напористая толпа буквально внесла ее в вагон. Васса крепко схватилась за поручень и стала считать остановки. Входящие и выходящие люди периодически толкали ее, каждый раз девушка смиренно закрывала глаза и представляла себе пшеничное поле, залитое солнечными лучами, по которому она бежит, раскинув руки. Этому приему ее научила бабушка, когда в студенческие годы Вассе приходилось ездить на метро ежедневно в час пик на занятия, а потом, не теряя ни минуты, спешить обратно домой. Подыскивая работу, Васса всегда выбирала учреждения, расположенные поближе к дому, чтобы ходить на работу пешком, поэтому в метро она не заходила уже многие годы. Но сейчас, оставшись без средств к существованию, она не имела выбора – только на метро она смогла бы добраться за отведенное ей время.

Сжимая поручень все крепче, она стала вспоминать бабушку, ее теплые руки, добрые глаза и мудрые советы. В жизни Вассы еще не встречался человек, который был бы ей так интересен и близок по духу. В последние годы бабушка была прикована к постели и

нуждалась в постоянном уходе. Денег им всегда не хватало, приходилось экономить на сиделке. Поэтому выбирая профессию, Васса долго не размышляла, ей были необходимы навыки по уходу за лежачими больными, и она пошла в медицинский колледж. После каждого урока Васса звонила бабушке и справлялась о ее самочувствии, а когда занятия заканчивались, бежала домой, зная, что бабушку кроме нее никто не накормит и не поставит ей капельницу.

– Станция «Тургеневская», переход на станции «Чистые пруды» и «Сретенский бульвар», – громко произнес голос диктора.

Этот голос заставил ее выйти из своего «укрытия» и окунуться в реальность среди толкающихся хмурых людей. Паника снова усилилась. Выйдя из вагона, она быстро поднялась по эскалатору и вышла на шумную улицу. Успокоившись, она свернула на боковую улицу и, оглядевшись по сторонам, пошла по четной стороне домов. Дождь кончился, и редкие лучи солнца прорывались сквозь густые кудрявые облака. Дойдя до нужного ей дома, Васса остановилась и посмотрела на часы, у нее оставалось еще немного времени. Оглядевшись по сторонам, она увидела яркие витрины магазина одежды и вошла в просторный торговый зал. Продавщица окинула ее оценивающим взглядом и надменно спросила:

– Могу я вам чем-то помочь?

Девушка отрицательно покачала головой и стала обходить вешалки с одеждой. Пересмотрев почти весь ассортимент, она хотела уже выйти, но ее внимание привлек вязаный шарф на манекене в витрине. Она попросила его примерить, и продавщица, недовольно скривив губы, отправилась снимать его с манекена. Проходя мимо зеркала, Васса бросила оценивающий взгляд на свое отражение. Ее белокурые длинные локоны распушились от дождя, и она начала поправлять прическу. Если бы кто-то попытался описать ее внешность, то непременно бы подчеркнул красоту ее больших синих глаз, длинные пушистые ресницы, высокий лоб, прямой аккуратный нос и коралловые губы. Васса была худенькой девушкой невысокого роста с пружинистой походкой, но, несмотря на свою внешнюю хрупкость, обладала сильным и напористым характером.

Обернув шарф вокруг шеи, Васса стала кокетничать перед зеркалом. Но увидев блеснувший ценник, вспомнила, что осталась совсем без денег, нехотя отдала шарф продавщице и направилась к выходу.

За пять минут до указанного времени она зашла в парадный

подъезд старинного особняка. Поднявшись по ступеням в холле, она подошла к консьержу и спросила, как ей пройти к Александру Жувене. Консьерж с готовностью ответил:

– Третий этаж. Квартира семь.

Поднимаясь по лестнице, она заметила, что он снял трубку внутреннего телефона и тихо произнес:

– К вам гостя.

Васса поднялась на третий этаж и постучала в дверь самой дальней в коридоре квартиры. Послышались быстрые шаги. Когда дверь распахнулась, Васса увидела молодого человека среднего роста, привлекательной внешности.

– Доброе утро! Вы Васса?

Девушка растерялась и вместо ответа кивнула головой. Он оценивающе осмотрел ее с ног до головы и пригласил войти. Ее щеки залились густым румянцем. Он помог гостье снять пальто и пригласил пройти в гостиную, но девушка смущенно стояла не двигаясь. Тогда он нежно дотронулся до ее спины и подтолкнул вперед, направляя в сторону стола, стоявшего посреди комнаты.

Молодой человек был худощавым шатеном лет тридцати, в элегантном черном костюме и белой рубашке, его блестящие волосы до плеч мягко развевались при ходьбе.

Около круглого стола, укутавшись в пуховой платок, стояла худенькая пожилая женщина среднего роста. По ее внешности можно было с уверенностью сказать, что в молодости она была красавицей. Густые седые волосы были зачесаны назад, открывая невысокий лоб. Взгляд у нее был такой же пронизательный, как у молодого человека, но более мягкий. Она улыбнулась, и эта улыбка напомнила Вассе ее бабушку. На первый взгляд ей можно было дать лет шестьдесят, но, присмотревшись к ней внимательнее, Васса поняла, что это результат многолетнего ухода за собой, и, по всей вероятности, она была гораздо старше. Лицо ее было испещрено мелкими мимическими морщинами, они подчеркивали приветливость и доброжелательность в ее взгляде. Женщина жестом указала ей на стул, а сама села напротив. Когда Васса устроилась и поправила складки на платье, молодой человек произнес:

– Как я уже говорил, меня зовут Александр Жувене, это моя мать, Агнес Жувене. Мы приехали по семейным делам в Россию, и маме нужна сиделка.

– И компаньонка, – учтиво добавила пожилая женщина.

Александр повернулся, посмотрел на мать, потом, кивнув ей в

знак согласия, и повторил Вассе:

– И компаньонка, – затем, сев рядом с матерью, продолжил: – Мама нуждается в постоянном уходе. Возможно, ей понадобится помощь и ночью, поэтому мы предпочли бы нанять сиделку с постоянным проживанием. Это для вас не проблема?

Васса покачала головой.

– Это хорошо. Расскажите о себе, – предложил Александр.

Васса собралась с силами, но почему-то начала говорить совсем не то, что планировала. Руки вспотели, а голос ее дрожал и периодически срывался.

– Мне двадцать три года, я сирота с тринадцати лет. После гибели родителей меня воспитывала бабушка. Последние годы из-за болезни она провела в постели, я за ней ухаживала. В прошлом году она умерла, и я осталась одна.

Произнеся последнюю фразу, Васса снова вспомнила свои переживания и боль утраты. На глаза невольно навернулись слезы. Она поспешила взять себя в руки и продолжила уже по намеченному плану:

– Закончила медицинский колледж. Работала год в военном госпитале, потом два года в реанимации городской больницы. Вот рекомендации с предыдущих мест работы.

И Васса положила два листка бумаги на стол. Александр бегло прочитал их и вернул девушке.

– Васса... Странное имя... для современной российской девушки, не так ли, дорогой? – спросила Агнес у сына.

Александр кивнул в знак согласия и спросил:

– Не могли бы вы кратко рассказать о своей семье?

– О семье? – переспросила Васса – Но они все умерли.

– Тем не менее, нам нужно знать, из какой вы семьи, – настаивал Александр.

Девушка кивнула и нервно затеребила подол платья.

– Мой отец был преподавателем в университете. Специализировался на истории Римской империи. Это он выбрал мне имя. Мама работала закройщицей в ателье. Ну, в общем-то, и все.

– У родителей были родственники за пределами вашей страны? – спросила Агнес.

Немного подумав, Васса ответила:

– Да, кажется, бабушка, мама отца, жила долгое время во Франции. Но, выйдя замуж, она вернулась в Россию. У нее во Франции остался брат, но во время войны она потеряла связь с ним, и я

ничего не знаю о его судьбе.

– Она была француженкой?

– Нет, русской. После революции ее семья эмигрировала в Париж, там же она и вышла замуж, тоже за эмигранта. Он был инженером. И когда ему предложили вернуться на родину и возглавить крупное строительство, они вернулись в Россию.

– А вы не помните, как звали ее брата, который остался во Франции? – спросил Александр.

– Нет. Но я могу поискать в документах. Я сохранила много бабушкиных писем.

– Было бы неплохо. Возможно, мы могли бы помочь вам в поисках вашего родственника, – сказал Александр.

– Прошу прощения за следующий вопрос, но мне хотелось бы знать, как погибли ваши родители? – поинтересовалась Агнес.

– Автокатастрофа... Они возвращались из Крыма, дорога была узкой и извилистой, сильный туман, и на встречную полосу выскочил грузовик.

– Мне очень жаль, – сказала Агнес.

Повисла неловкая пауза, которую первым прервал Александр.

– Мы предлагаем за Ваши услуги триста евро в неделю. Питание и все дополнительные расходы мы берем на себя, – добавил он, потом посмотрел на мать и спросил: – Ну что скажешь, мама?

Та кивнула в знак согласия, и Александр предложил Вассе прийти завтра к десяти утра. Провожая девушку до двери, он протянул ей тонкую пластиковую папку и сказал:

– Это краткая история болезни моей мамы. Здесь вся необходимая информация: часы приема лекарств, рекомендации врача по образу жизни и ее личные пожелания. А вот список ваших документов, которые мне понадобятся от вас в ближайшее время.

Васса быстро пробежалась глазами по списку и от удивления ахнула. Александр поспешил объяснить:

– Возможно, вам придется сопровождать мою мать за пределы этой страны. Эти документы мне могут понадобиться для визы.

– А, тогда понятно, – девушка с облегчением выдохнула.

– Когда соберете документы, свяжитесь с этим человеком, – Александр протянул ей визитку, на которой было написано имя и фамилия работника консульского отдела посольства Франции в России.

– Хорошо, я постараюсь собрать их как можно скорее, – ответила девушка и положила визитку в карман пиджака.

– Скажите, какими иностранными языками вы владеете?

– Как я уже сказала, бабушка долго жила во Франции, и дома мы часто говорили с ней на французском языке. Так что я неплохо владею французским и немного разговорным английским. А вы, Александр, я вижу, неплохо говорите по-русски, правда, есть специфический акцент, но он вам придает особый шарм, – ответила девушка и застенчиво улыбнулась.

– Называйте меня Алекс.

– Алекс, – тихо повторила Васса.

– Я знаю три языка – бизнес обязывает, а вот моя мать владеет шестью.

Васса невольно присвистнула, и Александр бросил на нее недоуменный взгляд.

– Дорогой, я думаю, на сегодня девушка и так получила много информации, – вмешалась Агнес.

– Да, конечно. Позвольте? – Александр помог Вассе надеть пальто, затем открыл перед ней дверь и хотел уже попрощаться, но в последний момент, придерживая перед нею дверь, вполголоса спросил:

– Так вы считаете, что у меня есть шарм?

Поняв, что ненароком намекнула на свои чувства, Васса растерялась и не знала, что ему ответить. В голове молниеносно пролетели несколько вариантов, но она их все отвергла и тихо произнесла:

– До завтра.

Идя по коридору, она чувствовала на себе взгляд его пронизательных глаз, и только дойдя до лестницы, услышала, как дверь их квартиры закрылась.

Денег совсем не осталось, поэтому до дома ей пришлось добираться пешком. Уже глубокой ночью она зашла к себе в квартиру, быстро сбросила пальто и прошла на кухню. Заварив кофе, Васса открыла папку, которую ей вручил Александр, и стала внимательно просматривать медицинские записи и рекомендации Агнес. В них она нашла диагноз и прописанные препараты.

Проштудировав справочник и изучив всю информацию о болезни, она почувствовала невыносимый голод и прошла на кухню. Открыла дверцу большого старинного комода и достала из банки последний пакетик каши быстрого приготовления. Залила

содержимое пакетика кипятком, дала каше настояться и, пока та еще не остыла, добавила немного сахара и соли. Поставив тарелку на обеденный стол, она помолилась и приступила к позднему ужину.

Перед сном она приняла душ, высушила волосы и села на стул напротив бабушкиного трюмо. Окинув критическим взглядом свое отражение в зеркале, она не удержалась, и тут же начала строить себе разные рожицы, воображая сцену завтрашней встречи с Алексом. Увлечшись процессом, она принимала причудливые позы и церемониально раскланивалась перед зеркалом. Разыгрывая приветствия на разные лады, она изображала из себя принцессу, которую знакомят с будущим избранником. Но усталость быстро взяла свое. Надев пижаму, Васса легла в кровать и пока ее не охватил сон, вспоминала Алекса и каждое сказанное им слово.

На следующий день Васса постучала в дверь седьмой квартиры ровно в десять утра, в руках она держала большую дорожную сумку, в которую уместился весь ее скромный гардероб. Дверь открыла Агнес и произнесла бодрим голосом:

– Проходите, дорогая. К сожалению, Александр был вынужден вылететь первым же рейсом в Париж. Так что мы с вами останемся вдвоем.

– Его нет? – Васса не смогла скрыть своего разочарования.

– Нет, – ответила Агнес и удивленно посмотрела на девушку. – Кстати, он вам оставил пакет с запиской.

– Пакет? – удивилась девушка.

– Да, посмотрите, он в гостиной на столе.

Пройдя в гостиную, Васса увидела красивый пакет с приколотой запиской на ручке. Сердце сжалось от предвкушения, и она трепетно открыла его. В завернутой бумаге был тот самый шарф, который она примеряла вчера в магазине напротив. Она прижала шарф к лицу, вдыхая уже знакомый запах тонкого мужского парфюма.

Заметив это, Агнес произнесла:

– Шарф он купил себе вчера вечером, но примерив его, решил, что он женский, и попросил отдать его вам. Я была, честно говоря, очень удивлена этим, потому что Алекс в одежде всегда предпочитает черный цвет. Зачем он его вообще покупал, осталось для меня загадкой.

Сказав это, Агнес многозначительно улыбнулась и пошла на кухню. Девушка отколола булавку от маленького конверта и, вынув из него записку, прочитала: «Дорогая Васса, я сегодня невольно подсмотрел за вашей примеркой в магазине и решил, что многоцветье этого шарфа будет олицетворять Францию в вашем гардеробе. Примите мой скромный подарок. Алекс».

Еще раз вдохнув аромат парфюма, впитавшийся в шарф, Васса положила его обратно в пакет и пошла на шум, раздававшийся из кухни. Агнес стояла у плиты и готовила обед.

– Сегодня я угощу вас настоящим французским луковым супом, – Агнес колдовала над кастрюлей среднего размера. – У французов есть легенда, что впервые луковый суп приготовил Людовик XV, когда ночевал в своем охотничьем домике. Он спустился на кухню поздно ночью и не нашел ничего, кроме лука, масла и шампанского. Он долго пассировал лук на масле, затем добавил воды и влил в эту массу шампанское – ву-а-ля! Так Франция обрела рецепт знаменитого на весь мир лукового супа. Сейчас, конечно, за многие годы в рецепт привнесли новые ингредиенты, но у меня есть свой рецепт, семейный, он мне напоминает наш деревенский домик в Перигоре. В детстве мы часто ездили туда с родителями, и первым блюдом, которое готовила бабушка к нашему приезду, был луковый суп.

– Как интересно!

– Думаю, историки со мной поспорили бы о времени возникновения супа, ведь до этого было еще нашествие флорентийских поваров после венчания Генриха II с Екатериной Медичи. Она совершенно не могла есть блюда местной кухни, и вслед за ней во Францию потянулись самые именитые итальянские повара. Некоторые историки утверждают, что луковый суп появился именно в то время. После этого события французская кухня претерпела сильные изменения.

Попросив Вассу порезать хлеб для сухарей, Агнес начала суетиться у плиты и напевать какую-то песенку на французском языке. Затем она прикрыла кастрюльку крышкой и предложила перенести вещи Вассы в ее комнату. После небольшой экскурсии по квартире

Агнес провела ее в гостевую спальню и предложила распаковать вещи. Квартира состояла из пяти комнат и была скромно обставлена; пол, стены и все предметы интерьера выглядели уже не новыми, и Васса подумала, что ремонт был сделан еще лет десять назад. Посреди гостиной стоял большой концертный рояль, на нем были разбросаны старые нотные тетради. В столовой Васса увидела огромный камин почти во всю стену, рядом с ним располагались два кресла в английском стиле. В каждой комнате и даже на кухне девушка подметила большие хрустальные люстры и спросила:

– Кому раньше принадлежала эта квартира?

– Оперному композитору.

Гостевая спальня была в зеленых тонах; обои, ткань на портьерах и покрывале были одного рисунка – с пасторальными сценами. Васса поймала себя на мысли, что в данном случае ненавистный ей зеленый цвет несколько ее не раздражал.

Выходя из спальни, Агнес сказала, что обед будет готов через полчаса. Васса переложила свои немногочисленные вещи в шкаф, прошла в столовую и предложила свою помощь. Агнес с улыбкой попросила ее сервировать стол.

Суп получился таким замечательным, что Агнес, попробовав пару ложек, сказала, что это лучшее творение за всю ее жизнь. За столом пожилая женщина вела непринужденный разговор, рассказывая о французской кухне, особенно делая акцент на Перигоре, откуда, по ее мнению, появились оригинальные деликатесы.

– Мой дядя по матери был грибником – тартуфайо, потом он купил трюфельную ферму, – сказала она.

– Кем был? – переспросила Васса.

– Охотником за трюфелями, – пояснила она и, прищулив один глаз, спросила: – Вы когда-нибудь пробовали трюфели?

– Нет, – смущенно ответила девушка.

– О! Перигор славится своим черным золотом – трюфелями, занимающими одно из первых мест в мире по своим вкусовым качествам. У дяди была специально обученная собака, с которой он ходил на охоту. Честно говоря, на вид она была совсем неприглядной дворнягой, и как он смог разглядеть в ней такой талант – до сих пор не могу себе даже представить. Ему предлагали за нее целое состояние. Еще маленькой девочкой я побывала с ним на охоте и увидела ее в деле. Охота проходила на рассвете, от меня требовали полной тишины, собаку пускали против ветра и,

унюхав добычу, она поднимала левую лапу, а шею вытягивала так, что казалось, сейчас голова оторвется и упадет на землю, – сказав это, Агнес по-детски закатилась от смеха.

Рассказывала Агнес очень увлекательно, и, несмотря на то, что Вассе хотелось есть, она не сводила с хозяйки своих синих глаз и заинтригованно слушала.

– В основном охотятся на трюфели собаки и свиньи, но есть еще и мухи, которые не прочь ими полакомиться, по их рою можно найти место, где под землей спрятано черное сокровище. Этот вид охоты демонстрируют в наше время только туристам. Вы совсем не едите, дорогая. Вам не понравился суп?

– Понравился! – воскликнула Васса и начала наверстывать упущенное.

После обеда Васса убрала со стола и помыла посуду. Когда она вошла в гостиную, то увидела Агнес, сидящую за роялем. Та просматривала ноты и, выбрав сборник сонат Моцарта, начала музицировать. Васса села в кресло и с любопытством стала за ней наблюдать. С первых же аккордов стало понятно, что Агнес играла профессионально, Васса даже подумала: «Она, наверное, когда-то была пианисткой».

Закончив играть, Агнес повернулась и спросила:

– Вы прочитали документы в папке, которые вчера дал вам мой сын?

– Да.

– И, наверное, уже собрали немало информации по моему диагнозу?

– Да, а как вы догадались?

– Догадаться нетрудно, вас нанимают на работу сиделки, и если вы заинтересованы в работе, то будете искать максимальное количество информации о своем новом пациенте и уж, конечно, прочтете все медицинские выписки и назначения.

– Ну да, это логично, – согласилась Васса и улыбнулась.

– Вот что вы сделаете в первую очередь, дорогая: вы выкинете всю эту чушь из своей привлекательной белокурой головки и будете просто сопровождать меня, куда я вам скажу. Пока я сама могу о себе позаботиться, скорее мне нужна больше компаньонка, с которой я могу поговорить и пройтись по парку. Вам понятно? – широко улыбаясь, спросила Агнес.

– Да, но ваш сын дал мне указания...
– Забудьте о моем сыне. Ваш наниматель я, – прервала ее Агнес.

Васса еле заметно кивнула головой.

– Ну, вот и договорились, – весело произнесла Агнес.

Зазвенел будильник, Агнес встала, прошла в столовую и, приняв лекарство, громко спросила:

– Не хотите пройтись со мной в ближайший парк?

– С удовольствием!

Через полчаса Агнес и Васса уже прогуливались по асфальтированной дорожке городского парка. Им навстречу попадались в основном пожилые одинокие люди. На детской площадке с криком бегали дети, а их мамы стояли, сбившись в кучу, и что-то оживленно обсуждали. Влюбленные парочки сидели на скамейках и казались совершенно оторванными от реального мира. Васса невольно загляделась на одну из пар, и Агнес, заметив это, непринужденно спросила:

– Извините за личный вопрос, у вас есть молодой человек?

– Нет, сейчас нет, пару месяцев назад мы расстались.

– Почему?

Васса пожала плечами и ответила:

– Не знаю. Так получилось. Я не жалею.

– Извините меня за любопытство, сколько же времени вы встречались? Или вы жили вместе?

– Жили? Нет, – энергично замотала головой Васса и добавила:

– Не хватало еще жить с ним вместе. А встречались мы недолго, может, полгода, может, чуть больше.

– Вы так о нем говорите, будто это было несерьезно?

– Да так и было. Ничего серьезного. Мы просто встречались в кафе, болтали, ходили иногда играть в игровые автоматы и в кино.

– В игровые автоматы? Вы любите играть?

– Нет, не я, он. А я стояла и смотрела. Или общалась с его друзьями.

– Сколько же ему было лет?

– Он на год меня старше.

– Не поздно ли для такого увлечения? В его годы у вас в России многие люди уже обзаводятся семьей.

– Да, вы правы. Мы вместе работали раньше в госпитале, по-

том я ушла в городскую больницу, а он стал звонить и приглашать меня в кафе. Ну вот, один раз бабушка услышала наш разговор и настояла на встрече. У меня не было ни подруг, ни друзей, и она очень переживала по этому поводу. Ей хотелось, чтобы у меня была полноценная жизнь, как она выражалась – «чтобы жизнь была ключом».

– Как это была ключом? – переспросила Агнес. – Как может ключ бить?

Васса рассмеялась и объяснила:

– Да это просто выражение такое, это сравнение с тем, как подземный источник, ключ, как еще по-другому его называют, бьет из-под земли с сильным напором.

– О! Теперь понятно, – заулыбалась Агнес. – А почему вы ушли из госпиталя?

– Это неприятная история, – смутилась девушка.

– Так он медбрат? – тактично ушла от темы Агнес.

– Да.

– И чем он еще увлекался, кроме видеоигр?

– Да, по сути, ничем. Кино, кафе и видеоигры. Больше я ничего не могу о нем сказать. Я не вписалась в его компанию и решила больше не встречаться с ним.

– А как он отреагировал на это?

– Нормально. Сказал, что как-нибудь еще позвонит.

Агнес удивленно посмотрела на девушку и уточнила:

– Просто как-нибудь позвонит?

– Ну да, – ответила Васса, – у меня, если честно, мало опыта в этом вопросе. После окончания колледжа я постоянно ухаживала за бабушкой, и мне было не до романтических встреч. А когда она умерла, я осталась совсем одна. На работе общий язык со сверстниками я не нахожу, они живут совсем другой жизнью. У них разговоры только о сексе и о парнях, а мне им сказать нечего.

– Ты хочешь сказать, что в свои двадцать три года ты никогда не занималась любовью? – от потрясения Агнес резко перешла на «ты».

– Нет. Это плохо, наверное? Девчонки говорят, что это позор для современной девушки, даже начали меня сторониться и дразнить, будто я больная на всю голову. А вы как думаете?

– Я думаю, – медленно произнесла Агнес, – что я никогда не встречала такой девушки, как ты.

– Правда? – спросила Васса и заулыбалась во весь рот, но по-

том улыбка резко сошла с лица, и она настороженно спросила: – А это хорошо?

– Пока не знаю, дорогая, мне надо узнать тебя поближе, прежде чем ответить на этот вопрос.

Они дошли до конца мощеной дорожки и сели на скамейку под раскидистым дубом.

– Я переписала имя и адрес с письма брата бабушки, – сказала Васса и протянула листок бумаги Агнес.

– Борис Живягин, – прочитала вслух Агнес. Глаза ее на секунду вспыхнули, уголок рта дрогнул, но она быстро взяла себя в руки и сказала: – Нет, такого имени я не слышала.

– Бабушка не раз давала запросы в посольство, но его не нашли, в списках он числился как без вести пропавший. Видимо, погиб во время войны.

– Тогда многие погибли. Время было суровое, но очень интересное.

– Н-да, не хотела бы я тогда родиться, – протяжно произнесла Васса.

– А я горжусь, что жила именно в то время. Я встретила на своем пути много интересных людей. Сейчас таких нет. Наше поколение было особенным. В ваше время в основном сидят перед телевизором и в Интернете. А мы много общались, выходили в свет, каждый норовил чем-нибудь отличиться, чего-то достичь. Мое поколение хотело сделать мир лучше, поэтому нас переполняли идеи. Мы никогда не концентрировали свое внимание на материальных благах.

После минутной паузы Агнес посмотрела на часы и сказала:

– Сейчас ко мне подойдет мужчина, и у нас состоится конфиденциальный недолгий разговор, а вы, дорогая, можете пройти до того кондитерского магазинчика и купить нам эклеры к чаю, я буду ждать вас на этой скамейке, – и, вложив в ее руку деньги, показала в противоположную сторону парка.

Когда Васса уходила от скамейки, мимо нее прошел мужчина в неприметном сером пальто и шляпе, в его руках была папка черного цвета. Вассе показалось, что она уже его где-то видела, и, немного подумав, вспомнила, что встретила его вчера утром в кафе. Мужчина приветливо улыбнулся Агнес и присел рядом на скамейку.

Глава вторая

АЛЧНОСТЬ

Алчная душа всем злым делам начало.

Иоанн Дамаскин

После ужина Агнес разложила на столе документы и фотографии из папки, которую ей передал мужчина в сером пальто. Она их тщательно изучила и отсортировала по стопкам. После встречи в парке она выглядела расстроенной и обессиленной. Пока она перебирала документы, Васса ходила вокруг стола и под любым предлогом пыталась заглянуть Агнес через плечо. Девушка заметила фотографии одного мужчины, сделанные в разном возрасте. В молодости он был довольно привлекательным, но с годами черты лица стали заостряться, что придало его облику жесткости и злобы.

Заметив любопытный взгляд молодой компаньонки, Агнес мягко осведомилась:

– Не хотите мне помочь, дорогая?

Васса быстро подошла к столу.

– Да, конечно, а что нужно делать?

– Просто послушать мой рассказ. Рассказывая вам, я смогу легче разобраться в этом вопросе, – ответила Агнес и, улыбнувшись, сняла очки и стала правой рукой вращать ими. – Это досье, которое мне предоставил частный детектив, – тот мужчина, с которым я сегодня встречалась в парке. Я отсортировала всю информацию и разложила ее по темам. Вот здесь его семья, – и она показала на одну из стопок. – Здесь – окружение, а это – профессиональные интересы.

– Это ваш муж? – спросила Васса, показывая на фотографию мужчины.

– Нет, не муж. Но мог бы им стать, – ответила Агнес и, положив очки на стол, пересела в кресло.

Она вытянула ноги на банкетку, попросила накрыть ее пуховым платком и принести вечерние таблетки со стаканом теплой воды. Согревшись, Агнес дождалась действия таблеток и, прикрыв глаза, начала свой рассказ:

– Перед смертью я хочу примириться со своим прошлым. Я прожила в основном счастливую жизнь, но в ней были и трагические события, после которых я долго не могла оправиться. Эти события опустошили мою душу, и на восстановление приходилось тратить много сил и времени. Пройдя через отношения со многими мужчинами, я, будучи сорокалетней женщиной, наконец, встретила свою вторую половину. Вместе мы прожили тридцать пять лет. И теперь, когда он умер, я хочу вспомнить свое прошлое, простить себя и тех, кого встречала на своем пути. Поэтому я решила еще раз перед смертью встретиться с мужчинами, с которыми пережила самые яркие моменты моей жизни, если они, конечно, живы. Если нет, то узнать об их жизни и смерти как можно больше. А главное, узнать, нашли ли они в своей жизни ту, которая стала им идеальной подругой и скрасила остаток их дней.

Агнес сделала последний глоток воды и продолжила:

– Когда мне было шестнадцать лет, я испытала к мужчине первое сильное чувство. Это была взаимная и страстная любовь, его звали Виктор. Мой отец был назначен на работу в посольство Франции в СССР, и мы приехали всей семьей сюда, в Москву, в разгар русской зимы. На одном из приемов, посвященном экономическому сотрудничеству между нашими странами, я увидела в составе советской делегации молодого человека. Жизнерадостный жгучий брюнет худощавого телосложения был выше меня на целую голову. Он был умен, начитан и приятен в общении. Мои родители в тот день хотели познакомить меня с другим молодым человеком, который работал в посольстве вместе с отцом, но, узнав про это, я фыркнула и ушла из дома, хлопнув дверью. Вместо того чтобы проветрить мозги, успокоиться и вернуться домой, я в поисках приключений заявилась без приглашения к Виктору и осталась у него ночевать. Я оказалась настолько необычной для него девушкой, что, конечно, вызвала к себе большой и неподдельный интерес. Он забрасывал меня комплиментами и показывал друзьям, как диковинную драгоценность, которой стал обладать. Родители были категорически против наших отношений, но разве я слушала их тогда?

Поначалу все шло прекрасно, мы часто ходили в кино, в театр, на танцевальные вечера. Но устроившись на новое место работы, он познакомился с одним коллекционером, который стал водить его по антикварным магазинам и барахолкам. Постепенно Виктор стал отдаляться от меня и через год совсем замкнулся в себе. Я заметила, что все свои доходы он стал тратить на новое пристрастие – антикварные вещи, ювелирные украшения и предметы искусства. После работы он уединялся и изучал каталоги частных и музейных коллекций. Характер его менялся на глазах, больше не было нежности и проявлений заботы, которыми он тронул когда-то мое сердце. Мой отец всегда старался обеспечить мне достойную жизнь и выделял солидные суммы на мое содержание. Так вот, через год Виктор и на эти деньги наложил вето. Он постоянно проверял мои личные вещи и контролировал покупки. Бывало, он закатывал скандал, если я тайком от него обновляла свой гардероб. Доходило до того, что он сдавал одежду обратно в магазин, а на вырученные деньги покупал очередные произведения искусства. Наша квартира быстро превращалась в лавку ростовщика и менялы. Он снискал себе репутацию скупщика и ростовщика, к нам в середине ночи могли прийти какие-то люди неприятной внешности и предложить купить за бесценок разные вещи. Я даже стала его подозревать в скупке краденого.

Агнес перевела взгляд на окно и начала ушаченно дышать. Губы ее пересохли, и она потянулась к стакану с водой. Через минуту она успокоилась и продолжила свой рассказ.

– Он все чаще заставлял меня переписывать вещи из его коллекции, это было для него особым ритуалом. Все это время он сидел в кресле и наблюдал за моими движениями, глаза его блуждали по разложенным предметам и странно блестели. Было видно, что он получал огромное удовольствие от этого процесса. Как-то раз он сказал: «Драгоценность переписывает драгоценности». В такие дни он был сильно возбужден и под воздействием этих эмоций мог заниматься любовью хоть всю ночь. Но утром его страсть проходила, и он опять погружался в долговые записи, отчего становился угрюмым и озлобленным. Мне стыдно сейчас признаться, но тогда я с нетерпением ждала те дни, когда вновь наступала перепись его безделушек, и с каждым разом старалась все театральнее исполнить свою роль. Отведя каждой коллекции свое место, я торжественно перебирала и переписывала все предметы и напоследок всегда оставляла восточную коллекцию драгоценностей.

Я включала индийскую музыку, распускала длинные волосы и, надев экзотические украшения, куталась в полупрозрачную вуаль. Загадочно исполняя восточные танцы, я изображала знаменитую Мату Хари. Кстати, вы знали, что Мата Хари в переводе с малайского означает солнце?

– Нет, – ответила Васса и к своему стыду подумала, что не знает даже, кто это такая.

– Она была великолепной танцовщицей. Я родилась через двенадцать лет после ее смерти. Долгое время в наших кругах ее имя было под запретом, но я и мои подруги были так любопытны, что, найдя книгу о ее жизни, прочитали ее за одну ночь. Родители никак не могли понять, почему ни одна из нас не вышла к завтраку утром – сказала Агнес и по-детски хихикнула. – Первый фильм о ней был снят в 1920 году, с Астой Нильсен в главной роли. Я посмотрела его всего один раз, но запомнила на всю жизнь. Аста была великолепной актрисой немого кино. Мы встречались несколько раз, и каждый раз она меня поражала своим артистизмом. Несколько лет она была замужем за русским актером Григорием Хмарой. Он прославился как постановщик спектакля «Дама с камелиями» с Астой в главной роли. С этим спектаклем они долго гастролировали по Германии. Обязательно прочитайте ее мемуары под названием «Молчащая муза». Но я отвлеклась... Так на чем мы остановились?

– На переписи восточной коллекции, – напомнила Васса, упоенная ее рассказом.

– Ах, да! Его лицо в такие минуты преображалось и становилось прежним – нежным и восторженным. Но потом...

Агнес замолчала, на ее лице отразилась боль, она попросила принести ей еще воды и, сделав пару глотков, продолжила:

– Многие должники не могли вовремя отдать оговоренную сумму, и в нашей квартире все чаще стал появляться мужчина крепкого телосложения, помогающий Виктору в его делах. Не помню его имени, да и вспоминать не хочу. Как-то раз Виктор и его громила привели с собой мальчика лет семи. Виктор попросил меня увести его в загородную усадьбу родителей, которая пустовала в этот момент, и позаботиться о нем пару дней. Я стала расспрашивать, кто он и почему я должна с ним возиться, на что Виктор ответил, что его родители уехали по неотложному делу и попросили присмотреть за мальчиком. Я тогда была молода и наивна, мне только исполнилось семнадцать лет. Разве я могла тогда знать, в какую ситуацию он может меня втянуть? Я увезла мальчика в пустовавший загородный

дом моих родителей, всю дорогу он почти не разговаривал, видно было, что он чем-то сильно напуган, и когда я начинала его расспрашивать о семье, он отворачивался. Вечером следующего дня к дому подъехала машина, из нее вышли Виктор, громила и молодая женщина. Я открыла им дверь и увидела, что женщина, приехавшая с ним, была в ужасном состоянии. Лицо ее было в кровоподтеках, нос распух, она еле передвигалась. Виктор грубо отстранил меня от двери и приказал уйти с мальчиком в спальню, и не выходить оттуда ни при каких обстоятельствах. Я сразу поняла, что они затеяли что-то неладное, но от страха не могла сообразить, что мне делать. Стены были тонкие, и я слышала все, что происходило в соседней комнате. Сначала они просто разговаривали, женщина им объясняла, почему ее муж не может вернуть им долг. Потом они попросили ее позвонить, и ее муж пообещал найти и привезти деньги к десяти часам вечера. Но когда десять часов миновали, а звонка все не было, Виктор вышел на улицу якобы покурить. Видимо, он дал знак своему громиле, потому что как только дверь за ним захлопнулась, женщина стала панически кричать. По звукам, доносившимся из соседней комнаты, я поняла, что ее насилюют. Мальчик стал сильно плакать, из его отрывистых слов я поняла, что за стенкой находится его мама, я сидела в ужасе и не знала, как мне поступить. Ноги онемели от страха, и я не могла пошевелиться. Вдруг громила стукнул в стену кулаком и закричал: «Заткни мальчишке пасть или я заткну ее сам». Я прижала мальчика к себе и закрыла ладонями его уши, чтобы приглушить крики его матери, все его тело дрожало от страха. За стенкой опять послышалась борьба и крики женщины, и громила заорал уже на нее: «Заткнись, еще хоть раз пикнешь, я его на твоих глазах задушю». После этого крики прекратились, и потом были слышны только ее редкие стоны.

Агнес опять сделала глоток воды и через минуту продолжила:

– Все последующие годы я терзалась мыслью, что могла в тот момент помочь ей, но я сидела там за стеной, скованная страхом, и не сделала ничего, чтобы прекратить это безумие... Наутро я проснулась и огляделась вокруг, никого со мной в комнате не было. Я вышла из спальни и увидела Виктора, сидевшего за столом. Перед ним были разложены стопки денег, он пересчитывал их и раскладывал по пачкам. «Что смотришь? – сказал он мне грубо. – Сядь и помоги мне пересчитать деньги. Свое же добро приходится силой отнимать. Через полчаса произойдет обмен, – нам вернут остаток суммы, и к этому времени нам лучше быть дома».

В этот миг я осознала, что больше не могу находиться рядом с этим человеком и слышать его голос, видеть его искажившееся от алчности лицо. Надев пальто, я вышла на улицу, села в первую попавшуюся машину и доехала до нашего посольства. Когда я все рассказала своим родителям, они приняли решение немедленно отправить меня домой. И уже вечерним рейсом я вернулась в Париж с мамой в нашу квартиру на бульваре Сен-Жермен. А через полгода фашисты оккупировали Францию, и личная трагедия отступила на второй план. Что произошло дальше с Виктором, я не знала до сегодняшнего дня. Из этих документов, – Агнес показала на лежащие на столе бумаги, – я поняла, что в военные годы он сильно разбогател, скупая у обездоленных и голодных людей за копейки фамильные ценности и предметы искусства. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что знакомство с этим человеком могло принести мне не только страдания, но, возможно, и преждевременную смерть.

Агнес закрыла глаза и с облегчением вздохнула. История, которой насчитывалось более пятидесяти лет, только что ее отпустила.

Васса не осмелилась нарушить тишину, но любопытство не дало ей покоя, и она, повернувшись к столу, стала изучать разложенные по стопкам документы.

– Там сказано, что он сидел в тюрьме за соучастие в убийстве, – вдруг услышала она тихий голос Агнес.

– А кого он убил?

– Свою жену.

Васса вздрогнула и с жалостью посмотрела на Агнес. Затем нашла фотографию молодой женщины и прочитала на ее обороте надпись «Жена, Лариса, погибла в 28 лет».

– Симпатичная девушка, я наблюдаю некое сходство с вами. А вам сказали, как это произошло? – спросила Васса.

– Главным в его жизни были жадность и страсть к накоплению, они проложили дорогу ко всем другим его бедам, – ответила Агнес и закрыла глаза.

Минут через пять Васса увидела, что Агнес заснула. Она тихо переложила все документы в папку и, засунув ее под мышку, на цыпочках проскользнула в спальню. Осторожно закрыв за собой дверь, она разложила документы на кровати и стала изучать их. Когда все бумаги были проштудированы, она смогла сложить всю мозаику тех событий и понять, как прожил остаток своей жизни первый возлюбленный Агнес.

Оказалось, что вскоре после окончания войны он женился на

учительнице младших классов, и она родила ему двоих сыновей. Через восемь лет их совместной жизни ее нашли на улице жестоко убитой. Единственным подозреваемым был уже тогда дважды судимый друг Виктора, который и дал показания на следствии о заказчике совершенного преступления. Оказывается, на следующий день жена должна была давать показания в суде против своего мужа по делу о покупке краденого антиквариата. За ее убийство Виктор отсидел десять лет, их сыновья попали в детский дом и были усыновлены другими семьями, больше они с отцом не виделись. Сам Виктор был зверски убит при ограблении его квартиры через пять лет после освобождения из тюрьмы. Подозреваемым по делу проходил его старший сын, но жена последнего предоставила тому алиби, и его вскоре отпустили. В протоколе было указано, что в квартире после ограбления нашли фотокаталог и перечень имущества, в который входили многие предметы, находящиеся в розыске, особенно ценной оказалась восточная коллекция предметов из золота и серебра с драгоценными камнями.

Васса взяла две фотографии молодого и пожилого Виктора и внимательно изучила его лицо. На одной фотографии, еще будучи молодым, он светился лучезарной беззаботной улыбкой, а с другой на нее смотрел старик с заостренным носом, тяжелым неприятным взглядом и перекошенным ртом. Отложив в сторону папку с документами, она закрыла глаза и попыталась уснуть. Но заснуть не удалось. Рассказанная Агнес история крутилась у нее в голове и не давала покоя. Мысленно Васса представляла себя на ее месте и пыталась понять, как бы она отреагировала в такой ситуации. Не найдя ответа на этот вопрос, девушка встала с кровати и пошла на кухню.

Не включая свет, она открыла дверь холодильника и достала лимон и минеральную воду. Отрезав ломтик лимона, бросила его в стакан воды и сделала несколько небольших глотков. Из окна кухни были видны витрины магазина, в который Васса заходила накануне, и она поняла, что именно отсюда за ней наблюдал Алекс. Мысли вновь перенесли ее во вчерашнее утро и, подойдя к пакету, который лежал на столе в гостиной, она вынула шарф и взяла его с собой в спальню. Затем прижала шарф к груди, свернулась калачиком на кровати и, вдыхая запах терпкого парфюма, уснула.

На следующий день Агнес предложила Вассе после обеда

совершить небольшую прогулку. Выйдя из дома, они направились к метро. Спускаясь по эскалатору, Васса удивилась своей реакции, потому как страх внезапно отступил. Она совершенно спокойно доехала с Агнес до станции «Римская» и ни разу не испытала дискомфорта.

Они вышли на площадь «Рогожская Застава» и пошли в сторону многоэтажного типового дома. Поднявшись на второй этаж, Агнес позвонила в дверь, обитую старым и потертым дерматином. Через минуту дверь открыл мальчик лет десяти и спросил, к кому они пришли. Агнес отдышалась и с трудом ответила:

– Я ищу Алексея Геннадьевича Рогозина.

– Это мой дедушка, проходите, я позову его, он на кухне.

Агнес и Васса прошли в маленькую гостиную, из кухни вышел седовласый пожилой мужчина невысокого роста, поздоровался и спросил:

– Что вы хотите?

Агнес внимательно посмотрела на него, потом улыбнулась и ответила:

– Алексей, я знала вас еще ребенком. Я в Москве проездом, вот решила зайти поведать.

Алексей Геннадьевич внимательно изучил незваную гостью и переспросил:

– Простите, я не понял, вы были подругой моей матери?

– Не совсем, но была знакома с ней. Могу я переговорить с вами наедине? – предложила Агнес и, не дожидаясь ответа, пошла на кухню.

Алексей Геннадьевич пошел за ней следом с растерянным видом, и через минуту дверь в кухню закрылась. Васса, оставшись одна, стала оглядываться вокруг и увидела второго мальчика, который, приоткрыв дверь своей комнаты, с любопытством разглядывал ее. Она улыбнулась ему, он смущенно улыбнулся ей в ответ и быстро закрыл дверь. Васса села в кресло и стала ждать.

Минут через десять Агнес вернулась в комнату, вид у сопровождающего ее Алексея Геннадьевича был еще более смущенный и сконфуженный. Когда он закрывал за ними дверь, то обратился к Агнес:

– Не имею понятия, как вы узнали о моем сыне, но большое спасибо вам за помощь. Мне в жизни никто и никогда не помогал, поэтому я не привык к таким подаркам. Кто бы вы ни были, я благодарю вас за поддержку от себя лично и своей семьи.

Агнес смущенно кивнула и, наспех попрощавшись, быстро покинула квартиру и пошла к лестнице. Васса поспешила за ней. Когда они вышли на улицу, девушка не удержалась и спросила:

– Кто это был? Сын Виктора?

Агнес вскинула удивленные глаза на Вассу, но потом резко ответила:

– Нет, судьба его детей меня не волнует. Это был тот мальчик, которого я сжимала всю ночь в своих объятьях, пока его мать подвергалась страшным истязаниям, – произнесла она и потом добавила: – Истязаниям, которые привели ее позже в сумасшедший дом на всю оставшуюся жизнь.

– Я не поняла, за что он вас благодарил? – не унималась Васса.

Агнес немного прошла вперед, потом повернулась и ответила:

– Его сыну нужна срочная пересадка костного мозга. У них есть донор, но нет денег на такую сложную операцию.

– Так вот о какой помощи он говорил? – опять спросила Васса.

Агнес многозначительно посмотрела на девушку и улыбнулась. И Васса поняла, что она только что дала им необходимую сумму на операцию.

– Что-то я проголодалась. А не зайти ли нам в какой-нибудь уютный ресторанчик?

Взяв девушку под руку, Агнес повела ее в сторону метро.

Глава третья

Уныние, лень

Апатия и лень – истинное замерзание души и тела.

В. Г. Белинский

В последующие дни Агнес была неразговорчива и всячески давала понять, что история с Виктором закрыта для дальнейшего обсуждения. Молодой и неопытной девушке казалось, что после рассказа о Викторе Агнес переживает свои прошлые отношения с ним заново. Лишь иногда та выходила из спальни с какой-нибудь книгой в руках и начинала рассказывать о выдающихся и знаменитых людях в музыке, живописи, театре и архитектуре. В такие вечера она просила Вассу зажечь камин в гостиной, и ее рассказ мог длиться больше двух часов.

Ежедневные прогулки теперь Агнес в основном предпочитала совершать теперь в одиночестве, и Васса подолгу ждала ее у окна, сидя на подоконнике. Но времени даром девушка не теряла и активно занималась сбором документов, которые значились в списке Алекса, и оформлением заграничного паспорта. В паспортном отделе была большая очередь. В проходящей мимо девушке в офицерском звании Васса узнала свою соседку и на свое удивление обратилась к ней за помощью.

Все изменилось через две недели, когда ранним утром пришла телеграмма из Парижа, и как только Агнес ее прочитала, она сразу позвала Вассу и спросила:

– Дорогая, вы когда-нибудь были в Париже?

– Нет, – растерянно ответила Васса. – Я никогда не была за границей.

– Приглашаю вас совершить со мной маленькое путешествие, – проворковала Агнес, ее добрые глаза лучились нежностью.

Васса запрыгала от счастья и захлопала в ладоши, как ребенок. Агнес, наблюдая за такой реакцией, впервые за время их знакомства рассмеялась.

– Но у меня нет визы! Как я полечу? Я только на прошлой неделе сдала документы человеку, визитку которого мне дал Александр.

– Он оформил все документы на выезд еще вчера. Ваши документы и билеты лежат в конверте на консоли. Посмотрите, во

сколько наш вылет?

Васса выскочила в прихожую, открыла конверт и, посмотрев билеты, радостно воскликнула:

– Завтра в девять утра!

– Нам нужно собрать вещи, рано утром друг Алекса пришлет за нами машину.

Васса побежала в спальню и вытащила сумку из шкафа. В этот момент Агнес вошла в комнату и тактично произнесла:

– Дорогая, думаю, брать эти вещи вам с собой не следует. Мы купим в магазинчике напротив пару комплектов, которые я для вас вчера присмотрела, а остальное докупим в Париже.

– Но у меня не хватит денег на смену гардероба.

– Об этом не беспокойтесь, в поездках вы будете сопровождать меня, ведь именно в этом заключается ваша работа, поэтому по нашей договоренности все дополнительные расходы я беру на себя.

Через полчаса они вошли в магазинчик напротив дома. Их обслуживала та же продавщица, которая показывала Вассе шарф две недели назад. Примерив подобранные Агнес комплекты, Васса ощутила себя на седьмом небе от счастья, ей никто и никогда не дарил таких красивых вещей. У Агнес был великолепный вкус, она хорошо разбиралась в молодежной моде, смело сочетая стили и цвета. С большим мастерством она подобрала в комплект на первый взгляд несовместимые вещи. Затем купила Вассе новую сумку, кепку типа «Гаврош», чемодан на колесиках и, заплатив по чеку, с чувством выполненного долга вышла из магазина. Окрыленная от счастья Васса поспешила за ней следом, громыхая новым чемоданом.

– Спасибо, Агнес! У вас очень хороший вкус. Я бы сама никогда не купила эти вещи.

– Вы научитесь. Я в этом уверена, – ответила Агнес и, повернувшись к Вассе, с улыбкой добавила: – Мода как мужчина, легко увлекается, но всегда возвращается.

– Красиво сказали! – воскликнула Васса и рассмеялась.

Лицо ее раскраснелось от возбуждения, в мыслях она уже представляла себя в новых образах на фоне достопримечательностей Парижа, которые видела до этого только по телевизору: Эйфелева башня, Елисейский дворец, Лувр, Собор Парижской Богоматери. Как же все это хочется поскорее увидеть!

На следующий день, приехав в аэропорт рано утром, они прошли регистрацию, таможенный контроль и сели в кафе, расположенное в зоне ожидания.

Агнес заказала минеральной воды и посмотрела на взволнованную компаньонку.

– Значит, вы в первый раз летите за пределы России?

– Да.

– Волнуетесь?

– Очень, – ответила девушка и, посмотрев на стоящие за окном самолеты, съежилась от страха.

– Не волнуйтесь, это самый безопасный вид транспорта, – спокойно сказала Агнес и заботливо завязала замысловатым узлом на шею Вассы подаренный Алексом разноцветный шарф.

В самолете Васса, не отводя глаз, смотрела в иллюминатор. Сначала она, как ребенок, забавлялась, рассматривая маленькие города и дороги, похожие на тоненькие ниточки между густыми лесами. Ее также приводили в восторг белые облака, над которыми они проносились с огромной скоростью. Лишь пару раз стюардессе удалось оторвать ее от иллюминатора, когда она разносила напитки и еду по салону.

Сидя в кресле, Васса вспоминала прошедшие две недели и думала, что они для нее пролетели как один день. Общение с Агнес доставляло ей огромное удовольствие, казалось, эта маленькая хрупкая женщина вмещала в себя огромный багаж знаний и опыта. И несмотря на то, что по характеру она сильно отличалась от ее бабушки, Вассу непреодолимо влекло к ней как к самому близкому человеку на земле. Слушая ее вечерние рассказы о театре, музыке и живописи, девушка погружалась в создание зрительных образов и красочно представляла себе персонажей. Перед ней представал Бетховен, мучительно переживавший свою глухоту, безухий Ван Гог, смотрящий на нее сквозь время в приступе безумства, и целая череда театральных пьес, поставленных в маленьком самодеятельном театре Парижа. В таких вечерних беседах выяснилось, что Агнес – довольно знаменитая и талантливая женщина. Она была художницей, пианисткой, а под конец жизни стала еще и драматургом. Ее друг, режиссер того самого театра, часто ставил ее пьесы, а Алекс любил присутствовать не на премьерках, а на генеральных репетициях, когда в зале находились только работники театра.

Приземлившись в аэропорту «Руасси» имени Шарля де Голля,

женщины вышли после таможенного контроля в зал прилета, где многочисленная толпа встречающих гудела как пчелиный улей. Агнес заметила мужчину в первом ряду и махнула ему рукой. Увидев ее, он подбежал и, вежливо приподняв фуражку, поздоровался, погрузил их вещи на тележку и быстро покатил ее к выходу.

Уже в самолете Васса поняла, что она сильно преувеличила свое знание французского языка. Парижане говорили очень быстро и вставляли словечки, которые даже Агнес, всегда готовая прийти ей на помощь, отказывалась переводить.

Погрузив вещи в багажник и сев за руль, водитель снял фуражку и, приглаживая волосы, спросил:

– На бульвар?

– Нет, Поль, отвези нас по этому адресу, – сказала Агнес и протянула водителю листок бумаги.

Водитель удивленно повел густыми бровями, но удержался от комментариев и завел машину.

Всю дорогу Васса крутилась на заднем сидении, смотрела по сторонам и старалась рассмотреть мелькающие за окном улицы и дома. Ее лицо светилось от радости и восторга, что не оставило равнодушным даже водителя. Он спросил, в первый ли раз она в Париже. Ответив утвердительно, Васса повернулась лицом к заднему стеклу, опустила голову на кожаный подголовник заднего сиденья и смотрела на удаляющиеся улочки.

Водитель остановил машину по указанному адресу и помог внести вещи в квартиру. Когда дверь за ним закрылась, Агнес прошла по всем комнатам и, судя по выражению ее лица, была довольной увиденным. Она показала комнату, которую отвела Вассе, и ушла в свою спальню.

Васса никогда не видела подобного интерьера даже в кино. В старинный классический стиль была вписана современная мебель и люстры. Фон квартиры был абсолютно белым, а мебель и некоторые предметы интерьера – ярких и сочных оттенков. Все это создавало авангардную и современную атмосферу, в которой Васса почувствовала себя представительницей богемы или высшего общества.

– Это ваша постоянная квартира? – спросила Васса, зайдя в спальню к Агнес.

– Нет, мы будем с вами посещать только те места, в которых я пережила самые яркие моменты в прошлом, – спокойно ответила

Агнес и, посмотрев на девушку, добавила: – Я же вам говорила, что наша квартира находится на бульваре Сен-Жермен.

– А ваш сын присоединится к нам? – спросила Васса и от нетерпения затаила дыхание.

– Нет, дорогая, он сейчас не в Париже.

Васса давно заметила, что их взаимный интерес Агнес не радует, и она не стремится пока форсировать события, а, наоборот, всячески противится их встрече. Даже когда Алекс в телефонном разговоре с матерью просто передавал ей привет, Агнес закатывала глаза и сухим натянутым голосом говорила: «Конечно, передам, дорогой», но положив трубку, продолжала заниматься своими делами.

Васса подошла к окну и, выглянув на улицу, зажмурилась от яркого солнечного света. Лучи солнца заливали всю площадь и проникали в гостиную.

– Не хотите составить мне компанию? – спросила Агнес. – Мне нужно навестить внука когда-то близкого мне человека.

Васса повернулась к Агнес и заметила перемену в ее настроении. Та снова была энергичной и решительно настроенной. Перед выходом из квартиры Агнес остановилась у зеркала, посмотрела критически на себя и Вассу и сказала:

– Помните, пока вас не спросят, вы не должны вмешиваться в разговор и, тем более, не сообщать никакой информации о том, кто я, и зачем мы пришли в то или иное место. Если кто-нибудь спросит, вы – моя родственница. Постарайтесь не разглядывать откровенно людей, к которым мы будем приходить. Будьте вежливы и учтивы, но всегда ощущайте себя соответственно, в этом путешествии вы – моя компаньонка, поэтому должны вести себя уверенно, но сдержанно и не проявлять в присутствии посторонних сильных откровенных эмоций. Договорились?

Девушка смутилась, но кивнула головой в знак согласия и покорно вышла из квартиры следом за Агнес.

Через час они стояли перед старинным особняком. Агнес глубоко вздохнула и, набравшись храбрости, вошла в парадный подъезд. В роскошном холле с мраморными полами и колоннами их встретил дворецкий и спросил, к кому они пришли. Агнес протянула свою визитку и сказала, что ее ожидает месье Гастон Фернан. Дворецкий попросил их подождать. Коротко поговорив по телефону, он сопроводил их на лифте на пятый этаж.

В холле апартаментов их встретила служанка и пригласила следовать за ней. Проводив Агнес и Вассу через гостиную, она показала рукой в сторону веранды:

– Месье Гастон ожидает вас.

На веранде они увидели мужчину примерно сорока лет в белом костюме, который курил сигарету и задумчиво смотрел вдаль. Когда он повернулся, и Агнес увидела его лицо, то от неожиданности сначала вскрикнула, потом у нее закружилась голова, и, еле удерживаясь на ногах, пошатнулась и чуть не упала. Мужчина и Васса подбежали к ней и, взяв под руки, подвели к креслу.

Агнес подумала, что время посмеялось над ней, потому что перед ней стояла точная копия ее первого мужа Анри Фернана. Когда Агнес отдышалась, он спросил:

– По телефону вы сказали, что пришли по семейному делу, хотелось бы уточнить, по какому именно?

– Видите ли, я хочу узнать как можно больше информации о вашем дедушке, Анри Фернани.

– А кто вы ему и какого рода информация вам нужна?

– Видите ли, мы были с ним очень хорошо знакомы, – начала Агнес, – Меня зовут Агнес Жувене, но он меня знал еще под девичьей фамилией Вилон.

– Вы Агнес Вилон?! – удивленно воскликнул Гастон.

Агнес скромно улыбнулась и кивнула головой. Гастон быстро заговорил:

– Дед столько рассказывал о вас. Вы же были его первой женой. Ваш портрет долгие годы висел над камином в его кабинете, и он до последнего не разрешал его снимать.

– А где он сейчас?

Гастон опустил голову и тихо сказал:

– Мы похоронили его месяц назад.

– Как похоронили? – переспросила Агнес растерянно. – Но в газетах не было информации о его смерти.

– Я понимаю ваши чувства, но мы не хотели афишировать личные дела семьи, дед оставил много долгов, вы понимаете, о чем я говорю?

– О да.

– Если бы все кредиторы сразу предъявили нам счета, то от семейных сбережений не осталось бы ни одного евро.

– Понятно, – растерянно произнесла Агнес и уставилась в одну точку.

Подумав немного, она спросила:

– Вы не могли бы мне рассказать хоть что-нибудь о его жизни?

– Я сделаю кое-что другое, подождите меня минуту.

Гастон прошел через гостиную и скрылся в кабинете, через пару минут он вернулся с коробкой в руке, протянул ее Агнес и сказал:

– Это он оставил для вас. В завещании было сказано, чтобы я нашел вас и передал лично в руки. Но сразу после похорон у меня было много неотложных дел. А когда я занялся вашими поисками, мне сказали, что вас нет в стране. И надо же, какое совпадение – вы сами пришли ко мне.

На веранду вышла служанка и сказала, что двое посетителей ожидают Гастона в гостиной.

– Прошу меня извинить, у меня сейчас будет деловая встреча, и я буду занят до вечера, но вы можете посетить кабинет Анри и осмотреть его вещи. Сатин вас проводит.

Служанка провела Агнес и Вассу в кабинет и демонстративно встала около двери, наблюдая за их действиями. Агнес это смутило, но она собралась с силами и прошла по кабинету. Как и сказал Гастон, ее портрет висел над камином, на нем она была изображена молодой шатенкой с длинными волосами. Агнес подошла к столу и увидела огромное количество фотографий его семьи. На фото он был, по-видимому, с женой, детьми и родителями, но почему-то запечатлен был только в одном возрасте. У Агнес закрались некоторые сомнения, но она не подала виду. Оглянувшись еще раз на свой портрет, она быстро вышла из кабинета. Когда они шли по длинному коридору, служанка вполголоса сказала:

– Жаль старика Анри. Он умер в пансионе в полном одиночестве. Они давно его изолировали от семьи и от денег. Ходят слухи, что он умер не своей смертью, а от передозировки лекарств.

– Он умер не в этом доме? – спросила Агнес.

– Нет. В пансионе. В этом доме его не было больше двадцати

лет.

От удивления Агнес встала как вкопанная, но служанка, бросив испуганный взгляд в сторону камеры наблюдения, подтолкнула их к выходу и с шумом закрыла за ними дверь. Агнес и Васса стояли в коридоре и в недоумении смотрели друг на друга.

– Что это было? – как бы сама у себя спросила Агнес и двинулась по направлению к лифту.

Пожав плечами, Васса последовала следом.

Когда они вышли на улицу, Агнес остановилась и начала тяжело дышать, она подняла голову вверх и закрыла глаза.

– Агнес, что с вами? – спросила девушка.

Медленно открыв глаза и восстановив дыхание, Агнес ответила:

– Когда мы уходим туда, – и она показала на небо, – мы не можем с собой взять ничего, кроме наших воспоминаний. А уж какими они будут, зависит только от нас.

– Вы вспомнили Анри?

– Да. Как я любила и ненавидела его одновременно, – сказала Агнес и тихо заплакала.

Девушка внимательно посмотрела на Агнес и поняла, что она сейчас не готова обсуждать подробности своей личной жизни, что боль из прошлого пронзила ее изнутри и не дает двигаться дальше.

– Разве мы не ради этого здесь? – осторожно спросила Васса. – Ведь вы хотели вспомнить и заново пережить те события, которые не отпускают вас многие годы.

Женщина подняла на нее заплаканные глаза и, промокнув их белоснежным шелковым платком, взгляделась в лицо девушки.

– Да, не отпускают многие годы, – подтвердила она.

Васса взяла ее под руку, и они пошли в сторону Люксембургского сада. Чем ближе они приближались к садово-парковому ансамблю, тем бодрее выглядела Агнес, и когда они вошли в сад с главного входа, она уже широко улыбалась. Какой-то пожилой мужчина, проходя мимо, бросил ей в руки розу, и она от неожиданности вскрикнула, но потом засмеялась и поблагодарила незнакомца. Настроение у нее окончательно поднялось, и она потянула девушку в сторону музыкального павильона, из которого разносилась по всему парку музыка. Многие парочки разных возрастов танцевали под открытым небом. Дети, объединившись в группы, с визгом бегали вокруг, путаясь под ногами у танцующих. Заиграла новая мелодия и многие сидевшие за столиками стали

громко подпевать, некоторые соскакивали с мест и, с преобразившимися лицами, восторженно размахивая руками, выкрикивали слова песни. Заметив недоумение на лице Вассы, Агнес произнесла:

– Это Марсельеза – гимн великой революции. Все французы знают ее наизусть.

Васса наблюдала за людьми и подметила, что таких раскованных и свободолобивых людей она еще не встречала. Они немного постояли перед сценой и пошли по дорожке к выходу. Солнце начало припекать, и Агнес, расстегнув пальто, несколько раз сделала глубокий вдох и выдох.

– Вот по такому Парижу я буду очень скучать.

– А вы что, уезжаете из Франции? – удивленно спросила Васса.

– Можно сказать и так, – многозначительно произнесла Агнес и бодро добавила: – Я проголодалась, пойдемте, я вам покажу необыкновенное кафе.

– Чем оно необыкновенно?

– О! Оно славится своей творческой атмосферой и знаменитыми посетителями.

Выйдя из парка, они направились в сторону ближайшего перекрестка. Проходя мимо памятника, Васса спросила:

– А кто это?

– Это? Маршал Ней. Как говорил Наполеон, он был храбрейшим из храбрых. Кстати, вы должны его знать, он получил титул князя Московецкого за битву при Бородино.

– Бородино?! Конечно, знаю, – бойко ответила Васса, и, встав в позу, начала декламировать стихи: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французам отдана?».

– Кто это написал? – улыбаясь, спросила Агнес.

– Лермонтов, его стихи знают все русские, – язвительно парировала ей Васса.

Глаза их встретились, и женщины рассмеялись, Агнес одобрительно похлопала по плечу девушку и сказала:

– Правильно! Нужно знать историю своей страны и гордиться ею, какие бы трагичные времена она не переживала!

Зайдя в кафе «Le Closerie des Lilas», они сразу окунулись в особую атмосферу. Кафе было почти полностью заполнено, стоял неимоверный шум, многие посетители расхаживали от столика к столику с бокалом вина и о чем-то оживленно спорили. Женщины заняли только что освободившийся столик в центре зала, и первое,

что бросилось Вассе в глаза, – скатерти, на которых краской по трафарету были нанесены автографы и подписи на разных языках. Заметив ее взгляд, Агнес объяснила:

– Это легендарное в своем роде кафе, его на протяжении века посещали многие знаменитости из разных стран. Из дореволюционной России здесь побывали Ленин и Троцкий, говорят, что в этой атмосфере они любили играть в шахматы. Именно здесь написал свой роман «Фиеста» Хемингуэй, и некоторые его почитатели специально приезжают в Париж и посещают места, в которых он побывал. А вот подпись Пикассо, – и Агнес показала на подпись на скатерти. – Он был здесь частым гостем, приходил в основном со своими друзьями, одним из которых был великий художник и скульптор Модильяни, его по праву называли певцом женского тела. Кстати, он любил русскую поэтессу Анну Ахматову. Говорят, что на протяжении целого года их связывали близкие отношения. Она посвятила ему вот эти строки в «Поэме без героя»:

*В черноватом Париж тумане,
И наверно, опять Модильяни
Незаметно бродил за мной.
У него печальное свойство
даже в сон мой вносить беспокойство
и быть многих бедствий виной.*

– Она тоже была в этом кафе? – спросила Васса.

– Конечно, была.

– Моя бабушка относилась к ней с особой нежностью. Она часто читала мне ее стихи, помню, у нее было одно любимое стихотворение, я не вспомню его сейчас дословно, но что-то про кольца и девичьи сердца.

– О, наверное, это:

*На руке его много блестящих колец –
Покоренных им девичьих нежных сердец.
Там ликует алмаз, и мечтает опал,
И красивый рубин так причудливо ал.*

– Да, да, это оно! – воскликнула Васса и с восторгом посмотрела на Агнес.

Агнес продолжила:

*Но на бледной руке нет кольца моего,
Никому, никогда не отдам я его.*

*Мне сковал его месяца луч золотой
И, во сне надевая, шепнул мне с мольбой:*

*«Сохрани этот дар, будь мечтою горда!»
Я кольца не отдам никому, никогда.*

– Как вы запоминаете столько информации в вашем возрасте?
– удивилась Васса.

– Тренировка, ежедневная тренировка, – ответила
непринужденно Агнес и дала знак официанту принять заказ.

К ним подошел высокий мужчина средних лет в униформе и,
узнав Агнес, долго восторгался ее пьесой, с триумфом прошедшей на
прошлой неделе. Потом он спросил, почему ее не было на премьере,
и Агнес ответила:

– Я была в России, ездила за вдохновением.

– О! Я понимаю вас!

Приняв заказ, он поспешно удалился на кухню и минуты через
две из ее дверей стали появляться любопытные повара, старающиеся
рассмотреть Агнес. Заметив это, Васса спросила:

– О какой премьере он говорил?

– О! Очередная моя пьеска. Ничего грандиозного, а вот
история, над которой я работаю сейчас, действительно будет ярким
событием в театральном мире. Мой друг Поль, режиссер театра,
ждет ее окончания с большим нетерпением. Стоило рассказать ему
вкратце всю историю, как он прокричал в трубку, что он первый, кто
должен прочитать ее после завершения.

Позужинав, женщины вернулись в квартиру. Когда солнце село
за горизонт, Васса включила свет и задернула портьеры на окнах. Аг-
нес вышла из своей комнаты, открыла коробку, которую дал ей Гас-
тон, вынула из нее аудиокассету и мужское кольцо-печатку. Кассета
была старой модели, и на ней стояла дата: «20 июля 1998 года». Агнес
попросила Вассу вставить кассету в магнитофон, который они
нашли в кладовой, и стала рассматривать кольцо. Когда кассету
включили, послышался звук, похожий на скрип патефона, и в

динамике заиграла музыка. Услышав первые аккорды, Агнес села в кресло, закрыла глаза и сказала:

– Это моя любимая ария из оперы «Набукко» Джузеппе Верди. «Хор рабов-иудеев».

Тихо и осторожно зазвучали мужские и женские голоса. Агнес начала вполголоса подпевать. Когда хор зазвучал громче, она сделала звук тише и произнесла:

– Мы жили в Монте-Карло несколько лет и часто вместе ходили в оперу, и там я не раз говорила ему, что это самая любимая моя часть оперы. Такое величие и драматизм момента композитору не часто удается передать.

– Моя дорогая Агнес, – послышался приятный баритон, и с этими словами из глаз пожилой женщины хлынули слезы. – Не знаю, дойдет ли до тебя мое послание, а у меня есть сильные подозрения, что тебя никто не будет искать даже после оглашения моего завещания, но я все равно рискнул записать свой прощальный монолог. Я умираю, Агнес. Умираю от своего старого порока. Уже не помню, сколько раз я бросал, а потом снова начинал. Это как заезженная пластинка. В один момент льется музыка, и ты получаешь удовольствие, а в следующий игла соскальзывает, раздается скрипучий звук, и тебя отбрасывает назад. Ты знаешь, что можешь потерять все самое дорогое в своей жизни, но все равно идешь на это. Агнес, ты была моим спасителем, но тогда я не понимал этого. Когда ты была рядом, у меня еще был шанс, но как только ты ушла, все вокруг медленно померкло. Как бы я хотел вернуть то время, когда мы только познакомились, прожить все заново. Твой заразительный смех, дурманящий запах и обворожительная улыбка сводили меня с ума. До сих пор помню ту сумасшедшую неделю в Монпарнасе. Что бы ты обо мне ни узнала – не верь ничему. Анри Фернан умер в тот день, когда ты ушла от него. А потом родился совсем другой человек, которого ты не знаешь, и не надо судить о его поступках. Он – несчастный затворник, который потерял вкус к жизни. Ничто меня не радует, ни к чему в жизни я не привязан. Сейчас я думаю, что так и не научился любить по-настоящему, даже себя. Агнес! Прости меня за все те страдания, которые я тебе причинил! Я искренне сожалею, что не смог сделать тебя счастливой. Не смог удержать тебя. Не смог стать хорошим мужем и отцом. Сейчас я верю, что мы приходим в жизнь не единожды, и я прошу у Бога дать мне шанс снова встретить тебя и все исправить. Так что я скажу тебе – до встречи!».

Музыка закончилась, кассета остановилась и отключилась. Агнес и Васса сидели в полной тишине и обдумывали услышанное. Наконец Васса произнесла:

– В вашей жизни, по крайней мере, был такой человек, за которым в огонь и в воду можно пойти!

– С Анри всегда было так, – тихо ответила Агнес и, сделав паузу, сухо добавила: – Никогда нельзя было узнать, где правда, а где ложь.

– В каком смысле? – удивленно спросила Васса.

– Для того, чтобы понять его прощальное послание, нужно хорошо знать его жизнь.

– Расскажите, – попросила Васса, а потом добавила: – Пожалуйста.

Агнес улыбнулась и ответила:

– Конечно. Я и сама хочу облегчить себе душу.

Она укуталась в плед и начала свой монолог:

– В один из послевоенных вечеров я с подругой пошла на открытие персональной выставки начинающего, но уже тогда гениального художника. После выставки к нам подошли двое наших друзей и пригласили на вечеринку, где парижская богемная молодежь отмечала триумф. Мы веселились, танцевали и пили шампанское, как вдруг я заметила на себе чей-то пристальный взгляд. Я обернулась и увидела у бара приятного молодого человека в белом костюме. Наши глаза встретились, и я стояла как замороженная и смотрела на него в упор. Это был брюнет среднего роста с широкими скулами, глаза у него поблескивали на свету и были ярко-зеленого цвета. У него были необыкновенно чувственные губы. Это был Анри. Мир вокруг нас просто растворился, мы смотрели друг на друга и не могли пошевелиться. Наконец моя подруга не выдержала и одернула меня за руку. Я оглянулась и посмотрела на нее, она у меня что-то спрашивала, но я была в прострации и ничего не слышала. Я думала только о нем. Вдруг я почувствовала за спиной жар и, обернувшись, увидела прямо перед собой Анри. Он взял меня за руку и молча повел танцевать. И как только одна его рука оказалась на моем бедре, а вторая обвила шею, я совсем потеряла голову. Он стал целовать меня страстно и нежно, и в каждом его движении было столько чувственности и желания, что я даже не заметила, как оказалась у него в квартире. Это было просто сумасшествие какое-то, я прежде не испытывала таких чувств. Как будто весь остальной мир растворился. Сегодня я не могу себе даже

представить, как мы могли неделю не выходить из этой квартиры.

– Это его квартира?! – удивленно воскликнула Васса.

– Да, мне удалось ее снять. Так я нашла его внука, который, кстати, очень похож на Анри, – с этими словами она достала выцветшую фотографию и показала ее Вассе.

– Вот это да! Просто мистика какая-то! – воскликнула Васса, взглянув на фото.

– Да, жизнь иногда смеется над нами. Когда я его сегодня увидела там, на веранде, в белом костюме, мне показалось, что я попала в прошлое, и на секунду потеряла равновесие.

Васса вернула снимок и спросила:

– А что было потом?

– О! Потом был бурный роман в течение двух месяцев. Тогда я не придавала значения многим его особенностям... они открылись мне позже, после того как я вышла за него замуж.

– Чему именно?

– Анри ничего по большому счету не интересовало и не радовало, он находился в постоянном состоянии уныния, и мне с большим трудом приходилось расталкивать его, чтобы вывести куда-то за пределы квартиры. У него были резкие перепады настроения. То он сидел дома целый день, был вялым и ленивым, то уходил на три-четыре часа, приходил домой веселым и возбужденным, казалось, что он пьяный, но спиртным от него не пахло. Такое настроение длилось несколько часов, а потом он опять впадал в свое обычное состояние. Правда вскрылась после первой годовщины нашей свадьбы. Мы переехали жить в Монако и как-то поехали в путешествие по Средиземноморью, и там, на корабле, я наконец-то узнала, что он был наркоманом.

– О боже! – воскликнула Васса.

– Самое страшное было в том, что, узнав об этом, я не бросила его, а прожила с ним еще пять долгих мучительных лет, думая, что ради меня и нашей любви он когда-нибудь бросит свою пагубную привычку. И он пытался, периодически бросал, но потом проходило какое-то время, и он начинал снова. Видимо, без этих ощущений ему становилось совсем скучно, хотя наш образ жизни нельзя было назвать спокойной семейной жизнью. Мы постоянно путешествовали, а когда были в Париже, не сидели по вечерам дома, как многие наши знакомые семейные пары. Он постоянно просил у меня прощения, говорил, что завтра все изменится и он станет другим человеком, а на следующий день все начиналось сначала. Он

был рабом одного распорядка: проснуться к вечеру, достать деньги, купить и принять наркотик, а затем вернуться домой к утру. Когда он приходил, я была готова его отхлестать по лицу, но стоило ему нежно посмотреть мне в глаза или дотронуться до моих волос, как внутри меня моментально закипал вулкан, и я не могла уже противостоять его ласкам. Так многие годы он балансировал на грани дурмана и трезвой жизни, пока на пятом году нашего брака не наступил настоящий ад. Его сбережения закончились, родители отказали ему в финансовой поддержке, пока он не примет их условия – лечиться. Друзья перестали одалживать, и он начал занимать деньги у всех, кого когда-то знал, придумывая разные невероятные истории. Позже люди, заподозрив неладное, стали приходиться ко мне и к его родителям и требовать назад свои деньги. Поначалу мы расплачивались, но суммы все росли, и терпение наше иссякло, мы стали закрывать перед ними дверь, а Анри нередко приходил домой избитым. Один раз мне позвонили из больницы и сказали, что его привезли без сознания с проломленным черепом. Я просидела у его кровати почти месяц. Придя в себя, он поклялся завязать с прошлой жизнью навсегда и взяться за ум. Он сказал, что судьба дала ему второй шанс, и он его ни за что не упустит.

– Поэтому вы так холодно отреагировали на его слова о втором шансе на кассете!?! – воскликнула Васса.

Агнес кивнула и тяжело вздохнула.

– Мы переехали в Париж, и жизнь вроде наладилась, каждый день мы проводили вместе. От дурной склонности не осталось и следа. Вскоре я забеременела и объявила об этом на семейном обеде. Он и наши родители были безумно счастливы. Все знали, через что мне пришлось пройти с ним, и думали, что с рождением ребенка мы перевернем эту страницу и заживем новой жизнью. Но уже через три месяца он снова заскучал, и снова ничто его не радовало. Работать он категорически отказывался. Вступать в семейный бизнес он тоже не хотел. Каждый день он без дела слонялся по дому, постоянно заламывал руки и стонал, пока в один день я, вернувшись от врача, не обнаружила, что украдены все мои фамильные драгоценности, предметы искусства, которые дарили нам друзья и родственники. Он отрицал свою вину, говорил, что нас ограбили. Но сомнений у меня больше не было, он взялся за старое. В тот же день я ушла к родителям.

– А что потом? Ребенок родился? – спросила Васса.

– Нет, – с грустью ответила Агнес. – Родители запретили нам

видеться и старались оградить меня от стрессов. Но он как-то пробрался в квартиру, когда дома никого кроме меня не было, и стал умолять вернуться к нему, уверял, что бросил, и больше срываться не будет. Сказал, что покончит жизнь самоубийством, если я к нему не вернусь. До сих пор помню его глаза, полные слез, казалось, он говорил так искренне. Вопреки родительским советам я вернулась к нему на следующий день. Опять были два идеальных месяца, любовь, страсть, обещания новой жизни ради нашего ребенка. Но по окончании этого срока он не пришел домой ночевать. А на следующий день, заходя в подъезд, я увидела его на лестнице всего окровавленного. Я кричала, билась в истерике, пыталась дотащить его до двери нашей квартиры, чтобы оказать первую помощь.

Агнес замолчала, но потом, глубоко вздохнув, продолжила:

– Помню, как пыталась его затащить в квартиру и для этого открыла дверь гостиной. Повернулась спиной, и в следующий же миг кто-то сильно толкнул меня в спину и я неудачно упала, задев угол комода животом. Когда приехала машина «Скорой помощи», увозили в больницу нас обоих, его спасли, а нашего ребенка нет. Оказывается, он задолжал какому-то негодяю, и тот послал своих ребят «уладить» это дело. После потери ребенка я поняла, в какой опасности находилась все это время, и попросила своих родителей увезти меня из страны и оформить развод. Больше мы не виделись.

– А почему вы думаете, что запись на кассете – это ложь? – спросила Васса, вытаскивая кассету из магнитофона.

– Это не ложь, это чей-то неумелый подлог. Я не могу себе даже представить, чтобы у Анри был свой кабинет. Он всегда решал свои дела на ходу, на диване, по телефону или в букмекерской конторе. Но вот что странно, нигде нет о нем никакой информации. Ни регистрации брака, ни рождения детей. Также нет информации о его смерти.

С этими словами Агнес встала и ушла в свою спальню, но через десять минут она вышла и загадочно произнесла:

– Его внук сказал мне, что они похоронили деда месяц назад. А на кассете отмечена дата – 1998 год, и Анри говорит, что умирает от старой болезни. Он намекает на наркотики, это точно. Но если это наркотики, то наркоманы так долго не живут. И для чего понадобилось вешать мой портрет? Это как-то странно. И вообще эта квартира выглядит как нежилая. Служанка странная. Бормотала себе под нос какую-то чушь. Сказала, что его не было в доме уже двадцать лет.

– С кассетой что-то не так, – и Васса показала на место склейки пленки.

Проводя по кассете пальцем, она задела острый край пластмассового корпуса и порезалась. Промочив ватным тампоном палец, она бросила окровавленный тампон в пепельницу и продолжила рассматривать пленку. Все это время Агнес внимательно наблюдала за ней, и когда Васса положила пленку в коробку, сказала:

– У меня есть детектив, который помогает сыну в работе, я иногда пользуюсь его услугами. Нужно позвонить ему.

Агнес стремительно подошла к телефону и, дозвонившись до детектива, поведала ему о всех своих опасениях.

– А что это за кольцо? – спросила Васса, когда Агнес закончила разговор и вернулась в гостиную.

– Этот перстень я подарила ему на годовщину свадьбы, как раз перед тем, как узнала о его пристрастии. Перед тем как я ушла, он заложил его в ломбард.

– Ну, по-видимому, он его выкупил, раз оно оказалось сейчас у вас.

Агнес взяла кольцо и посмотрела на его внутреннюю часть.

– Странно, и отметка ломбарда еще не стерлась, как будто его и не носили после выкупа.

– А почему это странно? Возможно, он хранил его как память.

– Сплошные вопросы, – Агнес села в кресло. – Почему он сказал: «Не верь ничему, что бы тебе ни сказали обо мне»?

– Потом назвал себя несчастным затворником, – напомнила Васса.

– Ничего не понимаю.

– Возможно, вы сможете прояснить ситуацию, просмотрев его завешание? – предложила Васса.

– Я уже дала распоряжение, чтобы его запросили.

Когда Васса вышла на кухню, Агнес быстро подошла к столу и, вынув окровавленный тампон из пепельницы, положила его в маленький герметичный пакетик и поспешно убрала в свою сумочку.

Глава четвертая

Зависть

Царят на свете три особы, зовут их: Зависть, Ревность, Злоба.

Себастьян Брант

Всю последующую неделю Агнес часто уединялась в своей комнате. Даже когда она выходила на прогулку, то не приглашала Вассу с собой, чем, конечно, огорчала девушку. Здесь, в Париже, Вассе было одиноко, и она частенько скучала по бабушкиной квартире, по соседям и Москве. В такие моменты Агнес доставала из сумки очередную книгу на французском языке и настаивала, чтобы Васса ее прочитала. Держа книгу в руках, она многозначительно говорила: «Это настоящий шедевр французской классики. Не зная его, стыдно появляться в приличном обществе». Торжественно вручая книгу, сдержанно улыбалась. Васса складывала книги на комод у себя в спальне и недовольно морщилась. В Париже ей совсем не хотелось читать, и только новая пьеса Агнес неожиданно вызвала у нее повышенный интерес. Но Агнес категорически не хотела ее показывать и даже запирала в ящике письменного стола, когда уходила на очередную прогулку. Поэтому, оставшись одна, Васса вынужденно тянулась к очередной книге на комод и нехотя начинала читать. Какие-то произведения ей нравились, и она начинала активно их обсуждать, а какие-то, прочитав несколько глав, относилась обратно, категорично заявляя: «Я не смогу больше прочитывать ни единого слова из этой книги».

Через неделю после их приезда, рано утром, Вассу разбудил телефонный звонок, и сквозь дремоту она услышала, как Агнес подняла трубку и с кем-то разговаривает.

После завтрака Агнес поведала:

– Мне звонил детектив и сказал, что пришлет сейчас материал для нашей следующей поездки.

– И куда мы едем на этот раз?

– В Женеву.

– Женева... – мечтательно произнесла Васса. Глаза ее заискрились, улыбка озарила белоснежное лицо.

– Там я провела свои следующие пять лет.

– Когда едем?

– Сегодня, дорогая! Скоро за нами приедет водитель, так что

вам нужно поторопиться и собрать свои вещи. Мы проедем почти пятьсот километров, поэтому придется останавливаться для обеда где-нибудь на юге страны. Соберите свой чемодан, но с собой в машину все вещи брать не надо, я их отправлю в следующий пункт нашего пребывания.

– А куда мы поедem потом?

– Всеmu свое время, дорогая, – загадочно произнесла Агнес.

Услышав ее слова, Васса побежала собирать вещи и через пару минут крикнула из своей комнаты:

– А есть какая-нибудь информация об Анри?

– Пока нет, – ответила Агнес.

Во время поездки Агнес несколько раз говорила по телефону с разными людьми. Переговоры носили деловой характер, не относящийся к ее творческой деятельности. Она давала распоряжения о каких-то закупках и выплате заработной платы. Васса постеснялась спрашивать, о каком предприятии идет речь, а сама Агнес не спешила давать объяснения.

Вечером этого же дня водитель остановил машину перед парадным входом фешенебельного отеля на побережье Женевского озера. Это было шестиэтажное здание охристого цвета в стиле классицизма, с коваными элементами на балконах и на входной лестнице. Им навстречу поспешили двое мужчин из обслуживающего персонала и тепло поприветствовали выходящую из машины Агнес. Она дружелюбно поздоровалась и, опираясь на руку одного из них, поднялась по лестнице в отель. У стойки регистрации она повернулась к Вассе и сказала:

– Я забронировала себе отдельный номер. Мне будет так удобно. В моем номере меня уже ожидают адвокат и нотариус. Здесь мы пробудем не больше двух дней, мне многое предстоит сделать. Я жду вас завтра в холле первого этажа в три часа дня. Оденьтесь теплее, мы поздно вернемся в отель. А пока располагайтесь в номере. Я наняла вам экскурсовода, ее зовут Шарлотта, она придет за вами через час и познакомит с достопримечательностями Женевы.

Поднявшись в свой номер, Васса не спеша приняла душ. Затем высушила волосы, переделась в новое платье, которое они купили в маленьком магазинчике на границе Швейцарии, и стала ждать звонка.

Шарлотта позвонила в номер через полчаса и звонким голосом сказала на французском языке:

– Мадмуазель Васса, меня зовут Шарлотта, и я буду вашим

экскурсоводом.

За следующие семь часов Васса получила столько информации, сколько не получала за всю свою жизнь. Они с экскурсоводом прошли по набережной Женевского озера, посмотрели Шильонский замок, посетили собор Святого Петра и прошли мимо Стены Реформации. Шарлотта рассказывала так страстно и вдохновенно, что Вассе порой казалось, что она сама участница тех событий, про которые та упоминала.

В отель Васса вернулась очень поздно, но спать ей совсем не хотелось, и она решила пройтись по этажам и изучить историческое здание. Больше всего ей понравился холл. Черно-белая плитка, уложенная в шахматном порядке, придавала помещению строгости и графичности. С потолка через лестничный пролет шести этажей висела массивная хрустальная люстра с красным бархатным шнуром. Каждый этаж отличался своей цветовой гаммой собранных предметов интерьера и произведений искусства. Она зашла в бар «Nobel» и увидела группу мужчин, которые о чем-то приглушенно говорили и курили сигары. Когда она прошла к барной стойке и попросила минеральной воды, все мужчины за столиком оглянулись и одарили ее любопытно-восторженными взглядами. Повышенный интерес с их стороны сопровождался недвусмысленными намеками и шуточками.

Васса с достоинством выдержала их натиск и, осмотрев панораму города с балкона, вышла из бара со стаканом минеральной воды и пошла в свой номер. Один из мужчин поспешил за ней и настиг ее рядом с лифтом. Он спросил, как ее зовут, и вежливо предложил ей прогуляться по городу, но она деликатно отказалась и быстро вошла в лифт.

За одной из колонн холла стоял мужчина средних лет и наблюдал за тем, как Васса отказывает мужчине. Когда дверь лифта закрылась, он быстро поднялся на ее этаж и убедился, что девушка зашла в свой номер. Набрав номер телефона Алекса, он сказал:

- Она вошла в номер.
- Как она себя вела в баре?
- Безупречно! – воскликнул мужчина.
- Ребята не переусердствовали?
- Нет, все прошло по плану.
- Как она выглядит?
- Великолепно!
- Ты специально дразнишь меня? – возмутился Алекс.
- Не валяй дурака. В следующий раз сам будешь за ней следить. Я твой друг, а не сыщик. И вообще, мне она тоже нравится, почему я не могу за ней приударить?
- Осторожно, Серж! – воскликнул возмущенно Алекс.
- Я пошутил! Дружище, ты что – влюбился?!
- Возможно, сам пока не знаю. Возвращайся в Париж, пока тебя не засекала моя мать.

На следующий день в назначенное время, спустившись в фойе отеля, Васса села на диван и стала наблюдать за лестницей. Через несколько минут она увидела Агнес в сопровождении какого-то полноватого пожилого мужчины и поспешила ей навстречу.

– Вы знаете, что из моего номера видны заснеженные вершины пика Монблан?! – восторженно воскликнула Васса.

– О! Дорогая, вы вся сияете, видимо, экскурсия прошла познавательно! Мне звонила Шарлотта и полчаса восторженно рассказывала о ваших передвижениях, – сказала Агнес и, посмотрев на улицу, воскликнула: – Какой сегодня приятный день!

Агнес спустилась с последней ступеньки лестницы, в руках у нее был большой серый конверт. Она тепло попрощалась с мужчиной, и вместе с Вассой они вышли из отеля. Такое приподнятое настроение Васса подмечала за Агнес только дважды, и оба раза были связаны с поисками ее бывших возлюбленных, значит и сейчас это была не просто деловая поездка.

Они сели в ожидавшее их у входа такси и поехали по адресу, который назвала Агнес. Выйдя из машины, она указала рукой в сторону белого трехэтажного здания и сказала:

– Нам сюда.

– А что здесь?

– Это частная психиатрическая клиника.

От удивления у Вассы округлились глаза, и она невольно

сделала шаг назад. Заметив такую реакцию девушки, Агнес улыбнулась и поспешила добавить:

– Нет, нет, дорогая, со мной все в порядке. Я владелица этой клиники.

– Вот как?

– Да. Я ее основала.

Женщины прошли в холл, и к ним навстречу стремительно вышла высокая молодая женщина в строгом сером костюме.

– Мадам! Рада вас приветствовать. Доктор Телль ожидает вас в своем кабинете.

– Спасибо, Жозефина, мы поднимемся сами, – доброжелательно ответила Агнес и пошла к лифту.

Когда двери лифта открылись, Агнес повернулась к Вассе и сказала:

– Можете подождать меня в холле перед кабинетом главного врача. Мне необходимо решить рабочие вопросы, а потом мы пойдем на соседнюю улицу и пообедаем в маленьком уютном ресторанчике.

Васса села в черное кожаное кресло и стала ждать. Чтобы чем-то себя занять, она стала рассматривать на стене портреты попечителей и врачей больницы. Она сразу обратила внимание на портрет Агнес, на нем ей было около пятидесяти лет, потом она заметила фотографию главного врача Жака Телля, а рядом в рамке была, видимо, фотография его отца, Этьена Телля. Между ними не было никакого внешнего сходства. Лицо молодого Телля было округлым и добродушным, а старшего – вытянутым и угрюмым.

Примерно через час Агнес вышла из кабинета главного врача, вид у нее был усталый, но довольный. Через распахнутую дверь Васса увидела мужчину в синем костюме, который сидел за столом и читал какой-то документ. Вид у него был растерянный, волосы взъерошены, руками он обхватил голову и пытался вникнуть в суть документа.

Заметив любопытный взгляд компаньонки, Агнес подмигнула и сказала:

– Ну и сюрприз я ему преподнесла! Ну что? Идем ужинать?

В маленьком ресторанчике в стиле альпийского шале царил камерная атмосфера. Полы, стены и потолок были обшиты досками из состаренного дерева. С потолка на массивных цепях свисали люстры из лесных коряг причудливой формы. На стенах висели гобелены с охотничьими сценами. Приглушенный свет, кабинки, скатерти и салфетки в красно-белую клетку, приятный пряный аромат, распространяющийся из кухни, и тихая музыка располагали посетителей ресторана к тихой беседе. Васса сразу отложила меню в сторону и попросила заказать для себя что-нибудь на вкус Агнес, и, когда официант принял заказ, с ноткой разочарования призналась:

– Я думала, вы сегодня расскажете мне про третьего возлюбленного, а оказывается, вы приехали по делам клиники.

– И то и другое, – загадочно ответила Агнес.

– Так ваш третий мужчина жил здесь, в Женеве?

Агнес кивнула и выдержав минутную паузу начала свой рассказ:

– После того как мы расстались с Анри, родители привезли меня в Женеву, я была молодой привлекательной женщиной, но в душе, после расставания с Анри, у меня была пустота, и, признаюсь честно, я безумно скучала по нему. Пару раз я даже звонила ему, но хорошо, что его не было дома. После него мне было тяжело снова общаться с людьми, особенно с мужчинами – я им не доверяла. Родители поселили меня в комфортной квартире в районе Шампель. Мама боялась оставить меня одну в таком состоянии и изо всех сил старалась вытащить из депрессии. Так прошел месяц, но улучшений не было, и родители настояли на том, чтобы показать меня врачам. После долгих обследований меня направили к психиатру, и я лечилась у него в течение года. К концу лечения я заметила, что в клинике появился новый врач, его звали Этьен Телль. Мы быстро подружились и стали много времени проводить вместе. Поначалу это были просто дружеские встречи. Конечно, я замечала его симпатию ко мне, но тогда я была еще не готова к новым отношениям. Мы просто встречались как друзья почти каждый день после его работы. В отличие от меня, он не любил искусство, поэтому мы шли в кафе или в кино или просто прогуливались по парку. Помню, как сидели как-то раз в этом ресторане, и он сказал мне фразу, которую я надолго запомнила: «Женщины будто мотыльки, ищут кого-то

яркого и горячего, а когда такой мужчина обжигает их хрупкие крылышки, они падают в бездну и почему-то искренне удивляются этому». Он считал большинство женщин безрассудными и авантюрными. Часто говорил о том, что нужно сначала узнать человека поближе, а потом выстраивать с ним отношения. Секс до брака он категорически отвергал. До сих пор не понимаю, как такой зануда мог привлечь мое внимание. Правда, у него были невероятно добрые глаза, ну а в остальном... заурядная внешность, средний рост, каштановые волосы, которые он зачесывал назад. Он всегда предпочитал носить костюмы с жилеткой. У него напрочь отсутствовало чувство юмора, только когда я прожила с ним много лет, то поняла, что никогда больше не свяжу свою жизнь с человеком, который не обладает этим важным для совместной жизни чувством, поверьте, это просто невыносимо.

Агнес прервалась, когда официант вышел их кухни и направился к их столику.

– А вот и наш заказ! – сказала она с горящими глазами. – Я так проголодалась!

Ужин прошел в молчании. Васса попробовала речного окуня, фаршированного овощами, горчичным соусом и лимонным соком. Блюдо было таким вкусным, что девушка щедро расточала комплементы повару.

– Вы еще не пробовали итальянскую кухню, – интригующе произнесла Агнес.

– А у меня будет такая возможность? – с надеждой в голосе спросила Васса.

– Кто знает? Может, и будет, – загадочно отозвалась Агнес.

Когда ужин подошел к концу, она продолжила свой рассказ:

– В лечение от депрессии входили занятия по раскрытию внутреннего потенциала и мой врач был очень доволен достигнутыми результатами за последние месяцы. Мне давали тестовые задания и я быстро с ними справлялась. После окончания лечебного курса доктор сказал, что помощь мне больше не нужна и я сообщила родителям, что приеду к ним в Вену, куда они переехали на постоянное место жительства. Когда Этьен в очередной раз пригласил меня в этот ресторан на ужин, я рассказала ему о своем скором отъезде. Настроение его резко изменилось, он весь ссутулился, поник, стал раздражительным и придирчивым к персоналу.казалось, я вмешалась своими планами и испортила какой-то его грандиозный замысел. Он проводил меня домой и холодно со мной

попрощался. Я была очень удивлена такой реакции, потому что считала, что к тому времени наши чувства были уже больше, чем дружеские. Этой же ночью пошел сильный дождь, в полночь я услышала, как кто-то под окном кричит мое имя. Выглянув в окно, я увидела Этьена, он стоял без зонта, абсолютно мокрый. Заметив меня, он опустил на колени и громко крикнул: «Агнес! Не уезжай! Я не смогу жить без тебя! Выходи за меня замуж!» Я выбежала на улицу, бросилась ему на шею и стала повторять: «Да, да, да». Взяв меня на руки, он поднялся ко мне в квартиру, и всю оставшуюся ночь мы занимались любовью. Вскоре мы поженились, но больше таких ярких эмоций, как в ту ночь, он никогда не проявлял. Тем не менее, это был крепкий брак. Мои родители, наконец, спокойно вздохнули и стали ждать пополнения в семье. Но беременность все не наступала, и после третьего года совместной жизни Этьен настоял на моем полном обследовании. Это был самый болезненный период в моей жизни. Не буду вам рассказывать, как мне было сложно в то время, скажу только, что через год бесконечных уколов и болезненных процедур я сказала: «Хватит!». Я решила отключиться от этой проблемы и заняться бизнесом. По-видимому, Этьен не был готов к такому повороту событий, но уже через два года я самостоятельно поставила на ноги три компании и предложила выкупить здание под его собственную клинику. Хорошо, что я была послушной дочерью в вопросах бизнеса и, прислушавшись к совету моего отца, оформила покупку клиники на себя, а Этьена назначила лишь главным врачом. Не могу себе представить, как бы все обернулось потом, если бы я тогда пошла на поводу мужа и оформила покупку клиники на него. В лечебный процесс я не вникала, но финансы сразу взяла в свои руки. Помимо бизнеса у меня появилась страсть к пению, и я стала брать уроки вокала, а также пробовать себя в живописи, а по воскресеньям ездила с самодеятельным духовым оркестром в качестве пианистки по соседним городкам.

Агнес передохнула и продолжила:

– С раннего детства я училась игре на фортепьяно, но только в это время мое сердце по-настоящему открылось для музыки. После пятого занятия вокалом я запела на домашних праздниках и, получив одобрение близких, составила свой репертуар, включив его в концертную программу наших гастролей с оркестром. Позже папа помог мне организовать мою первую персональную художественную выставку, и я получила хорошие заказы от ведущих галерей города.

Поначалу все шло замечательно, но со временем моего мужа стали раздражать мои успехи. Сначала он стал мне запрещать поздние деловые ужины. Потом он восстал против служебных и концертных поездок, если приходилось не ночевать дома, поэтому мне пришлось бросить и пение, и гастрольную деятельность. Следующим его шагом был контроль моего гардероба: он запретил мне носить яркие цвета, дорогие украшения и настоял на скромной одежде, говоря при этом, что замужней женщине не следует привлекать мужское внимание. Потом он потребовал моего отчета за каждую проведенную минуту прошедшего дня. Следом было выдвинуто требование согласовывать с ним знакомство с любым представителем мужского пола, и неважно, кто это был, садовник или мой куратор по выставке.

– Как это, наверное, неприятно! – воскликнула Васса.

– Очень неприятно! Как-то раз, придя вечером домой, он застал меня в мастерской и предложил мне поужинать вместе, я отказалась, сославшись на то, что заканчиваю картину и мне необходимо подготовить каталог моих работ для предстоящей выставки. Он разозлился, схватил еще незаконченную картину, порезал ее ножом и, сломав подрамник, швырнул в горящий камин. Я была просто в ужасе от такого поступка и после этого начала откровенно его игнорировать. Честно говоря, я думала, что на следующий день он извинится, и мы поговорим о его резкой реакции. Но он и не думал извиняться, а начал меня упрекать в том, что я плохая жена и уделяю ему мало времени, что я эгоистка и недостойна его внимания. На другой день я пришла домой и увидела весь дом разгромленным. Мои ноты были разбросаны в гостиной по полу, по всей мастерской валялись кисти, палитры и тюбики с краской, в моем кабинете были разбросаны финансовые и бухгалтерские отчеты. На вопрос, что тут произошло, он ответил, что нам пора делать ремонт, для него этот дом стал маленьким и неудобным, потому что я в нем занимаю слишком много места. Я сказала, что в таком случае я уйду, и стала собирать вещи. В тот день он меня остановил, сказал, что пришел домой и, не найдя меня, пришел в отчаяние и наговорил лишнего. Но как только все улеглось, он стал требовать, чтобы я всегда была дома к его приходу с работы. Мое терпение было на исходе, и у нас начались громкие скандалы. Затем скандалы перешли в угрозы, и однажды в день моего рождения в присутствии многих гостей и родственников он приревновал меня к собственному брату. Сначала он меня оскорбил,

а потом залепил звонкую пощечину. После этого я наспех собрала свои вещи и уехала в Вену к родителям.

Официант принес счет, Агнес расплатилась и предложила пройти до отеля пешком. Когда они вышли на улицу и медленно двинулись в сторону парка, Васса спросила:

– Но вы ведь еще виделись с ним?

– Конечно, виделись, даже предпринимали несколько попыток сойтись снова. Но все заканчивалось одним и тем же – зависть к моим успехам, ревность ко всему мужскому полу, независимо от возраста и злобные угрозы, когда уже не оставалось других способов привлечь мое внимание. Потом опять извинения, обещания, заверения в бесконечной любви.

– И когда же вы окончательно расстались?

– Только через два года. Я уехала из-за очередного скандала и сказала, что это уже навсегда. Видимо, он понял это и попытался покончить с собой. Рано утром меня разбудили по телефону из больницы и сказали, что он вскрыл себе вены, но его кухарка пришла в тот день раньше и успела вызвать бригаду «Скорой помощи».

– И вы поехали к нему?

– Хотела. Но мать категорически отказалась меня отпускать, – сказала Агнес и, увидев впереди парк, воскликнула: – Это самый ароматный парк Женеви!

Они прошли через большую цветочную арку, и Васса увидела большой парк в английском стиле с фонтанами и скамейками. По словам Агнес, здесь находился самый знаменитый розарий, основанный после второй мировой войны. Парк был полон молодых парочек, некоторые из них прогуливались, а некоторые сидели у фонтана.

Васса решила, что рассказ Агнес не закончен, и сказала:

– Я видела фотографию Этьена на стене в холле перед кабинетом, ему на ней лет шестьдесят.

– На портрете ему пятьдесят два года, это его последний портрет перед смертью. Рак желудка съел его за полгода. К тому времени я уже вышла замуж за другого и родила сына. Иногда мне кажется, что это только ускорило его болезнь, – сказала Агнес.

– Не верю своим ушам. Вы что, в этом вините себя?

– Нет, конечно, нет, это были его эмоции и чувства, я не могла на них повлиять, что бы я ни предпринимала, – ответила Агнес, но Васса уловила сомнение в ее голосе.

– А что за сюрприз вы преподнесли сегодня доктору Теллю?

– О! – оживилась Агнес. – Все просто, я подарила ему клинику.

– Подарили? Вот это да! А как же ваш сын? Он не будет против?

– У Александра своя жизнь, а у меня своя. И у нас в семье четко разделены инвестиции, – жестко ответила Агнес и, немного помолчав, добавила: – Если честно, он вообще ничего не знает об этой клинике.

После непродолжительной паузы Васса снова вернулась к рассказу Агнес.

– Я заметила, что отец и сын совсем не похожи друг на друга.

– От вас ничего не скроешь, дорогая! Да, вы правы, он ему не родной. После меня он так и не женился, но у него был непродолжительный служебный роман. После того, как они расстались, она вскоре погибла в железнодорожной аварии. У нее остался сын, тогда ему было восемь лет, его хотели отдать в приемную семью, но Этьен усыновил его и сам воспитал.

Женщины дошли до отеля, и Васса, поднимаясь по ступеням, спросила:

– И куда дальше?

Агнес мечтательно вздохнула, посмотрела на звездное небо и, улыбаясь, как-то по-особенному торжественно произнесла:

– В Вену!

Глава пятая

Гордыня

Гордость людей низких состоит в том, чтобы постоянно говорить о самом себе, людей же высших – чтобы вовсе о себе не говорить.

Вольтер

На следующий день Агнес и Васса прилетели в Вену и поселились в многоквартирном доме в районе Видана. Первую неделю они прогуливались по центру города, посетили оперу, несколько музеев и дворцовый комплекс Бельведер. Для каждого выхода Агнес покупала девушке новую одежду, обувь и аксессуары. Примеряя наряды, Васса долго крутилась у зеркала, любуясь собой, как маленькая девочка, а Агнес, глядя на нее, удовлетворенно кивала головой, как бы одобряя свой собственный выбор.

После перелета Агнес чувствовала слабость и передвигалась уже не так быстро, как раньше. Но как только наступило утро восьмого дня их пребывания в Вене, она получила пакет экспресс-почтой, после чего приободрилась, начала прихорашиваться перед зеркалом и напевать. Васса, заметив такую перемену в ее настроении, многозначительно произнесла:

– По-видимому, сегодня особенный день. Приближаются следующие яркие воспоминания.

Обернувшись, Агнес взглянула на девушку и хитро прищурилась.

– Мне нравятся в вас две черты характера: первая – любопытство, вторая – наблюдательность. Неужели меня так легко прочитать?

– О да, страница за страницей пролетают прямо перед моими глазами, – шутливо произнесла Васса.

Агнес расхохоталась во весь голос и, поправив прическу, весело скомандовала:

– Ну, раз так, чего ждать? Смело пойдем навстречу старым воспоминаниям.

Когда примерно через полчаса они доехали на такси до пятиэтажного особняка, смелость покинула Агнес, и от волнения она не смогла выйти из машины. Васса оценивающе посмотрела на компаньонку и догадалась, что на этот раз ей предстоит личная встреча с возлюбленным. Девушка вышла и заглянула в машину.

– Я думаю, мы заказали такси не для того, чтобы сидеть в нем весь день.

– Дорогая, я так разволновалась, что не могу даже двигаться. Все тело оцепенело. Как я выгляжу?

– Великолепно!

– О! Вы как всегда льстите мне.

– Так дело не пойдет! Или вы берете себя в руки, или мы едем назад. Я ведь не могу помочь вам в этом деле, здесь вы – режиссер.

Казалось, что последние слова произвели на Агнес большое впечатление, и она, наконец-то вышла из машины. Собравшись с силами, Агнес подошла к большой железной двери со старинным засовом и позвонила. Через пару минут дверь открылась, и на пороге появилась прислуга. Агнес передала ей визитку и сказала:

– Я хотела бы видеть Штефана Шелла.

– Вам назначено? – уточнила прислуга.

– Нет, но думаю, что когда вы покажете ему мою визитку, меня примут.

Девушка любезно пригласила их войти и подождать в холле. Взяв визитку, она быстро побежала по лестнице на второй этаж.

– Это не тот режиссер, который снял нашумевший фильм о Людовике XVII? – шепотом спросила Васса.

Агнес кивнула в знак согласия, и у Вассы от восторга заблестели глаза. Через пять минут служанка вернулась, одарила Агнес жгучим взглядом и сказала:

– Пройдите за мной, пожалуйста.

Все трое поднялись на второй этаж, прошли в просторную белую гостиную с камином, где служанка предложила им подождать. Как только она вышла, отовсюду стали слышаться женские и мужские голоса, и поднялась настоящая суматоха. Васса подошла и из любопытства осторожно приоткрыла дверь. Люди бегали с этажа на этаж, кто-то нес пиджак, кто-то ботинки. Мужчина преклонного возраста в круглых очках, еле передвигаясь, спустился с третьего этажа и направился к ним в гостиную. Васса быстро прикрыла дверь и, подбежав ближе к Агнес, с волнением произнесла:

– К нам идет какой-то пожилой мужчина, но это не Штефан Шелл.

Дверь открылась, и на пороге появился тот самый пожилой мужчина.

– Агнес! – воскликнул он и шаркающей походкой пошел в ее сторону. – Неужели это ты?

Агнес двинулась ему навстречу, всматриваясь в лицо мужчины.

– Да! Это действительно ты! Такая же красавица, как и полвека назад. Ты не узнаешь меня?

– Нет, – неуверенно ответила Агнес.

– Это же я! Луи!

– О боже! Луи?! Прости, что сразу не узнала.

– Ну конечно, как же можно меня узнать? Уже лет десять я расту вниз, а волос на голове скоро совсем не останется. Старость никого еще не красила. Но ты, безусловно, исключение из этого правила.

– Ты льстишь мне, Луи. Ты так до сих пор и живешь со Штефаном?

– Да, к восьмидесяти годам я остался один на всем белом свете. Нет больше жены, нет детей, нет друзей.

– Познакомься, это моя родственница Васса, она из России. А это адвокат Штефана и наш общий близкий друг Луи Монтень.

– Бывший адвокат, – поправил Луи, подошел и галантно поцеловал девушке руку.

В этот момент дверь открылась, и на пороге показался хозяин дома. Женщины устремили на него свои восторженные взгляды. Это был довольно подвижный мужчина, на вид лет шестидесяти, среднего роста, крепкого телосложения, с копной седых вьющихся волос и в парадном костюме. Ярко-фиолетовый шелковый шарф обвивал его морщинистую шею. Весь его облик говорил о том, что он не хочет признавать свой возраст и борется с ним всеми доступными способами. Увидев Агнес, он стремительно подошел к ней и, заикаясь от волнения, сказал:

– А... Агнес, я не... не верю своим глазам. Господи! Как же долго мы не виделись!

Она посмотрела на него нежным взглядом, тихо произнесла его имя и дотронулась до гладковыбритой щеки. Они стояли и не сводили друг с друга глаз. Луи нервно кашлянул, и Штефан, опомнившись, взял Агнес за руку и подвел к дивану.

– Как много времени прошло, а ты совсем не изменился.

– Ты тоже, – ответил Штефан и погладил ее руку.

– Как ты живешь, дорогой? Я смотрела все твои фильмы, они прекрасны. Ты гениальный режиссер, Штефан. Кто бы мог подумать, что из того молодого повесы, которого я знала в прошлом, получится режиссер с мировым именем. А где твоя жена?

На лице Штефана отражались все переживаемые эмоции от произносимых Агнес слов. От ее похвалы он расплывался в улыбке, глаза блестели от слез, но после последнего вопроса он помрачнел и, опустив глаза, ответил:

– Она почти не бывает в Вене. Еще в первом браке я купил апартаменты в Ницце, и она проводит там основную часть года. Иногда мы встречаемся на фестивалях и съемках, но как только она добилась опекуна надо мной, мы стали очень редко видеться.

– Да, я читала про это в газетах. Очень проворная девушка, в наше время мы так не мыслили. Что же ее подвигло на такой поступок? – осторожно осведомилась Агнес.

– Деньги, – ехидно вставил Луи.

– Луи, как ты можешь? – мягко, но с укором сказал Штефан.

– Насколько я поняла из газет, она сама богата. У нее долгосрочные контракты с киностудиями и хорошие доходы от рекламы.

– Эти контракты я составил по настоятельной его просьбе, – опять ехидно вставил Луи, – а в рекламный бизнес она попала после двух пластических операций и главной роли в фильме Штефана. Но вместо того, чтобы быть благодарной, она доказала в суде его частичную невменяемость и добилась контроля над всеми его доходами, не без помощи влиятельных лиц, конечно. Говорят, что практически все участники того процесса со стороны обвинения побывали в ее апартаментах с ночными визитами.

– По-твоему, они должны были ехать в отель, если у нее с ними дела? – опять с укором одернул его Штефан.

– Какие дела, Штефан? Прибрать к рукам все, что ты накопил непосильным трудом?! – взорвался Луи.

– Сколько же сейчас этой особе лет? – поспешила спросить Агнес.

– Тридцать два, – быстро ответил Луи.

Он вдруг понял, что получил в лице Агнес сильную поддержку и от этой мысли воспрял духом.

– Надо полагать, что ты ее сильно любишь, раз позволяешь так

с собой поступать?

Штефан поднял глаза на Агнес и кивнул головой.

– Я так и подумала, – ответила Агнес, но потом взяла его за руку и добавила: – Но у тебя есть друзья, и ты всегда можешь рассчитывать на нашу поддержку.

– О! Агнес! Ты не представляешь, как я рад тебя видеть. Нам столько нужно друг другу сказать! – взволнованно произнес Штефан.

Дверь гостиной открылась, и в комнату вошел молодой человек лет тридцати в черном костюме и белой рубашке. Увидев гостей, он откашлялся и быстро произнес на английском языке:

– Прошу прощения, что прерываю, мы разместили репортеров в кабинете, сейчас они настраивают аппаратуру, через полчаса будет прямое включение с кинофестиваля, речь уже готова, вас ожидает гример, нужно поспешить.

Штефан вскочил с дивана и прижал руки Агнес к своей груди.

– Мне надо идти, сегодня мой фильм выдвинут на премию «Оскар» в номинации «Лучший фильм на иностранном языке». Если я одержу победу, то мне придется произнести речь. Я хочу, чтобы ты пошла со мной и весь мир увидел тебя. В конце концов, именно тебе я обязан своей карьерой. Если бы ты мне не помогла в двух первых фильмах, кто знает, кем бы сейчас был Штефан Шелл.

– Прошу тебя, Штефан, не вешивай меня в это, я стара и слаба, мое сердце не выдержит даже одного интервью. Я буду неподалеку. Иди.

– Хорошо, не будет интервью, но ты пойдешь со мной, – сказал Штефан и гордо возглавил процессию.

Все вместе они спустились по лестнице в холл и прошли через длинный коридор в другую часть дома. Как только они вошли в кабинет, их оглушил невероятный шум. Человек двадцать громко расставляли камеры, осветительную аппаратуру и что-то друг другу кричали. Рядом стоял мужчина и ругался с режиссером о срыве сроков подготовки оборудования. Вся эта публика еле умещалась в кабинете и библиотеке, а тут еще стала крутиться любопытная прислуга с подносами. Штефана посадили за письменный стол, и его окружили гример и звукооператор.

Васса огляделась вокруг и сказала Агнес на ухо:

– Эта часть дома выглядит гораздо богаче.

– Распоряжение его последней жены. Оставили только несколько комнат в том состоянии, которое было при первой жене,

остальное вывезено в Ниццу.

– А куда делась первая жена?

– Погибла. Автомобильная катастрофа пять лет назад. И случилась она вскоре после приобретения недвижимости в Ницце, куда и была нанята служанкой будущая мадам Шелл. Как все складно получается, не правда ли?

У Вассы расширились глаза от удивления. Она посмотрела в сторону Штефана и, вздохнув, сочувственно произнесла:

– Большие деньги – большие проблемы.

– Как мудро подмечено, дорогая! – воскликнула Агнес и потянула девушку за рукав в сторону холла. – Пойдемте, нам тут больше нечего делать.

Они незаметно выскользнули из кабинета и прошли в парадный холл. Там их встретила девушка, которая открыла им дверь. Она удивленно посмотрела на них и спросила:

– А разве вы не останетесь на ужин, посвященный номинации?

– Нет, скажите Штефану, что я плохо себя почувствовала и свяжусь с ним позже. Мой адрес и телефон есть на карточке.

Они вышли на улицу, и Агнес предложила пройтись до ближайшего парка. Было видно, что она не могла справиться со своими эмоциями и надеялась, что быстрая ходьба приведет ее мысли в норму.

– Я сгораю от любопытства, расскажите, как вы познакомились со Штефаном? – спросила Васса, когда они расположились на скамейке в парке.

Агнес вздохнула и закусила губу. Несколько минут она боролась с эмоциями, было видно что даже сейчас ей тяжело примириться с прошлым.

– После расставания с Этьеном я переехала к родителям в Вену, – начала свой рассказ Агнес, теребя кожаные ручки дамской сумочки. – Моего отца направили сюда по дипломатической линии, и они часто посещали различные приемы. После развода я была опустошена и раздавлена. Чтобы хоть как-то поднять мне настроение, родители брали меня с собой на любое светское мероприятие, и как-то раз я попала на ужин, где меня и познакомили с Луи. Он тогда был молодым начинающим адвокатом, и основными его клиентами были друзья из венской киноиндустрии. Мы были почти ровесниками, и между нами быстро завязались дружеские отношения. Когда он узнал, что я переживаю болезненный развод, он предложил мне сопровождать его на разные светские рауты. Позднее

выяснилось, что Луи питал нездоровую страсть к женщинам старшего возраста и яростно отстаивал свое пристрастие во время дискуссий с друзьями, но из-за общественного мнения, со своими избранницами в свет выходить не хотел, это бы испортило его карьеру, и я ему нужна была как девушка для прессы. Так, однажды он поспорил со своим другом, тогда еще никому не известным молодым режиссером Штефаном Шеллом, о том, что познакомит его с потрясающей женщиной, которая даст фору любым его юным подружкам. Этой женщиной оказалась я. У нас была большая разница в возрасте, около пятнадцати лет, и даже тогда это очень сильно бросалось в глаза. Как сейчас помню, был день рождения Луи, и он отмечал его среди своих друзей в кинотеатре, меня как всегда он попросил присутствовать в качестве подруги. Кресла были сдвинуты, а в центре расчищена площадка для танцев, которая примыкала к бару. Там было около двухсот человек. В разгар вечеринки ко мне подошел Луи и познакомил со Штефаном, представив его как лучшего друга. Начинающий режиссер оказался симпатичным и обаятельным. Но главное не в этом. Он обладал такой мощной харизмой, что располагал к себе людей с первых минут. Завораживал своим голосом и бездонным взглядом. Про их пари я, конечно, ничего не знала, и моя реакция на ухаживания молодого повесы была естественной, я дала ему понять, что мы можем быть только друзьями. Сначала Штефан старался сблизиться из-за пари, но потом... – Агнес вынула из сумочки носовой платок и поправила макияж, – я действительно овладела его вниманием. После двух недель осады моей двери и настойчивых телефонных звонков с признаниями в любви я сдалась.

На минуту ее рассказ был прерван парочкой подруг школьного возраста. Что-то громко обсуждая, она медленно прошли мимо скамейки и постоянно оглядывались на идущего сзади парня.

– Роман был стремительным и развивался бурно и страстно.

Васса оторвала взгляд от прохожих и повернулась к Агнес.

– Несмотря на свои молодые годы, он был опытным мужчиной и знал, как вскружить женщине голову. Мы очень быстро съехались, и наши отношения перешли на новый уровень, я даже не могу сказать, когда конкретно я влюбилась в него. Мы проводили каждый день вместе, создавалось такое ощущение, что мы не могли насытиться друг другом. В то время он снимал свой первый фильм, который впоследствии сделал его знаменитым. Бюджет был очень маленьким, мне и Луи удалось найти инвесторов, но и их вложений

хватило только на оплату начинающим актерам, аренду камер и осветительного оборудования. Я была рядом с ним на протяжении всей работы над фильмом, выполняя обязанности его ассистента, сценариста, декоратора, костюмера и гримера. Он был очень молод, в режиссерской работе ему не доставало опыта, но у него хватало ума и терпения прислушиваться к нашему с Луи мнению. Мы прожили счастливо два года, но чем он становился популярнее, тем больше наш союз подвергался испытанию на прочность. После выхода фильма в прокат его стали приглашать на телевидение, печатать в журналах, мы были желанными гостями на всех светских раутах. Все началось с того, что я не смогла поехать с ним на кинофестиваль в Канн из-за болезни моего отца. Его номинированный фильм взял несколько премий, и по возвращении Штефана, я просто его не узнала. Уехал он любящим и преданным, а вернулся отчужденным человеком, с непомерно раздутым эго из-за подписанного контракта с киностудией еще на два фильма. Он перестал жить у нас в квартире, купил особняк в центре Вены и снял виллу на Лазурном побережье. С этого момента он не мог больше терпеть ничьи критические замечания, он окружил себя людьми, которые возносили и восхваляли его как личность и режиссера. Был нанят целый штат сотрудников, занимающихся раскруткой его карьеры: агент, стилист, секретарь. Порой я не могла пробиться к нему неделями, и к концу третьего года мы практически уже не виделись. Из-за его постоянных перемещений во время съемок наше общение стало возможным только по телефону, но даже в этой ситуации я не сдавалась и в каждый наш разговор старалась вложить как можно больше любви, терпения и заботы. Но что бы я ни делала, его мир стал стремительно отдаляться от моего. Самым трудным для меня было наблюдать, как растет его самомнение. Он стал считать себя гением, говорил, что режиссер – это посланник Бога, который через кинематограф несет свою миссию в массы.

– Высокого же он был о себе мнения! – усмехнулась Васса.

– Очень высокого! Конечно, его талант я не оспаривала, он многого добился за короткий срок, но общаться с ним было все сложнее и сложнее. Рядом с ним все чаще замечали молодых красивых девушек, газеты кричали о его новых романах с очередной кинозвездой или фотомodelью.

– Как же вы это терпели?

– С трудом. Начитавшись газет, я начинала ему выговаривать, а он кричал мне в трубку, что я его единственная и больше меня

ничего не должно волновать.

Переведа дух, Агнес продолжила:

– Как-то раз мне позвонила очень наглая девица и заявила, что такой общипанной курице, как я, место на деревенской ферме в Провансе, а не рядом со знаменитым кинорежиссером. Я сразу же перезвонила Штефану и рассказала о звонке, он рассмеялся и сказал, что это, наверное, какая-то бестолковая профурсетка и мне не стоит по этому поводу беспокоиться.

Достав из сумки таблетки, Агнес проглотила три штуки сразу и запила минеральной водой из бутылки. Васса заметила, что боли в груди в последнее время усиливаются и не дают пожилой женщине покоя. Посидев минут пять, Агнес сделала еще глоток воды и продолжила свой рассказ:

– Вскоре Штефан вернулся со съемок и предложил провести с ним отпуск на Корсике на арендованной на все лето вилле. Я помчалась к нему без промедления в надежде побыть с ним наедине. За многие месяцы разлуки я соскучилась, сидя в машине, представляла, как приеду и брошусь в его объятия. Но я жестоко ошибалась, по приезде меня ждал неприятный сюрприз, и даже не один. На вилле отдыхала вся его съемочная группа. Вокруг него постоянно вились наглые и навязчивые девицы, и, как выяснилось, о его верности давно уже не было и речи. По-видимому, как только я приехала, он стал вести себя как-то иначе, возможно, более сдержанно, и в мою сторону посыпались смешки и намеки. Вскоре за мной закрепилось прозвище «мамочка». Луи постоянно меня успокаивал и на все мои жалобы отвечал, что если я хочу быть рядом с талантливым и неординарным человеком, мне надо просто закрывать глаза на издержки профессии. С этим тяжело было поспорить и, наверное, я бы так и прожила остаток своей жизни рядом с ним, если бы не одна особа. Как только она подошла ко мне в первый раз и поздоровалась, я сразу узнала ее голос, это она так нагло разговаривала со мной по телефону. После этого стали происходить загадочные события...

Васса почувствовала, как после этих слов женщина напряглась. Агнес заломила руки и подняла глаза к небу.

– Однажды ночью я обнаружила змею у себя в постели, и хоть потом выяснилось, что она не ядовитая, сильно испугалась. В следующий раз, когда я выходила из дома, в шаге от меня пролетел горшок с цветком. На все мои подозрения Луи и Штефан отвечали шутками, а потом и вовсе стали обвинять меня в бурной фантазии.

Завершением этих событий стал наезд автомобиля, когда я переходила пустынную дорогу, в результате чего я сломала руку и ногу и попала в больницу. Больше мы не виделись, а по телефону я сказала, что подожду того времени, когда он повзрослеет и научится защищать свою любимую женщину. Это было последней каплей для нас обоих, Луи не раз пытался меня с ним помирить, но любовь окончательно покинула нас. Вскоре он женился на той самой девице, она была актрисой, и он часто давал ей главные роли в своих фильмах. Эта особа оказалась очень воинственной. Угрозами она избавилась не от одной конкурентки, а зная любвеобильность Штефана, можно предположить, что жена была в постоянной боевой готовности и, конечно, одна бы она не справилась, ей нужны были глаза и уши. Скорее всего, она доверилась своей служанке, а потом сама стала жертвой той же самой схемы. Вот только молодая и расчетливая горничная оказалась более кровожадной. Вот и вся история нашей любви.

Агнес убрала платок в сумку и поправила прическу.

– Нам пора пообедать, пойдёмте в какой-нибудь ближайший ресторанчик.

– А когда же вы узнали о том пари?

– Из его мемуаров. На прошлой неделе я купила их в Париже, в них он указал на мой «бесценный» вклад в его творчество, – с сарказмом ответила Агнес и поднялась со скамейки.

Они вышли из парка и направились в маленький ресторанчик на соседней улице.

– Я говорила, что мне нравится в вас две черты характера, я была не права.

– Почему? – удивленно спросила Васса.

– Мне нравится три: любопытство, наблюдательность и умение слушать.

Сказав это, Агнес взяла девушку под руку, игриво посмотрела на нее, и обе женщины засмеялись.

В квартиру женщины вернулись уже после заката. Сняв пальто и шляпу, Агнес села в кресло и набрала телефон своего парижского детектива. Она спросила, есть ли новая информация, затем долго слушала его рассказ, делая пометки в блокноте.

– Похоже, моя затея окунуться в прошлое наследникам Анри пришлась не по вкусу, – поведала Агнес, убирая старомодный

телефон на журнальный столик.

– В каком смысле?

– Во-первых, кто-то проник и разгромил нашу съемную квартиру. Управляющий вызвал полицию, и они связались с моим сыном, так как не смогли меня разыскать. Странно, что от Александра до сих пор нет никакой информации. Во-вторых, по моему запросу о просмотре завещания нотариусу, который его якобы заверил перед смертью Анри месяц назад, пришел отказ, в котором указано, что я могу мотивированно востребовать его только через суд. Это, по меньшей мере, странно, потому что на кассете точно сказано, что я указана в завещании. Дальше становится еще интересней, мой агент не нашел никаких записей регистрации брака и рождения детей и тем более внука Анри. Но сходство, как говорится, на лицо, и я думаю, что он может оказаться просто незаконнорожденным и ему чрезвычайно сложно доказать свое право на наследство, а тут еще мой приезд. Их апартаменты закрыты с прошлой недели, в нем нет даже слуг.

– Понятно. И что вы будете делать дальше?

– Ждать в Вене, конечно же, а что еще? И я еще не закончила здесь свои дела, чтобы срываться и ехать дальше.

– А как же правда? Вам не интересно докопаться до истины?

– Нет. Мне ничего не нужно от него. Он умер, а что случилось с его деньгами, мне не интересно.

Завонил мобильный телефон, и Агнес ответила на звонок. Это был ее сын, и она попросила Вассу оставить ее одну. Васса ушла в свою спальню, села на кушетку и, открыв журналы, купленные во время прогулки по парку, начала их просматривать.

Через несколько минут Агнес, постучала в дверь ее комнаты. Удивленная и немного раздраженная Агнес передала ей мобильный телефон.

– Он хочет поговорить с вами.

Щеки девушки сразу вспыхнули румянцем, и она дрожащей от волнения рукой взяла телефон.

– Алло, – тихо отозвалась она и покраснела.

– Васса! Вас плохо слышно, это вы? – раздался напористый голос Александра.

– Да, я.

– Я хотел бы вас пригласить завтра на ужин, вы не против?

– А вы что, в Вене?

– Нет, но завтра буду у вас проездом. Не хочу останавливаться

в гостинице и уговорил маму поселить меня у вас на нелегальном положении.

– Это отличная идея, – ответила Васса и почувствовала, как от волнения тошнота подступает к горлу.

– Тогда до завтра?

– Хорошо.

Передав трубку Агнес, девушка от накативших на нее эмоций начала быстро ходить по комнате и махать руками на лицо.

– Что мне надеть? Куда он меня поведет? О чем мне с ним говорить? Как держаться? Боже, я сейчас сойду с ума.

Агнес хотела ей ответить, но в этот момент в дверь позвонили, и женщины вышли в холл. Васса первой оказалась у двери и выглянула в коридор. На пороге стоял Штефан, он нерешительно переминался с ноги на ногу. Агнес приветливо пригласила его войти и предложила чаю.

– Я бы выпил чего-нибудь покрепче, – сказал он виноватым голосом.

По просьбе Агнес Васса прошла на кухню и, сев за маленький столик, сделала себе кофе и прислушалась к их разговору. Агнес предложила Штефану бурбон. Выпив весь бокал мелкими глотками, он быстро захмелел и с вызовом спросил:

– Зачем ты приехала?

Она удивленно вскинула брови и вместо ответа спросила:

– Ты не рад меня видеть?

– Рад, но прошло столько лет, и сегодня ты внезапно предстаешь перед моей дверью. Я хочу понять, какую цель ты преследуешь? И эти намеки на мою жену, они мне неприятны. Какое тебе дело до всего этого?

Перемена в его манере речи и в отношении к ней была настолько разительной, что Агнес сразу догадалась о вмешательстве жены.

– Ты говорил с ней? И она спросила, почему я появилась в твоём доме через столько лет?

– Я не думаю, что мы должны обсуждать мою частную жизнь, – он резко повысил голос и перешел на крик: – Я женатый человек, и моя жена имеет право знать обо всем, что происходит в моей жизни! Я болен и нуждаюсь в уходе, а твой приезд вызвал у меня сильное эмоциональное переживание. Перед тем как прийти, надо было посоветоваться с моим опекуном, которым и является моя жена! Я безумно ее люблю, у нас только стали налаживаться отношения и я

не хочу потерять ее. Она сказала, что я пошел на поправку, и пригласила меня к себе! Мы будем жить теперь вместе!

Агнес еле справилась с нахлынувшими на нее эмоциями. Сердце сжималось от жалости, но она почувствовала, что разговоры с ним на личные темы могут только ухудшить ситуацию. Встав перед ним, она с достоинством спокойно произнесла:

– Мне очень жаль, что мой приход вызвал у тебя переживания, способные подорвать твоё слабое здоровье. Я всего лишь хотела перед смертью попрощаться и сказать, как я благодарна тебе за совместно прожитые годы. Я хотела сказать, что так сильно любила тебя, что до сих пор держу в памяти самые яркие воспоминания о нашей жизни. А теперь, пока ты не упал с инфарктом в моей квартире, и меня не обвинила в преднамеренном убийстве твоя опекунша, тебе лучше уйти. Прощай!

После этих слов Агнес резко отвернулась от него и стала смотреть в окно на ночной город. Штефан встал и медленно пошел к двери, вид у него был обескураженный и смущенный, он неуклюже попрощался и покинул квартиру.

Васса выскочила из кухни и спросила:

– Что это с ним?

– Последствия продолжительного телефонного разговора с опекуншей. Он повторяет слово в слово все, что она ему велела мне сказать. По-видимому, в доме есть немало людей, которые рассказывают ей о каждом его шаге. Мне жаль его. Мне искренне его жаль. Он не понимает, какая опасность ему грозит. Никто его от нее не спасет, пока он сам этого не захочет. И мне страшно оттого, что он не захочет.

– Вы думаете, она его прихлопнет?

– Что такое «прихлопнет»?

– Ну, убьет!

– Если не прозреет, своей смертью он точно не умрет. Он всегда привлекал к себе опасных женщин. Власть, слава и деньги действует на них как магнит. Похоже, что очередная женщина, притянутая его магнетизмом, приспособилась выкачивать из него деньги, не прибегая к жестким мерам.

– Это его жизнь... – подала голос Васса, – его выбор. Надеюсь, вы не будете вмешиваться?

– О нет, я уже достаточно наговорила. Хотя хотелось сказать гораздо больше. Но, оказывается, и этого хватило, чтобы поставить его под удар. Думаю, мне нужно успокоиться и хорошо выспаться.

Утром надо будет поговорить с Луи.

Выпив свои вечерние таблетки, она пожелала девушке спокойной ночи и ушла в свою комнату.

Весь оставшийся вечер Васса просидела в своей спальне и думала об Алексее, она представляла их завтрашнюю встречу в разных вариациях, но ее фантазия ограничивалась лишь их приветствием. Заглянуть в дальнейшее развитие событий она так и не смогла, таким невероятным и загадочным оно ей казалось в тот миг.

Утром их разбудил ранний настойчивый звонок. Агнес подросла только тогда, когда телефон зазвонил во второй раз. Поговорив с минутой, она побледнела и опустила в кресло. Сидя без движения, уставилась в одну точку.

– Кто это был? Что случилось? – спросила, выбежав из своей комнаты, Васса.

– Это был Луи, – еле слышно произнесла Агнес, и на ее глаза накатили слезы. – Он сказал, что Штефан погиб этой ночью.

– Как это? Он же был жив и здоров вечером, правда, немного возбужден, но в полном порядке.

– Приехав от нас, он на радостях быстро собрал вещи и поехал в Ниццу. Прилетев в аэропорт, он взял машину напрокат и по дороге к дому разбился.

– Вы думаете, что его жена причастна к этому?

– Сейчас этого уже не докажешь, – ответила Агнес и, схватившись за сердце, ушла к себе в комнату.

Оставшийся день Вассе пришлось иметь дело с врачами. У Агнес был сердечный приступ, и к тому моменту, когда Александр приехал из аэропорта, врачи «Скорой помощи» выносили Агнес на носилках.

Увидев мать в таком состоянии, он, забыв обо всем на свете, бросился к ней и закричал:

– Мама! Что случилось?!

Агнес улыбнулась и, схватив его за руку, тихо ответила:

– Все в порядке, не волнуйся, уже все позади. Я согласилась поехать в больницу для более детального обследования. Тебе нужно поехать со мной.

– Да-да, конечно! – Александр, запрыгнув в машину «Скорой помощи», закрыл дверь изнутри.

Машина быстро уехала, а Васса осталась одиноко стоять на

обочине дороги с пальто Агнес в руках. Слезы обиды накатили на глаза. В этот момент она еще четко не осознавала, что больше всего ранило ее сердце. То ли то, что никто не позвал ее сесть в «Скорую», то ли потому, что сегодня не будет долгожданного ужина с Алексом, или то, что Агнес даже не взглянула в ее сторону. Она стояла, не двигаясь, и плакала, пока к ней не подошел полицейский, наблюдавший за происходящим со стороны, и не спросил, что у нее случилось. Васса, объяснив ситуацию, сказала, что Агнес ее двоюродная бабушка, и она не знает, в какую больницу ее увезли. Полицейский оценил ее состояние и, переговорив с диспетчером по радиации, быстро записал адрес клиники в блокноте и передал девушке.

Размахивая на ходу листком, она быстро поднялась по лестнице, заскочила в квартиру, переделась, схватила сумочку с документами и деньгами и бросилась на поиски такси.

Алекса она нашла к приемной отделении. Он нервно ходил из угла в угол и, увидев Вассу, недовольно спросил:

– Где вы ходите?

От негодования у Вассы перехватило дыхание, и она возмущенно выпалила:

– Вообще-то, я только через полицейского узнала, куда повезли Агнес. Вы закрыли дверь «Скорой» прямо перед моим лицом.

– Простите, – Алекс потер ладонями лицо, – я обнаружил, что вас рядом нет, когда мы уже отъехали.

– Как она?

– Ее обследуют, доктор выйдет, как только освободится. Меня пока не пускают, но когда ее увозили, выглядела она бодро. Что произошло? Она была чем-то расстроена?

Васса не знала, можно ли рассказывать Александру все нюансы их поездки, и не нашла ничего другого, как сказать:

– Да все как обычно.

– Ей нельзя волноваться, я же говорил вам.

– Все будет хорошо, вот увидите.

Он поднял глаза, одарил ее пристальным и теплым взглядом. Потом кивнул в знак согласия и пошел по коридору к автоматам с кофе. Сидя на стуле Васса наблюдала, как Алекс, бросив монеты в автомат, наполнил два бумажных стаканчика кофе и, прихватив пару упаковок печенья, аккуратно несет все в ее сторону.

– Конечно, это не ужин в моем любимом ресторане, – он протянул ей стаканчик и печенье, – но не сидеть же нам здесь всю

ночь голодными.

Васса взяла кофе, но от печенья любезно отказалась.

– Здесь душно, как в камере, – заметил Александр и снял пальто.

– А где находится ваш любимый ресторан?

– На Вальфишгассе.

– И как он называется?

Алекс немного подумал, усмехнулся и сказал:

– Не помню. Но точно помню, где он расположен. Поэтому, когда представится первая возможность, я вас туда обязательно отведу.

– И какие блюда вам там нравятся?

Он пожал плечами.

– Когда я бываю в этом ресторанчике, то заказываю только шницель по-венски. Такого шницеля я больше нигде не пробовал.

В фойе вышел доктор и спросил:

– Здесь есть родственники Агнес Жувене?

Александр отозвался и быстро пошел в его сторону.

Васса надеялась, что они с Алексом смогут побыть наедине, но сразу после разговора с доктором на него обрушились телефонные звонки, и в следующие два часа его постоянно сопровождал помощник, который смущал Вассу своим откровенно-любопытными взглядами.

Глава шестая

Блуд

*Разврат завтракает с Богатством, обедает с Бедностью,
ужинает с Нищетой и ложится спать с Позором.*

Бенджамин Франклин

– Вам что, трудно было придумать себе занятия? Ходили ко мне в больницу каждый день, как на работу, – ворчала Агнес, входя после выписки из больницы в номер, в котором всю прошедшую неделю жил Александр. – И почему вы себе так ничего и не купили?

– Вот приедем в Париж, там и похожу с вами по магазинам, – ответила Васса. – И мне было бы приятнее, если бы вы меня называли на «ты».

Агнес устроилась в просторном кресле. Оглядела по-мужски холодный и монохромный интерьер номера и остановила напряженный взгляд на сыне, который в этот момент говорил с партнером по мобильному телефону и поспешно собирал вещи.

– С чего ты взяла, что мы вернемся в Париж? Завтра мы летим в Милан.

Александр закончил разговор фразой: «В Париже я буду через три часа. Вышли за мной машину в аэропорт, и держи меня в курсе событий» и метнулся в спальню. Через минуту он вышел, на ходу застегивая молнию дорожной сумки, и воззрился на мать недовольным взглядом.

– Мама, мне нужно в аэропорт, ты точно в порядке? Я беспокоюсь за тебя, ты только что из больницы и собираешься лететь на самолете, может, поедешь на машине? Доктор рекомендовал покой и в течение трех месяцев никаких перелетов.

– Мы это уже с тобой обсуждали, не хочу снова спорить. Лети спокойно и ни о чем не думай. Я в порядке. Доктора говорили, что я не протяну и года после операции, но как видишь, – Агнес отмахнулась характерным для нее жестом, – вуаля...

– Ты не исправима, – Александр тяжело вздохнул и покачал головой. – Сколько ты собираешься пробыть в Милане?

– Около месяца, не больше.

– Мне это не нравится, но с тобой бесполезно спорить. До встречи, – он поцеловал мать в лоб и обратился к Вассе: – Проводишь меня?

В последние дни они много проводили времени вместе. Не успевал Александр толком проснуться, как уже набирал номер девушки и осведомлялся, как прошла ночь, а услышав ее щебетание, млея от каждого слова и растягиваясь в улыбке. Они встречались за завтраком, а расставались после ночной прогулки по городским улочкам. Маршрут менялся, как и темы для разговоров, но неизменно оставалось то, что Александр не отпускал руку Вассы ни на минуту.

Закрыв за собой дверь, Васса вышла в коридор.

– Последние дни прошли не совсем так, как я планировал, – Алекс подошел к ней так близко, что девушку обдало его горячее дыхание. – Но я надеюсь, что смогу присоединиться к вам в Милане в ближайшее время.

– Я буду ждать, – Васса покраснела и смущенно опустила глаза.

Александр потянулся к ней для поцелуя, но, не справившись с эмоциями, девушка быстро вбежала в номер, закрыла за собой дверь и зажмурила глаза. Открыв их через несколько секунд, она увидела перед собой Агнес.

– Я что-то пропустила? – с тревогой в голосе спросила она.

Васса еще больше смутилась и, немного помедлив, ответила:

– Он мне очень нравится.

– Я знаю, что он тебе нравится. Я спросила, что я пропустила?

– Ничего особенного, мы просто ходили гулять и беседовали на разные темы.

– И все? – недоверчиво спросила Агнес.

– И все, – уверенно отозвалась Васса. – А в чем дело?

– Просто у тебя такой загадочный вид, что я подумала, что между вами произошло что-то более серьезное, чем прогулки под луной.

– Нет, ничего такого.

Агнес с облегчением выдохнула, подошла к столу, налила себе стакан воды и вернулась в кресло.

– Я благодарна тебе за то, что ты ему не рассказала про наши приключения. Узнай он про смерть Штефана, сейчас летели бы в Париж с отрядом телохранителей, – Агнес вытянула ноги на пуф. – Итак... завтра мы летим в Милан. А сегодня мне нужно собраться с мыслями. В больнице меня накачивали успокоительными, и теперь мозг отказывался работать в полную силу. Луи выходил на связь? Ты оставила ему сообщение, как я просила?

– Оставила, но он так и не перезвонил. Я даже пару раз прогуливалась возле их дома, но его ни разу не видела.

– А что сказала прислуга?

– Что после смерти хозяина он собрал вещи и уехал в неизвестном направлении.

– Это мало похоже на правду, он обещал прийти сразу после похорон и дал мне четко понять, что так этого не оставит. У него были свои сбережения, и он собирался нанять частных детективов.

– Что будем делать дальше?

– А что мы можем сделать? – Агнес пожала плечами. – Ровным счетом ничего. У нас нет ни доказательств, ни мотива.

– А разве получение денег не мотив?

– Жена Штефана имела к ним полный доступ и до его смерти. У нее лучший адвокат в Европе, что бы мы ни говорили, это вызовет только усмешки. Все догадываются, что произошло, но все будут только пожимать плечами.

Выйдя из аэропорта Линате в Милане, Вассе казалось, что воздух содержит какие-то специальные дурманящие вещества, которые способствуют появлению в человеке чувства любви и опьяненности. Атмосфера, царящая вокруг, создавала ощущение восторга с самого выхода из самолета до момента их заселения в квартиру. Только здесь Васса немного отошла от охвативших ее эмоций и смогла реально оценить происходящее.

Хозяйка квартиры оказалась крикливой женщиной лет сорока, у которой было пятеро детей, вечно снующих по двору дома и от любопытства заглядывающих в окна постояльцев. Сам дом был в стиле ренессанса. Первые два этажа имели сдвоенные арки у окон и балконов. Третий этаж был с простыми окнами и без декоративного обрамления. На этом этаже и располагалась квартира, в которой поселились Агнес и Васса. Одно окно квартиры выходило на площадь, откуда был хорошо виден маленький бульвар со скамейками странной формы. По периметру площади располагались рестораны и магазины. Примыкающий к площади бульвар был тоже оживленным местом – днем и ночью были слышны громкие крики и споры местных жителей.

Распаковав вещи в новой квартире, Агнес начала напевать и прихорашиваться перед зеркалом. Раздался звонок в дверь, Васса открыла и увидела на пороге неряшливого мальчишку лет десяти. Он

вручил ей пакет и жестом показал, что ждет чаевые. Когда девушка сунула ему в руку монету, он с довольным видом побежал по лестнице вниз.

– Вам принесли какой-то пакет! – громко сказала Васса, прочитав имя получателя.

– Распечатай.

– Здесь все на итальянском языке.

Агнес взяла пакет и стала изучать содержимое. Через минуту она подняла глаза от бумаг, тихо и вкрадчиво произнесла:

– Нам нужно взять машину и ехать в пригород.

– С вами все в порядке?

– Да, вполне, просто не думала, что и на этот раз придется ехать на кладбище. Надеялась, что меня будет ждать личная встреча, но судьба не может быть всегда благосклонной, – ответила Агнес и, выходя из квартиры, добавила: – Жду вас в ресторанчике внизу.

Девушка поспешно переоделась и спустилась в ресторан, который располагался на первом этаже их дома. Зайдя в уютное камерное помещение, она увидела Агнес в углу зала. Она сидела в плетеном кресле и смотрела в одну точку перед собой. Васса подошла и, положив руку ей на плечо, тихо спросила:

– Что с вами?

Агнес похлопала по ее руке.

– Когда я затевала свое путешествие, то даже не представляла, насколько тяжело мне будет в такие минуты. Мною предполагалось, что кто-то из них уже умер, но все же я не думала, что буду ощущать такое сильное опустошение, читая уведомления об их смерти. Ты держишь белый безликий листок бумаги и понимаешь, что за этим листком прячется жизнь человека, который был тебе дорог и близок. Прости, знаю, что ты проголодалась, но не смогу проглотить и крошки, – Агнес поднялась, – подожду тебя в сквере.

– Я не голодна, – солгала Васса, ей не хотелось оставлять Агнес одну. – Давайте поймаем такси.

Через час они вышли из такси, и Васса увидела перед собой раскидистое кладбище. Агнес прошла через центральные ворота и направилась искать могилу, указанную на карте, которая лежала вместе с другими документами в доставленном пакете. Она шла очень быстро, будто куда-то опаздывала, и Васса еле поспевала за компаньонкой. Пройдя несколько рядов, Агнес повернула направо, прошла еще пятьдесят метров и встала перед могилой. Взгляд ее остекленел, плечи согнулись под тяжестью переживаемых эмоций.

Васса подошла ближе и увидела надгробье с надписью «Риккардо Росси».

– Не могла бы ты подождать меня в такси? – Агнес сжала руку девушки, как бы прося прощения за столь позднюю просьбу, ведь можно было это сказать еще в машине. – Мне нужно побыть с ним наедине.

– Я боюсь вас оставлять одну, – честно призналась Васса.

– Не беспокойся, если что, я позвоню, – ответила Агнес и показала на свой мобильный телефон.

Несколько секунд Васса переминалась с ноги на ногу, затем разочарованно вздохнула и пошла к выходу. Проходя мимо памятников и скульптур, она останавливалась у самых красивых и всматривалась в надписи на надгробьях. Чтобы хоть чем-то себя развлечь, девушка считала количество прожитых лет похороненных людей. Некоторые скульптуры были такими символическими и масштабными, что она надолго застывала и подолгу их разглядывала.

Подходя к воротам, она услышала шаги и обернулась. Агнес по-марафонски быстро сокращала между ними расстояние. Вид у нее был скорее обиженный, чем расстроенный. Раньше таких эмоций Васса за ней не замечала.

– Вы так быстро?!

– Как удивительно посмеялась надо мной судьба! – возбужденно воскликнула Агнес и перекинула сумку на другое плечо. – Когда-то я приехала в эти места в поисках вдохновения, – она указала в сторону города. – Меня окружали прекрасные и талантливые люди, а я выбрала порочного эгоиста, да еще и страстно влюбилась в него. Наверное, и месяца не проходило без воспоминаний о нем.

– Вы про Риккардо Росси?

– Я жутко проголодалась, недалеко отсюда есть приличный ресторанчик, там и поговорим, – Агнес решительно пошла к такси.

Когда они подъехали к ресторану и расположились за столиком на открытой террасе, с которой открывался прекрасный вид на долину, Агнес сказала:

– Здесь подают великолепное ризотто с белым трюфелем, конечно, он немного уступает нашему черному перигорскому трюфелю, но тоже совсем не плох.

– Верю вам на слово, – Васса улыбнулась и отложила в сторону меню, давая понять, что и сегодня доверяет ей сделать заказ.

Официант принес холодные напитки. Впервые за все время их знакомства, Агнес позволила себе выпить бокал вина и Васса предположила, что это из-за эмоций, которые вызывают воспоминания покойный возлюбленный. С восторгом девушка посмотрела вниз на долину и не удержалась от комментария:

– Великолепный вид. Думаю, вы были в этом ресторане с Риккардо? Возможно, даже не один раз. Поэтому мы здесь?

– С каждым днем, дорогая, вы открываетесь мне с новой стороны. Смело добавляю к списку еще одну черту вашего характера – проницательность.

Девушка прищурилась и спросила:

– Так я права?

– Когда я жила в России, Виктор читал мне русскую сказку о Василисе Премудрой. Увидев вас в первые, я подумала, что это имя лучше всего олицетворяет ваше естество. Надеюсь, я не обидела вас таким сравнением?

– Нет, ничуть, – усмехнулась Васса, – тем более что моя мама так и хотела меня назвать, но отец сказал, что это банально, и поэтому они сошлись на том, чтобы назвать меня Васса.

– Удивительно! Значит, я отгадала ваше настоящее имя? – Агнес рассмеялась от всей души.

У девушки создалось впечатление, что она намеренно оттягивает разговор, а значит, воспоминания о России были для нее особенно болезненными.

– Так я права? Вы были здесь с Риккардо? – снова повторила свой вопрос Васса.

Лицо Агнес сразу помрачнело и осунулось. Она сделала пару глотков воды, после чего задышала хрипло и прерывисто.

– Если вам неприятно об этом вспоминать, то не надо. Я думала... в прошлые разы вы чувствовали облегчение. Прошу прощения.

– Не стоит извиняться, дорогая. Мне необходимо с кем-то поделиться. Признаюсь тебе честно, в этот раз повествование будет нелегким, но я должна. Перед тем как решиться на эту поездку, я поняла, что хочу освободиться от груза прошлого. Он лежит на мне тяжелой ношей, не дает примириться с собственными ошибками. Ты даже себе не представляешь, как мне стало легче оттого, что я прошла уже большую часть пути.

После ужина Агнес предложила пройтись вниз по дороге к уединенной беседке, расположенной двумя ярусами ниже на смотровой площадке. Беседка утопала в зелени, а южная сторона пестрела розами ярко-малинового цвета. Когда они устроились на деревянных резных скамьях, Агнес, собравшись с силами, поведала очередную историю неудавшейся любви:

– Примерно через год после того, как мы расстались со Штефаном, я приехала учиться в Миланскую школу искусств. К тому времени я уже неплохо рисовала, но мне не хватало академического образования. Меня направили в уже сформированную группу из двенадцати человек. Все в группе увлекались реализмом, и лишь одну меня привлекало современное искусство – я хотела рисовать абстракции. Мой куратор сказала, что я плохо чувствую цвет, и нашла мне учителя, который лишь недавно начал подрабатывать подготовкой учеников. Она предупредила меня, что у него есть одна слабость – женщины. Но если я не перейду черту между профессиональными и личными отношениями, все будет отлично. Я спросила ее, почему именно он, а она засмеялась и воскликнула: «Потому что он лучший!». Его звали Риккардо Росси, но все называли его Кадо, так он и подписывал свои работы. Он был не просто талантливый, Кадо был гением. У него была теория, которой он придерживался в написании своих полотен: у каждой эмоции есть свой цвет. Всем нам присущ собственный набор наиболее часто проявляемых эмоций, а значит, у каждого человека индивидуальная цветовая палитра.

– И вы поехали к нему учиться?

– Да. Взяла его адрес и пошла к нему в мастерскую. Его студия располагалась на втором этаже над керамической мастерской его брата. Меня встретил молодой человек, француз, которого звали Жером. Как я поняла позже, на тот момент он был единственным учеником Кадо. Жером сказал, что мастер занят и мне нужно немного подождать. Сев на стул в углу комнаты, я стала наблюдать за его действиями: он не спеша смешивал краски разных цветов и очищал палитры. Комнату, в которой мы сидели, от мастерской отделяла бархатная занавеска, и все, что происходило за ней, было нам прекрасно слышно. Поэтому, когда я услышала стоны и восклицания, то сразу догадалась, чем был занят учитель. Мне стало настолько не по себе, что я не могла и минуты усидеть на месте. Спустившись вниз, я стала ходить по внутреннему дворику и осматриваться. Ко мне присоединился Жером, и мы разговорились.

Оказывается, он приехал за мастером сразу после персональной выставки Кадо в Париже, которая прошла две недели назад, но кроме работы подмастерья он ничего пока не делал. Он искренне удивился, когда я сказала, что тоже приехала на учебу, видимо, его смутил мой возраст. Через полчаса окно на втором этаже открылось, и из него выглянул мужчина лет сорока. Он окликнул Жерома и сразу скрылся в комнате, а молодой художник поспешил наверх. Вскоре по лестнице спустилась молодая женщина, села на велосипед и уехала.

Взгляд Агнес заскользил по очертаниям города. Васса заметила, как дрожат руки пожилой компаньонки и приободряюще погладила ее плечу. Агнес бросила на нее благодарный взгляд и продолжила:

– Я поднялась наверх и зашла в мастерскую. Кадо поздоровался, выслушал цель моего приезда и ушел в ванную. Было слышно как он принимал душ. Все это время я изучала полотна, выставленные вдоль стен. Когда он вышел, то долго смотрел на меня в упор. Конечно, я смутилась и отвела взгляд. Затем он попросил меня встать у окна и не двигаться. За четверть часа он нарисовал цветовую абстракцию. Это было сочетание красного и синего цветов и их оттенков. Потом, вручил ее мне и пояснил, что это цветовая палитра моих эмоций. Картина с первого взгляда поразила меня своей выразительностью, все последующие годы она висела в моем кабинете, вдохновляя меня на новые творческие проекты. Недавно, узнав имя автора, мне предложили продать ее за сто тысяч евро.

– Ничего себе! – воскликнула Васса.

Агнес усмехнулась и после небольшой паузы продолжила:

– Кадо был жгучим брюнетом с карими глазами и резко очерченными скулами. На висках проступала первая седина. Он был крепкого телосложения, с чувственным ртом, ровными и белоснежными зубами. Это был страстный человек с неистощимой энергией, казалось, он никогда не уставал. Ни одна женщина не могла устоять перед его чарами, он будто околдовывал и повелевал. О нем шла дурная слава сердцеда и развратника. Все женщины об этом знали, но все равно бросались в его объятия. Порой мне казалось, он обладал таинственным магнетизмом, ведь уйти от него по собственному желанию было невозможно. Когда женщина надоедала ему, он прогонял ее, как уличную собаку. После чего их страсть превращалась в злобу и ненависть. Многие женщины преследовали его и пытались возобновить с ним отношения, но он к тому времени перегорал и переходил к новой пассивности.

Дрожащими руками Агнес достала пузырек с овальными капсулами. Проглотив таблетки, она запила их водой и через минуту продолжила:

– С первых занятий у нас сложились сложные отношения. Он всячески принижал мои способности и открыто насмеялся над моим решением приехать в Италию и учиться художественному ремеслу. Я же, не стесняясь в выражениях, осуждала его распутный образ жизни. Никогда и никто не вызывал во мне столько страсти и ненависти одновременно. Иногда перебранка между нами могла начаться прямо посреди занятий, при посторонних. К этому времени к нам присоединилась еще одна девушка – Каталина, она приехала из Испании, и учеников стало уже трое. Это была робкая деревенская девушка, со жгучими, черными как смоль волосами. Она очень красиво рисовала. Даже не знаю, зачем она приехала к Кадо.

Примерно через месяц после ее приезда мы с Жеромом пришли в мастерскую к назначенному времени и застали ее с Риккардо. Меня поразила ее реакция, вместо того чтобы одеться и убежать, она отвернула от нас его голову и продолжила заниматься с ним любовью. Что случилось за такой короткий промежуток времени с наивной и скромной девушкой, я не понимала. Каталина вскоре узнала, что беременна, конечно, Кадо это не обрадовало, он настаивал на аборте и между ними начались скандалы. Она требовала, чтобы он остепенился и оформил их отношения. Как-то раз она так распалилась, что попыталась всадить в него нож, но он точным ударом выбил его из руки и оттолкнул ее от себя. Она упала и покатила с лестницы, через час у нее произошел выкидыш. После этого атмосфера в мастерской стала просто невыносимой, они ругались каждый день. Она обвиняла его в потере ребенка, а он обзывал ее чокнутой истеричкой. Мне так надоели их скандалы, что я перевелась к другому учителю и не видела Кадо почти месяц. К тому времени я уже понимала, что не смогу найти лучшего учителя, чем он, но и терпеть его выходки я больше не желала.

По-видимому, он все-таки нуждался в щедром вознаграждении за обучение бездарной ученицы и вскоре прислал Жерома с запиской, в которой просил меня прийти и поговорить. Я пришла, он был в мастерской один, и у нас состоялся напряженный разговор. Он всячески пытался себя оправдать, называл себя большим мастером с маленьким пороком, но я тогда ничего кроме брезгливости к нему не почувствовала и спокойно выдержала все его уловки. В конце разговора я поставила ему условие: никаких развратных действий на

моих глазах, или я не вернусь. Он пообещал, что постарается сдерживать свои порывы, и обещание сдержал. Когда я вернулась, Каталины уже не было, а наши занятия стали еще интересней и познавательней.

Никогда бы я не смогла так управлять цветовой палитрой, если бы не его теория цвета. Помню, как-то раз он дал нам задание: нужно было нарисовать поочередно цвета на все человеческие эмоции. Он сказал, что так мы научимся рисовать цветовой портрет человека, выделяя его основные пороки и достоинства. Красным я нарисовала страсть, желтым – жадность, фиолетовым – гордость, зеленым – зависть. Кадо посмотрел на меня и сказал, что это точное определение его теории и что еще никто из его знакомых и учеников не смог безошибочно определить больше трех цветов. С этого момента он стал относиться ко мне с особым уважением. Постепенно мое отвращение к нему стало проходить, и мы стали больше времени проводить наедине. Он часто брал меня с собой как ассистентку в поездки с лекциями по стране. Допустил меня к совместному выполнению заказов и расчетов с клиентами.

Через пару месяцев Кадо снял домик на Лазурном берегу и пригласил меня поработать с ним там все лето над большим заказом. Жерома он отправил домой на летние каникулы и попросил меня не говорить ему о нашей совместной работе, якобы чтобы не вызывать в нем ученическую ревность. Приступив к работе, мы были постоянно вместе, и он находил любой предлог, чтобы дотронуться до меня. То поставит мне под нужным углом руку, то повернет голову и скажет: «Посмотри, какой замечательный закат».

– И вы влюбились в него? – с нетерпением спросила Васса.

– Его прикосновения передавали мощный горячий импульс, на меня накатывала непреодолимая тяга к нему. Эта тяга не отпускала меня много лет... даже тогда, когда я была уже счастлива с другим мужчиной. Это меня угнетало и вызывало стыд. Как можно любить одного и вожделеть другого? Мне такое поведение никогда не было свойственно. Но как я уже сказала, не во мне одной он вызывал такие чувства.

Агнес закатила глаза и с шумом выдохнула.

– Я и сама не заметила, как начала влюбляться. В память врзался его образ, залитый солнечными лучами, с палитрой и кистью в руках; он импульсивно наносил мазки на холст и потом долго всматривался вдаль, будто солнце и небо должны были подсказать ему, что и как рисовать.

Как только я осознала, что влюбилась, мне стало невыносимо трудно сдерживать свои чувства, я, то краснела, то бледнела, то смущенно отводила от него глаза. Заметив изменения в моем поведении, он стал дразнить меня, ходил передо мной почти голый, задерживал на мне свой томный взгляд. Особенно меня привлекала в нем его мечтательность, когда он стоял в дверном проеме, скрестив руки на груди, или сидел в кресле на веранде перед домом и долго смотрел на море или звезды. В такие моменты он погружался в себя, взгляд его становился мягким и загадочным, пока он сидел так, я не в силах была отвести от него глаз.

В один из дней мы делали натурные наброски у берега моря и заработались допоздна. Вернувшись в наш домик, мы обнаружили, что все вещи разбросаны и разорваны. В отличие от меня, Кадо это нисколько не удивило, он усмехнулся и сказал, что это могла сделать только ревнивая женщина. По-видимому, к таким проявлениям чувств он давно уже привык. Я сказала, что раз это проделки его отвергнутых подруг, то ему придется самому убрать весь этот беспорядок, и ушла в ванную. Приняв душ, я стала вытирать тело полотенцем. Подняла глаза и увидела, что Кадо стоит и смотрит на меня, приоткрыв дверь. Одной рукой он удерживал дверь, а другой медленно расстегивал рубашку. От такого зрелища у меня внутри все запылало, я вдруг ощутила, что хочу быть с ним, хочу любить его до беспамятства. Он сбросил с себя оставшуюся одежду, подошел и прижался ко мне всем телом. Обнявшись, мы слились в поцелуе. Так жарко и страстно, как он, меня еще никто и никогда не целовал. Трудно описать словами чувства, которые возникли внутри меня. Это что-то неуловимое, но мощное как поток. После поцелуя я уже понимала тех женщин, которые постоянно вились рядом с ним. Вкусив такое один раз, забыть уже невозможно.

– И что было потом?

– Он говорил о своих чувствах, о том, что я особенная и ему впервые в жизни не хотелось форсировать события. Я таяла в его объятиях. Его горячий шепот довел меня до исступления. Кадо взял меня на руки и понес в спальню, которая располагалась на втором этаже. Помню, как он собирался сделать последний шаг, чтобы преодолеть лестницу, но кто-то сбоку нанес ему сильный удар по голове, и мы кубарем скатились вниз.

Очнулась я в больнице с сотрясением мозга и переломом ключицы. Я спросила у медсестры, что со мной случилось, и она, показав на полицейского инспектора, наблюдавшего за мной из-за

стеклянной перегородки в коридоре, сказала, что со мной хотят поговорить. Инспектор объяснил, что на нас с Кадо произошло нападение, когда мы собирались, как он выразился, остаться наедине. По-видимому, нас хотели ограбить, но когда ничего ценного в доме не нашли, решили дождаться хозяев, думая, что при нас найдут какие-то ценности. Я спросила, где Кадо, он многозначительно закатил глаза и ответил, что тот лежит в коме, а потом добавил, что, зная репутацию этого художника, считает, что грабители мне оказали огромную услугу. На следующий день прилетели мои родители и перевезли меня в частную клинику под Парижем. Больше я Кадо не видела, я пыталась его разыскать, но все было напрасно, он как в воду канул. В больнице мне ответили, что он пришел в себя через три дня после моего отъезда, и за ним приехал его друг и увез в Италию. Никто из наших общих знакомых ничего про него не знал, только сейчас, через много лет, один частный сыщик сумел собрать для меня всю информацию о его жизни до и после моего отъезда. Из больницы его забрал Жером, им же были подписаны бумаги об организации похорон. Оказывается, он прожил после моего отъезда всего десять лет. Думаю, у него был СПИД, тогда его еще не диагностировали, но симптомы, описанные его лечащим врачом, очень похожи на это заболевание. Инспектор представил доказательства, что Кадо и Жером были любовниками. Они действительно познакомились в Париже на его выставке незадолго до того, как я пришла к нему ученицей, и Кадо привез его в Италию. Хотя в основном он предпочитал женщин, но на десерт всегда оставлял своего юного ученика, который пережил его всего на три года и умер от тех же симптомов.

– Какой ужас! – тихо произнесла Васса и обняла Агнес за плечи. – А как вы думаете, кто тогда напал на вас?

– Думаю, это был Жером. Он, наверное, как-то выследил нас и, наблюдая за нашими отношениями, появился в самый подходящий момент. Падение Каталины с лестницы могло навести его на мысль, что и от меня можно избавиться подобным образом.

– Я тоже так думаю, – Васса нахмурилась и сложила руки на груди.

– Только теперь я поняла, что имел в виду тот инспектор в больнице, когда сказал, что грабители оказали мне услугу. Жером, сам того не зная, не только уберег меня от страшной болезни, но и не дал ему разбить мое сердце. Трудно предсказать мою реакцию, узнай я об их связи, и было бы еще хуже, если бы я в разгар нашего романа

застала их вместе.

Лицо Агнес приняло мучительное выражение.

– До сих пор помню тот поцелуй, жар наших тел. Это как прерванный полет, ты и не взлетел и не приземлился. Его блуд и распутство распространились вокруг, как вирус! Мне кажется, я тоже заразна, все, до кого он дотрагивался заразно.

«Сколько же женщин он заразил?», – с ужасом подумала Васса, передернула плечами, а вслух сказала:

– Не надо так говорить, Агнес, вы же не знали тогда об этом.

– Но знала, какой он распутный! Я же это знала! И все равно поехала с ним!

Зазвонил мобильный телефон. Агнес взглянула на определившийся номер, сказала, что это сын, отошла в сторону и ответила. Их разговор длился не больше двух минут, и все это время Васса еле сдерживала свои эмоции.

– По-видимому, ему было мало просто ваших разговоров, и он прилетает сегодня в Милан. Попросил вас встретить его в аэропорту.

Васс мгновенно вспыхнула, на ее лице невольно отразилась мечтательная улыбка. Заметив волнение девушки, Агнес сказала:

– Василиса, уж позволь мне тебя так называть, – Агнес взяла ее за руку, – если ты хочешь, чтобы твоя жизнь сложилась удачно, ты не должна сейчас влюбляться в моего сына.

– Почему? – чуть не плача спросила девушка.

– Потому что у него очень сложный характер, он как яхта без капитана в открытом море. От одного берега его отбросило, а к другому он еще не пристал. И если вы сейчас сблизитесь, то он даже не осознает и не оценит, как ему могло бы повезти с тобой. Сейчас не время. Пусть он истомится, помучается с мыслью о тебе.

– Боюсь, что у нас не будет другой возможности.

– Будет. Я обещаю. Пожалуйста, прислушайся к моему совету.

– Тогда мне нельзя к нему ехать сегодня в аэропорт, я не смогу себя сдерживать.

Агнес вскинула удивленно брови и спросила:

– Что, все так серьезно?

– Пока я не вижу его, я спокойна и могу себя контролировать, а когда он рядом, сердце бьется так, что мне кажется, оно вот-вот вырвется наружу. Я не смогу противостоять своим чувствам.

– О, дорогая! Ты сказала мне, что ничего между вами не произошло, а сейчас вдруг выясняется, что ты влюблена!

– Между нами ничего не было. Это все происходит внутри

меня. Он ничего о моих чувствах не знает.

– Вот и хорошо, что не знает, но, по-видимому, он догадывается, если хочет, чтобы ты его встретила в аэропорту.

Девушка кивнула и, не сдержавшись, заплакала. Агнес поспешила ее успокоить и пообещала, что сама все уладит. Она позвонила сыну и нарочито беззаботным тоном что-то долго объясняла. Внешне Агнес выглядела спокойной, но Васса почувствовала, как сильно она разнервничалась и решила, что учитывая ее состояние здоровья нельзя накалять их отношения. Раз Агнес не хочет, что бы она встречалась с ее сыном, значит, у нее есть на то причины.

Закончив разговор, Агнес повернулась к Вассе.

– Он, конечно, очень сильно сопротивлялся, но потом уступил. Я сказала, что мы сегодня уезжаем колесить по стране и не знаем, где будем ночевать завтра. В принципе это не ложь, но я хотела немного задержаться в Милане, и только потом продолжить свое путешествие, но раз такое дело, придется нашу поездку ускорить.

– Агнес, а вы не ошибаетесь насчет нас? – сделала последнюю попытку примирения Васса. – Может, вам не стоит вмешиваться в естественный ход событий?

– Поверь мне, я должна вмешаться. Знаю, как в таком состоянии трудно доверять, но уверяю тебя, я вмешиваюсь только потому, что хочу вам обоим счастья.

Просьба Агнес ранила и смущала, но девушка была полностью от нее зависима. Выхода не было. Вытерев слезы, Васса подняла голову, заглянула в мудрые глаза Агнес и согласилась подождать.

Глава седьмая

Чревоугодие

*Один лишь не может ничем
побежден быть желудок.
Жадный, насильственный,
множество бед приключающий смертным.*

Гомер

В Италии женщины прожили почти месяц, Агнес показывала Вассе свои любимые места, они объездили почти всю страну и везде их тепло встречали ее друзья. Они были все разных возрастов,

сословий и уровня жизни. Некоторые жили в больших виллах, некоторые в домах престарелых или в маленьких квартирках, но Агнес была со всеми весела и подолгу общалась наедине. Казалось, была какая-то причина, по которой она в этот раз сделала такое исключение из правил и не замкнулась в себе после заново пережитых событий из своего прошлого.

Александр звонил каждый день и осведомлялся об их передвижениях. Когда месяц почти прошел, они вернулись в Милан и обнаружили, что на письменном столе конверт. Дрожащими руками Агнес вскрыла конверт, прочитала послание и сказала:

- Нам пора собираться.
- Куда мы летим?
- В Лондон. Вам открыли визу.

В этот день Агнес о чем-то долго спорила по телефону с парижским детективом. Но на вопрос Вассы, что случилось, не ответила, лишь бросила на ходу, что ей кое-что нужно обдумать и не выходила из своей спальни до утра.

Лондон встретил их проливным дождем. Сев в такси, Агнес скомандовала:

– В Кэмден. Вот адрес, – и протянула водителю листок, вырванный из блокнота.

Такси остановилось перед домом Викторианской эпохи – типичного для этого района. Агнес рассчиталась с водителем и, повернувшись в сторону камеры над дверью, помахала рукой. Через пару минут дверь открылась и оттуда выскочил мужчина в униформе.

- Вы Агнес Жувене?
- Совершенно верно. А это мой багаж.

Мужчина взял чемоданы и понес их по лестнице на третий этаж.

Через пару часов Агнес и Васса разобрали свои вещи и устроили чаепитие в гостиной у камина. Поленья весело потрескивали, и от живого огня по комнате разливался мягкий свет, создавая причудливые тени на их лицах.

– Что это за квартира? Она как-то связана с вашими прошлыми отношениями? – не удержалась от вопроса Васса.

– О нет, дорогая! – заверила ее Агнес, удобнее устраиваясь в кресле. – Это квартира моей близкой давней подруги, она умерла в прошлом году, почти сразу вслед за моим мужем. Ее дочь любезно согласилась предоставить нам возможность пожить здесь столько,

сколько будет нужно.

– Наверное, вам нелегко было потерять мужа и подругу сразу в один год?

Склонив голову, Агнес чуть прикрыла глаза и молча смотрела на огонь. Васса подметила, как сильно она сдала за последний месяц. Таблетки уже не помогали, и она еле справлялась с болью.

Не дождавшись ответа, девушка задала следующий вопрос:

– Лондон – это ведь не конечное место нашего путешествия?

– Нет, – Агнес поставила пустую чашку на кофейный столик. – Из Лондона мы должны вылететь в Тунис, но придется подождать, пока нам откроют визы. Вот там и будет конечный пункт нашего путешествия.

– Может, вам нужно отдохнуть от утомительных переездов? Сделать перерыв?

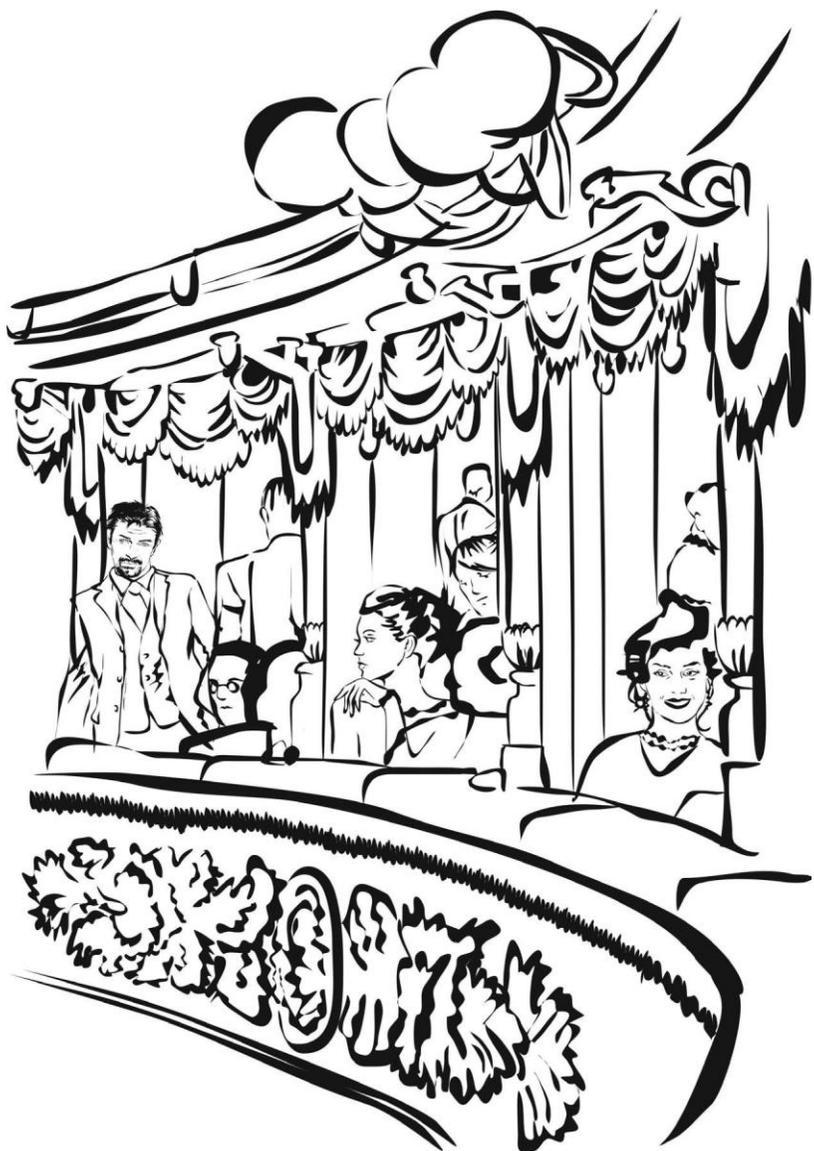
– О! На это у меня точно нет времени.

– Боже мой, Агнес, неужели это стоит таких мучений?

– Я хочу умереть спокойно. Хочу примириться с собой.

– А без этих поездок у вас это не получится?

Агнес покачала головой и, завернувшись в плед, снова перевела свой взгляд на огонь. Васса подбросила в камин три маленьких поленца и вернулась в кресло.

Так в молчании они провели минут пять, пока Агнес, откашлявшись, не начала свой очередной рассказ о своем прошлом.

– Мы приехали сюда, потому что здесь я вышла замуж за очень солидного и влиятельного человека. Его звали Найджел Ридли. Когда мы встретились, ему было почти пятьдесят лет, но он не выглядел на свой возраст: высокий, статный, он не был похож ни на одного мужчину из моей жизни, скорее, был их полной противоположностью. Волосы у него были светло-русыми, непослушными, и часто торчали во все стороны из-за его привычки постоянно их взъерошивать. У него было волевое лицо, смешные большие уши и ярко-зеленые глаза. Он часто отпускал недельную щетину, что придавало ему особый брутальный мужественный вид. Происходил он из знатной семьи, был хорошо воспитан и образован. К моменту нашей встречи он овдовел, и на его руках остались двое маленьких детей.

Мы познакомились в опере, где я была со своей подругой, в квартире которой мы сейчас находимся. Она первая заметила, как «неприлично» меня разглядывает джентльмен из соседней ложи. В антракте он подошел к нам, представился и сказал, что был бы безмерно счастлив, если бы я пообедала с ним завтра, и, написав время и название ресторана на своей визитной карточке, протянул ее мне, склонил голову и быстро ушел. На следующий день я подтвердила встречу и приехала в ресторан. Он уже ждал меня и, как только увидел, по-мальчишески бросился навстречу. Было видно, что он очень переживает и не знает, как произвести первое впечатление. За обедом я начала рассказывать ему о своих путешествиях, его напряжение постепенно спало, и передо мной предстал мужественный, надежный и смелый человек. Я сразу поняла, что именно о таком мужчине мечтала всю жизнь. Мы стали часто встречаться, наши отношения шаг за шагом переросли в тесную душевную связь. До него я всегда испытывала к своим избранникам влечение, влюбленность, страсть, но к нему у меня были совсем иные чувства, они были не физическими.

Он был интереснейшим человеком. Мы говорили о литературе, музыке, науке и политике. Во всех областях, которые мы затрагивали, он хорошо разбирался, и на любой вопрос имел свое мнение. Я познакомилась с его семьей, и меня на удивление тепло приняли его дети. Через полгода он пригласил меня на день рождения своего сына. После ужина он протянул мне кольцо необыкновенной красоты и на одном дыхании выдал: «Агнес,

любимая, я знаю, что тороплюсь, но жить, как раньше, я больше не могу. Одна мысль о том, что мне снова придется с тобой сегодня расстаться хотя бы на ночь, делает мою жизнь невыносимой. Выходи за меня, я обещаю, что сделаю тебя самой счастливой женщиной на свете!» Все гости стали ахать и охать, да я и сама была поражена такой речью, поэтому в ответ смогла вымолвить только: «Да», и в этот вечер он меня уже не отпустил.

Свадьбу мы сыграли, как выразилась моя подруга «неприлично пышную», он потратил на торжество и на свадебное путешествие огромные средства. Все было просто замечательно – его трепетная забота, терпение и желание угождать льстили мне. Днем он был солидным бизнесменом, строгим отцом, властным хозяином своего дома, а ночью – романтичным мальчишкой. Между нами не было страсти, не было пылких излияний эмоций, но они нам были и не нужны. Мы как будто заполнили все пустоты наших жизней и стали неотделимой частью друг друга. При нем я в полной мере раскрылась как творческий человек, он организовал мне музыкальный зал и мастерскую для живописи. К своим занятиям я быстро приучила его детей. Мы были очень счастливой и красивой парой, и нас охотно приглашали на все светские мероприятия его друзья и коллеги. Прошли три года, мы переехали в новый дом. Найджел часто уезжал по делам своей компании за пределы страны, и я оставалась с детьми одна. Как-то раз я писала письмо своим родителям в его кабинете и случайно сдвинула настольную лампу. Под ней я обнаружила рычаг. Когда я нажала на него, в деревянной панели обнаружился дверной проем.

Васса поняла, что Агнес добралась до развязки истории и сама не заметила, как потянулась к руке компаньонки. Ей хотелось ее приободрить и заранее утешить.

– Я закрыла кабинет на ключ, чтобы ни прислуга, ни дети мне не помешали. Нашла в столе фонарик и, посветив в проем, увидела небольшую комнату размером два на три метра, обставленную по всей длине деревянными стеллажами. На стеллажах были разные пленки с фильмами, фотоальбомы, коробки с патронами разного калибра, ящики с охотничьим инвентарем. Я просмотрела фотографии и была сильно удивлена, муж никогда не говорил о своем увлечении охотой, он говорил, что даже рыбу не мог поймать. А на фотографиях он был довольным и веселым в окружении своих друзей с оружием в руках, а у их ног лежали убитые животные: крокодилы, волки, медведи, львы и гигантские змеи. Но больше

всего мое внимание привлек сейф. Он был, конечно, закрыт, и я нигде не могла найти ключ. Позже, когда я легла спать, то вспомнила, что Найджел носил какой-то ключ на шее и, когда я его один раз спросила, что это за ключ, он ответил, что от хранилища в конторе. После увиденного мною в тайной комнате, я была уверена, что ключ был именно от того сейфа. Поразмыслив, я решила не говорить мужу о своей находке, а взять ключ и попытаться открыть сейф.

Сейчас даже не знаю, откуда взялась такая таинственность, ведь до того момента я никогда ничего от мужа не скрывала. Наверное, интуиция подсказала, что мне необходимо туда вернуться и увидеть, что спрятано от посторонних глаз и в первую очередь моих. Ведь муж и словом не обмолвился, что в его кабинете есть тайная комната. Когда муж вернулся из очередной поездки, то в первую же ночь я незаметно пробралась в его спальню, а мы спали в разных спальнях – так захотел Найджел, ссылаясь на свой громкий храп – и взяла с прикроватного столика ключ, который он носил на шее.

Спустившись в кабинет, я закрыла за собой дверь на ключ, отодвинула лампу и нажала на рычаг. Панель отодвинулась, и я вошла в потайную комнату. Ключ действительно оказался от сейфа. На полках я увидела множество фильмов на бобинах с подписью мест охоты. Взяв ближайшую пленку с надписью «Гиббон. Таиланд», я прошла к кинопроектору. На пленке была запечатлена группа из мужчин и женщин, стоявших около круглой хижины с соломенной крышей. Они весело и беззаботно дурачились, среди них я увидела Найджела и даже улыбнулась, – так мило, по-мальчишески, он хохотал и довольно потирал руки, будто готовился к чему-то приятному и долгожданному. Но потом моя улыбка быстро исчезла и перешла в гримасу отвращения, потому что их позвали в хижину, и оператор крупным планом показал, как они располагаются вокруг круглого стола, в центре которого было маленькое круглое отверстие. Когда все расселись, в комнату внесли обезьяну в клетке и поместили ее в центр стола, так чтобы из отверстия выглядывала только голова. Руки и ноги обезьяны связали, а голову закрепили ремнями. После этого каждому участнику этой группы раздали по деревянной лопатке, и они со всей силы стали бить ее по голове. Обезьяна вначале сильно извивалась и кричала от боли, всеми силами она старалась высвободиться из плена, но Найджел нанес ей последний сокрушительный удар, и она безжизненно опустила

голову. При этом он сломал свою лопатку и с горящими глазами показал ее в объектив камеры, ему принесли взамен другую. Меня поразило, с каким восторгом и страстью они били бедное незащитное животное. Но впереди меня ждало еще более чудовищное зрелище. Группа стала о чем-то спорить, и Найджел, взяв в руку закругленный нож, снял скальп с головы обезьяны, потом, сделав несколько проколов, ловким движением снял верхнюю часть черепа, оголив мозги.

– Какой ужас! – воскликнула Васса.

– Видимо, это и было их главной целью, потому что их радости не было предела. Найджел, нарочито притворно кланяясь всем присутствующим, торжественно поддел лопаткой содержимое и, смакуя каждое движение, проглотил мозги. От увиденного меня вырвало прямо на ковер. Оператор прошел вокруг стола и заснял каждого участника группы за поеданием, как он выразился деликатеса. Меня поразило, что никто из группы даже не подумал вымыть свое лицо перед трапезой. Они так и сидели в брызгах крови бедной обезьяны и источали такое удовольствие, что, казалось, они достигли nirваны.

Васса поморщилась и передернула плечами.

– Пленка закончилась. Я убрала все на место, закрыла сейф и поднялась в свою спальню. Я даже не могла плакать, сердце сжалось в комок, мне тяжело было дышать. Так я просидела в раздумьях два часа. Потом тихо собрала свои вещи, поцеловала детей и приехала сюда, к подруге. Когда подруга обо всем узнала, то не могла поверить. Я сама бы никогда не поверила, если бы не увидела пленку своими глазами. Сколько же подобных сцен запечатлено в остальных фильмах, ведь в сейфе было еще штук двадцать бобин. Конечно, он не раз потом пытался объяснить и просил прощения, говорил, что это просто его маленькое невинное увлечение, но он готов выбросить весь архив и больше никуда не ездить. Как оказалось, выезды за пределы страны были совсем не рабочими поездками. Каждый раз, видя его лицо, я невольно вспоминала, как он бил по голове обезьяну, а потом ел ее мозги. Я сказала, что не представляю, как после такого смогу его поцеловать. На этом наш брак и закончился.

Агнес вздохнула и попросила подлить ей еще горячего чаю. Когда она допила последний глоток, Васса спросила:

– Меня поражает, как после такого вы еще не разуверились в мужчинах и в их любви?

– Не знаю, дорогая, не знаю, – задумчиво произнесла Агнес и прикрыла глаза.

– После того зрелища я не смогла бы есть мясо, – призналась Васса, машинально хватаясь за горло.

– А я и не ела до беременности, а потом материнство взяло вверх.

– Можно задать вопрос?

– Конечно, дорогая!

– А Найджел сейчас жив?

– Нет, он давно умер.

– А как он умер?

– О! Это поучительная история. Похоже, что фауна все-таки ему отомстила.

– Как? – Васса округлила глаза.

– Меньше чем через год после нашего развода он поехал на Филиппины, и там, в тропическом лесу его укусила ядовитая змея.

– Так он что, прожил после вас всего год?

– Да, – Агнес тяжело вздохнула.

– Ну, если бы он говорил вам тогда правду, что хотел покончить со своим увлечением, то не поехал бы в путешествие. Вам так не кажется?

– Я не знаю даже, что и думать. Но в твоих словах есть доля истины.

– Это был его выбор, его страсть. Он все равно бы уехал, тайком, украдкой, вы бы даже не узнали. Вы ничего не смогли бы изменить.

– Ты права, дорогая, совершенно права. Я ничего не смогла бы изменить.

– А где сейчас его дети?

– Дочь вышла замуж и уехала в Америку, у нее двое детей, а сын стал знаменитым путешественником, он до сих пор не женат. Сейчас он где-то в лесах Амазонки.

Откинув плед, Агнес встала и, дойдя до двери, тихо произнесла:

– Ложись спать, Василиса, завтра я поведу тебя на королевскую оперу. Именно там мы познакомились с Найджелом. Хочу еще раз взглянуть на ту самую ложу и закрыть для себя эту историю. Спокойной ночи.

Глава восьмая

Гнев

Гнев – начало безумия.

Цицерон

Через две недели из посольства принесли долгожданные паспорта с визами. Агнесс забронировала билеты на ближайший рейс, и, собрав вещи, они с Вассой выехали в аэропорт. После посещения лондонской частной клиники настроение у Агнес немного улучшилось: от новых сильнодействующих препаратов боли отступили, и она смогла наконец-то спать по ночам. Васса ненароком подслушала разговор Агнес с врачом, который сделал прогноз дальнейшего течения болезни. По его мнению, Агнес осталось от трех месяцев до полугода. И то только при условии, что она будет доживать свои последние месяцы в благоприятной обстановке, без стресса и переживаний. Васса пыталась снова уговорить ее прервать свое путешествие, но Агнес была непреклонна.

– Это последняя поездка, моя дорогая, – отвечала она Вассе, собирая вещи, – было бы глупо пройти длинный путь и отступить за шаг до конечной станции.

Когда они прилетели в аэропорт «Тунис-Карфаген» к ним подошел белый мужчина средних лет в цветастой рубашке и светлых брюках. поприветствовав женщин учтивым кивком, он вручил Агнес конверт и сказал:

– Вы точно хотите посетить это заведение? Предупреждаю вас, он в буйном отделении, зрелище не из приятных.

– Да, Франсуа, точно, – твердо ответила Агнес.

– Тогда я заеду за вами завтра утром. А пока размещайтесь в гостинице, вам поможет мой секретарь Ахмед, он немного говорит по-английски.

– Я ведь просила частные апартаменты.

– Поверьте, в гостинице будет надежней, особенно учитывая, что ваш визит краток.

Агнес бросила недовольный взгляд на своего собеседника и пошла к машине за водителем. Заметив ее недовольство, Васса спросила:

– Что-то не так?

– Ненавижу отели. Постоянная суета, навязчивый сервис, тонкие стены.

– Так давайте сами снимем подходящее жилье.

– Здесь не все так просто, мы две одинокие женщины, а это мусульманская страна. К тому же Франсуа прав, мы здесь ненадолго.

Сев в машину, Агнес выпила очередную порцию таблеток и с изможденным лицом откинула голову на подголовник. Дыхание было неровным, черты лица заострились. Всю дорогу до отеля она не открывала глаз. Ее не интересовал ни местный ландшафт, ни городские постройки. Когда они подъехали к гостинице, Агнес вышла из машины и придирчиво оглядела фасад здания, недовольно хмыкнула и пошла к стойке рецепции. Она очень долго что-то объясняла администратору на английском языке, а получив ключи, повернулась к Вассе и сказала:

– У них есть удаленное бунгало, оно стоит в стороне от отеля и в него заселяют только именитых гостей. Пришлось назвать несколько громких фамилий из моего окружения, чтобы получить необходимое мне уединение.

Поселившись в бунгало, Агнес сделала заказ, и через час из ресторана им принесли великолепный восточный ужин. Васса посмотрела на обилие блюд и спросила:

– Мы что, ждем гостей?

– От вас ничего не скроешь, дорогая.

В комнату постучали, и Агнес открыла дверь. На пороге стоял невысокий стройный мужчина лет пятидесяти в форме военно-морских сил Туниса. Улыбаясь и похлопывая гостя по плечу, Агнес поприветствовала его и предложила пройти к столу.

Когда все расположились, она с теплотой в голосе произнесла:

– Как бы сейчас отец гордился тобой, Хабиб! Ты стал таким красивым и благородным мужчиной. А в моей памяти ты все еще остался босоногим мальчишкой, который постоянно бегал как заведенный по двору и частенько дрался со старшими ребятами. Уже тогда в тебе чувствовались лидерские качества, смелость и отвага. Мне нравилось наблюдать, как воспитывал тебя отец. Не скрою, я многому у него научилась. Можно сказать, что Восток полностью перевернул мое сознание.

Хабиб улыбнулся и, взяв Агнес за руку, сказал:

– Давно меня так никто не хвалил. Вы были для меня как мать, Агнес, жаль, что так мало времени нам отвел Всевышний.

Агнес предложила приступить к ужину, и Хабиб,

помолившись, «омыл» руками лицо. Васса с большим интересом наблюдала за его военной выправкой и благородными движениями.

После ужина они все вышли на веранду перед бассейном и расположились на мягком восточном топчане, официант принес Хабибу кальян, и тот опытными движениями раскурил его и сделал несколько глубоких затяжек. Ночь медленно вступала в свои права; сразу в нескольких местах послышалась трель цикад. Вокруг бассейна и дорожек зажглись уличные фонари. Агнес смотрела на воду и была погружена в свои воспоминания. Запах от раскуренного ароматного табака быстро наполнил веранду и ручейком потянулся к фонарям, обволакивая их круглые формы. Хабиб разлил поданный официантом чай по пиалам и, сделав глоток, откинулся на груди подушек.

Через пару минут он спросил:

– Я слышал, вы хотите посетить его завтра?

– Да, если ты позволишь.

– Зачем вам это нужно? Ведь он напичкан лекарствами и все равно вас не узнает.

– Я стара, Хабиб, скоро настанет мой последний час, и мне необходимо снова пережить нашу с ним историю, для стариков это естественно. Я пытаюсь понять, правильно ли прожила свою жизнь. Могла ли я прожить ее по-другому? Могла ли сдержать свой характер и повлиять на наши отношения?

Агнес отвела от него взгляд, и Хабиб воскликнул:

– О Аллах! Вы вините себя в поступках моего отца?

– Я могла предотвратить это и ничего не сделала.

– Послушайте меня, Агнес, – он наклонился к ней корпусом и заглянул в глаза, – все, что происходит с человеком, происходит по воле Аллаха, мы лишь должны в каждом событии понять, для чего нам дается тот или иной опыт. Говорить о том, что вы могли предотвратить помешательство моего отца, значит уподобляться Аллаху, а вы просто человек. Это большой грех – думать, что вы знаете и можете больше, чем Всевышний. Вы просто женщина, которая подарила ему свет перед забвением. По-видимому, Всевышний отметил его некоторые заслуги и дал возможность познать настоящую любовь, пусть недолгую, но яркую, как та звезда, – и Хабиб показал указательным пальцем на небо.

Женщины невольно подняли глаза и посмотрели вверх. Сделав еще несколько затяжек кальяна, Хабиб спросил:

– Кстати, как вы познакомились? Отца я боялся спросить,

берег его чувства, а дед всегда отмахивался, хотя я его несколько раз спрашивал.

С минуту Агнес сидела, закусив губу, будто обиженная девчонка, но потом все же взяла себя в руки и рассказала Хабибу то, что было скрыто от его тогда еще мальчишеских глаз.

– После развода жизнь в Лондоне для меня стала невыносимой. Обо мне постоянно судачили. Бывший муж не давал мне прохода, все искал новых способов примирения. В ход шли все запрещенные приемы: его дети, к которым я сильно прикипела душой, угрозы, что он покончит с собой. В конце концов я не выдержала и решила уехать. Я давно хотела побывать на Востоке, и мы с подругой поехали к ее дяде Генри, который жил на роскошной вилле в окрестностях Рабата в Марокко. Это было в начале шестидесятых годов. Ее дядя был полковником в отставке, и, выйдя на пенсию, стал консультировать военные ведомства стран Северной Африки. На вилле мы обнаружили его друзей из разных стран, которые якобы отдыхали там с семьями. На самом же деле они заключали разного рода контракты, Генри помогал им приобретать вооружение и находил инструкторов для обучения спецподразделений для охраны первых лиц государств.

– Я не знал, что вы были знакомы с Генри. Он до самой смерти деда крутился в наших краях.

Агнес дождалась, пока Хабиб снимет военный китель, отбросит его в сторону и только тогда продолжила свой рассказ.

– Как только мы приехали на виллу, я сразу увидела Мухаммеда. Вместе с отцом он стоял на просторной веранде и смотрел на прибрежные волны. Отец ему что-то втолковывал, а Мухаммед, почувствовав на себе мой взгляд, обернулся и стал наблюдать за мной. Время от времени он поворачивался к отцу и бросал короткие фразы. Оказывается, как я узнала позже, отец считал, что нежелание выстраивать хоть какие-то отношения с женщинами сказывались на его психическом здоровье. На тот момент он имел уже двух жен и троих детей, но не жил с ними, а под любым предлогом уезжал в долгие поездки. Жены, конечно, были этим недовольны, но Мухаммед был непреклонен, он часто говорил отцу: «Ты выбрал их мне, ни одна из них мне не нравится, вот и разбирайся теперь с этим, как хочешь». Когда мы подошли, отец как раз отчитывал сына за то, что тот не звонит даже своему единственному сыну, то есть тебе, – Агнес улыбнулась Хабибу.

– Да, он редко звонил домой, – подтвердил Хабиб.

– Заметив ко мне интерес Мухаммеда, твой дед предложил Генри и Мари сыграть в бридж. Они ушли в игровую комнату, а мы с Мухаммедом остались наедине и простояли на веранде полчаса, не проронив ни слова, просто смотрели на море. Мухаммед был очень красивым мужчиной с невероятно большими карими глазами, которые ему достались от матери индианки. Кожа у него была очень смуглая, а пышная копна волнистых волос с проседью была зачесана назад. Он был гордым человеком, это было заметно по его осанке и по тому, как он держал голову – подбородок всегда был вздернут вверх. И только когда я приближалась к нему, он немного склонял голову в мою сторону, что было признаком заинтересованности или особого расположения. Когда мы вошли в дом, отец спросил, что ему удалось узнать обо мне. Мухаммед удивленно посмотрел на него и ответил: «Ничего». Отец был просто шокирован, как можно было простоять полчаса на веранде с красивой женщиной и не вымолвить ни слова.

– Как это на него похоже! И что было потом? – смеясь, спросил Хабиб.

– На вилле мы прожили два с половиной месяца. Убедившись, что мы с Мухаммедом интересны друг другу, твой дед уехал через неделю. Бедная Мари вскоре последовала за ним. Уезжая, она была очень на меня обижена, ведь мы ехали путешествовать, а вместо этого, по ее словам, «я закрутила роман с первым же встречным». Отношения с Мухаммедом развивались быстро. Мне льстило, что он выбрал из многих претенденток на его сердце именно меня. Я наслаждалась всей нежностью и любовью, которой он меня одаривал. Казалось, что спящий вулкан внутри него проснулся и всю свою страсть и мощь направил на меня. Признаюсь честно, он любил меня сильнее, чем я его. Несмотря на свой возраст, до меня он был очень сдержанным на эмоции и неопытным мужчиной в любви, так что мы оба были зависимы друг от друга. Я получала от него мощную поддержку и чувство защищенности, а он от меня – нескончаемый поток новых эмоций и информации, которые по воле судьбы оказались для него закрыты. Его отец сразу заметил перемены в жизни сына и предложил нам переехать к нему на родину в Тунис. Он купил для нас особняк и попросил меня заняться его обустройством. Это было самое счастливое для нас время. Шли месяцы. Казалось, нас ничто не могло разлучить. Мухаммед часто привозил тебя маленьким, Хабиб, к нам в дом. Я очень хорошо

запомнила, как он тебя воспитывал: он никогда не обращался с тобой, как с ребенком, всегда говорил на равных, и это быстро привило тебе чувство ответственности за семью и за свою жизнь. Он проводил с тобой долгие беседы, объясняя, каким должен быть мужчина, что он должен уметь делать, как реагировать на поступки других людей.

– Я помню наши разговоры, – подтвердил Хабиб.

– Твой дедушка был очень добрым и отзывчивым человеком, и Мухаммед ему никогда не перечил, но когда отец сказал, что хочет, чтобы он занял пост в правительстве, Мухаммед сильно вспылал. Он и до этого был очень эмоционален и часто срывался по любому поводу, а тут его просто понесло. Он говорил, что эта работа разлучит его со мной, а он этого не хочет, что он потеряет стабильность в своей жизни. Отец же взывал к его патриотизму и говорил, что в его возрасте пора уже занять солидное положение в обществе. Если бы я знала, что именно этот разговор изменит нашу жизнь, то, конечно же, вмешалась бы и поддержала Мухаммеда.

– Это бы ничего не изменило, – вставил Хабиб. – Возможно, вы бы выиграли один спор, но рано или поздно отца ждал новый виток в карьере, и все бы случилось ровно так, как и произошло.

– Ничего не вернуть и не прожить заново, – отмахнулась Агнес и вздохнула так тяжело, что у Вассы от жалости всколыхнулось сердце. – Немного поспорив, Мухаммед из уважения уступил отцу и согласился на предложенный пост, – продолжила свой рассказ Агнес. – Домой он приходил уставшим, был сильно раздражен. С этого момента наши отношения пошли под откос. Сначала это были просто маленькие размолвки, которые быстро забывались, но потом он стал много ездить по стране, и его раздражительность переросла в короткие приступы гнева. Любой неосторожный поступок людей из его окружения мог вызвать в нем бурю эмоций, он начинал бегать по комнате и швырять предметы на пол, мог выкрикивать оскорбительные выражения, поднять руку на прислугу. Один раз я чудом оттащила его от дворецкого, которого он избил за то, что тот вовремя не открыл входную дверь, и ему пришлось простоять перед домом две минуты. Постепенно его гнев становился все более продолжительным, и я уговорила его обратиться к психиатру. Ему выписали сильное успокоительное, но оно вызывало сонливость и мешало сосредоточиться на работе, поэтому он перестал его принимать. Вскоре, из-за постоянных побоев прислуга начала от нас убегать, даже не взяв расчета за отработанный период. О нашем доме

пошла дурная слава. Мне стало страшно оставаться с ним одной и я попросила его отца погостить у нас. Он переехал и старался уделять сыну как можно больше внимания. Но он тоже был занятым человеком...

Агнес начала заламывать руки. Это не ускользнуло от внимания Хабиба, он отставил кальян в сторону и приобнял ее за плечи.

– В один из дней Мухаммед приехал после работы и не обнаружил никого в доме, кроме меня. Он стал кричать из-за того, что я в очередной раз не удержала прислугу в доме. Я знала, что в такие моменты лучше с ним не спорить и постаралась его успокоить. Я сама приготовила ужин, и все бы прошло хорошо, но в конце я подала чай, а заварки в чайник положила недостаточно. Он, налив себе в пиалу практически воду, сначала спросил меня: «Что это, потвоему?», а потом стал выкрикивать оскорбления. Я не выдержала и стала говорить с ним на повышенных тонах, чего никогда раньше не делала. В разгар скандала приехал его отец и, услышав крики, быстро забежал в столовую и попытался нас успокоить. Но Мухаммед в приступе ярости повалил его на пол и начал бить кулаком по лицу. Я выбежала на улицу и стала звать на помощь его телохранителей, которые всегда сидели в машине у нашего дома. Услышав мои крики, они прибежали в дом, оттащили Мухаммеда от отца, но было уже поздно, у отца случился инсульт, и вся левая половина отнялась. Его сразу отвезли в больницу, и я просидела у его постели всю ночь, а Мухаммеду вызвали врача и вкололи сильное успокоительное.

– После инсульта он еще долго прожил, – попытался успокоить ее Хабиб.

– Утром пришел глава охраны и сообщил, что отец отказался от привлечения полиции, и Мухаммеда продержат в таком состоянии не больше шести часов, за это время я должна была принять решение, что мне делать дальше. Не буду скрывать, на меня навалился жуткий страх, перед глазами постоянно возникало его искаженное от гнева лицо с выпученными глазами. Долго я не думала и, попрощавшись с твоим дедом, улетела в этот же день в Испанию, где мои родители проводили отпуск. Еще многие месяцы мне снился жуткий сон, от которого я просыпалась в холодном поту. Мне грезилось, как он врывается в мою спальню и начинает меня избивать, я отбиваюсь, зову на помощь, но меня никто не слышит.

– Но на этом ваша история не закончилась, – констатировал

Хабиб.

Агнес кивнула.

– Он поехал вас искать. Нашел вашу квартиру в Париже и присидел под дверью три дня.

– Наверное, хотел извиниться, – предположила Агнес.

– Извиниться? – Хабиб усмехнулся. – Скорее, увезти вас в Тунис, возможно, против вашей воли. Вы когда-нибудь задумывались, что бы вас ждало, если бы вы не уехали?

– Нет.

– Хотите, я скажу вам?

– Нет, – испуганно покачала головой Агнес.

– Но вы ведь хотите поехать к нему завтра, а если так, то вы должны знать, как он оказался в психиатрической лечебнице.

Агнес нервно сглотнула и ничего не ответив, отвернулась. Хабиб сочувственно посмотрел на нее.

– Вернувшись из Парижа, он сжег дом, в котором вы жили, пожарные смогли спасти только его кабинет. Затем пошел к отцу, но тот отказался разговаривать с ним. Работу он сразу бросил и приехал к нам в Сфакс. До этого момента я ждал его каждый день и молил Всевышнего, чтобы он вернул мне отца, но, когда он приехал, я горько пожалел об этом. Моя жизнь с этого момента сильно изменилась, не было и дня, чтобы он не тиранил семью. Доставалось всем: и детям, и женам, поэтому две жены быстро объединились и стали подмешивать ему за ужином сильнодействующее снотворное. Он ужинал и вскоре засыпал, не успев даже дойти до постели. Потом он женился в третий раз, взял в жены совсем молоденькую девушку из богатой семьи и переехал в новый дом. Его новая жена не доходила и первой беременности, он избил ее в приступе гнева, и только чудо спасло ей жизнь, ребенка она, конечно, потеряла. Ее семья предприняла все попытки посадить его в тюрьму. Но все закончилось тем, что он согласился лечь в клинику на принудительное лечение.

Хабиб сделал несколько затяжек, и веранда снова наполнилась табачным ароматом. Васса видела, как тяжело даются ему эти воспоминания.

– В первый раз я его посетил после того, как пришел из армии; это было жалкое зрелище. Потом я стал навещать его чаще, потому что ему становилось лучше, когда он видел меня. Я его единственный сын и это мой долг, но вы – это совсем другое дело. Поэтому я не советую вам завтра ехать к нему. Он вас все равно не

узнает. Меня он не узнает уже больше трех лет. Но это, конечно, только мое мнение, вам самой предстоит принять это трудное решение. Я не знаю, до какой степени вам нужно примириться с собой, но все хорошенько взвесьте, прежде чем увидеть его. Мир вашей душе. Прощайте, Агнес!

С этими словами Хабиб встал, накинул на плечи китель и направился в сторону основного здания отеля.

Оставшись одни, женщины переглянулись и многозначительно посмотрели друг на друга.

– Может, он прав? Может, вам не стоит ехать?

– Утро вечера мудренее, моя дорогая.

Васса сочувственно посмотрела на Агнес, и, пожелав ей спокойной ночи, направилась в свою спальню.

Рано утром Агнес постучала в спальню компаньонки и, дождавшись еле слышного ответа, приоткрыла дверь. Посмотрев на сонную девушку, она виновато произнесла:

– Доброе утро.

– Доброе, – ответила Васса и кулачком потерла глаза.

– Думаю, Хабиб был прав – мое сердце может не выдержать новых испытаний. Мне кажется, нам надо сегодня же уехать домой. В клинике под Парижем уже готова для меня комната. Будет благоразумней посвятить остаток своих дней любимым людям.

Девушка поднялась на локти и спросила:

– Когда нужно выезжать из отеля?

– Примерно через два часа. По дороге в аэропорт мы заедем к Хабибу. Сегодня воскресенье, и их семья соберется в полном составе. Я поблагодарила его за мудрый совет, а он пригласил нас на обед. Это их семейная традиция, раз в неделю они вместе готовят и садятся за большой стол, обсуждают свои проблемы и успехи. Думаю, это как раз то, что мне сейчас нужно.

– Хорошо, я сейчас умоюсь и начну собираться.

Заехав в переулок на окраине столицы, водитель припарковал машину у дома с высоким забором из кирпича и сказал:

– Это его дом.

Агнес сидела в машине и не решалась выйти. Деревянные ворота заскрипели, на улицу выглянул мальчик лет восьми, посмотрел с любопытством на машину и, прокричав что-то на арабском языке, убежал. Через пару минут снова заскрипели ворота,

на этот раз вышел сам Хабиб и, с широкой улыбкой подошел к машине.

– Добро пожаловать, Агнес. Проходите, пожалуйста, в дом и не забывайте, что вы всегда будете частью нашей семьи.

Женщины вышли из машины и направились вслед за хозяином. За высоким забором прятался двухэтажный дом с наружной лестницей и открытыми верандами на каждом этаже. По двору бегали дети разных возрастов. Перед домом располагалась крытая навесом кухня, в ней суетились женщины и мужчины. Женщины раскатывали тесто, мужчины разделявали мясо, работа не прекратилась даже, когда Хабиб стал знакомить гостей со своей семьей. Оказалось, что на кухне собралась только малая часть семьи, и постепенно из дома стали выходить другие родственники и дружелюбно здороваться.

Вскоре все присутствующие стали собираться в доме за большим столом. Рассадив по местам всю родню, а их насчитывалось почти сорок человек, не считая детей, Хабиб встал, приложил руку к груди и громко произнес тост на арабском языке, а Агнес синхронно перевела:

– Дорогие гости и семья, сегодня я хочу поднять этот бокал за женщину, которая научила меня самому главному в жизни человека – любви. Она научила меня прощать, научила меня терпению. И сделала это не многочасовыми наставлениями, а собственным примером. Здоровья вам и долголетия, Агнес!

Осушив до дна бокал, он сел и жестом показал, что можно начинать обед. Послышались одобрительные возгласы.

Через полчаса в столовой царил невообразимый шум: дети играли в стороне, а взрослые наперебой рассказывали забавные истории за прошедшую неделю. Кто-то включил национальную музыку, и Хабиб, как хозяин дома, вышел первым в центр комнаты и стал танцевать. Следуя традиции, к нему присоединился старший сын, потом стали вставать другие члены семьи, и через пять минут за столом осталась только половина родственников, основная часть которых состояла из женщин.

– Обрати внимание, как на Востоке женщины относятся к мужчинам, – сказала Агнес компаньонке на ухо.

– Как?

– Они никогда не повысят на мужа голос. Что бы ни попросил муж сделать жену, она покорно выполнит его поручение. При детях они никогда не ругаются. Только оставшись с мужем наедине, она

выскажет ему свои претензии.

– Забитые женщины Востока, – с сочувствием произнесла Васса.

– О! Я бы так не сказала, – усмехнулась Агнес. – Это глубоко ошибочное мнение. Женщина на Востоке почитаема и любима, только в силу устоявшихся традиций, она добивается всего, что ей нужно, методами, отличными от методов европейской женщины.

– Это какими же?

– Утонченность, терпение, выдержка, хитрость, умение найти нужный момент. Это целая наука, скажу я тебе.

По реакции девушки, Агнес поняла, что это общие слова, которые не дают постижения уклада жизни, в который ей хотелось бы посвятить молодую компаньонку.

В этот момент к Агнес подошла маленькая девочка и потянула ее на второй этаж. Васса поспешила за ними. Девчушка провела их по узкому коридору к последней двери и убежала. Агнес постучала, осторожно открыла дверь и вошла в комнату. В отличие от остальной части дома, эта комната была обставлена на европейский манер. На стенах висели портреты в красивых рамках, на полу лежал потертый персидский ковер. В центре комнаты друг против друга стояли диваны, в углу – большой письменный стол и книжный шкаф.

На глаза Агнес накатили слезы, и она начала метаться по комнате и рассматривать вещи. Повышенное внимание привлекли портреты, на них был запечатлен высокий красивый мужчина с огромными карими глазами и вьющимися волосами.

– Это Мухаммед! – вскричала Агнес и от переизбытка чувств приложила руку к груди в области сердца. – Эта комната обставлена точно так же, как я обставила его кабинет в нашем доме. Мебель немного другая, но кто-то постарался воссоздать планировку и общую атмосферу.

Она села на диван и стала медленно обводить комнату растерянным взглядом.

– Боже мой, я будто попала назад в прошлое на тридцать пять лет назад. Как хорошо, что мы сюда приехали, здесь я чувствую себя молодой.

Дверь комнаты открылась, и на пороге появился Хабиб.

– Когда отца увозили в клинику, он просил только одно: чтобы воссоздали его кабинет из сгоревшего дома. Он еще тогда надеялся, что вылечится и вернется. Хотите посмотреть ваши фотографии? Они в альбомах.

Агнес ахнула и всплеснула руками. Понятное дело, она даже не надеялась, что после стольких лет кто-то сохранит их с Мухаммедом историю. Хабиб подошел к шкафу, достал два увесистых фотоальбома и сел в центр дивана. Женщины сели по обе стороны от него, а он стал пролистывать одну страницу за другой. Периодически Агнес вскрикивала от волнения и комментировала события, запечатленные на фото.

От жары Вассу разморило, и она, опустив голову на широкий подлокотник дивана, задремала.

– Это ваша дочь?

– Нет. У меня сын, его зовут Александр.

– Защитник.

– А это моя родственница.

– Она будет хорошей женой и матерью, – сказал Хабиб.

– Вы думаете?

– Поверьте мне, я хорошо разбираюсь в людях, а особенно в молодых девушках, – улыбнулся Хабиб и поспешил пояснить: – В нашем городе все знают: если хочешь найти жену своему сыну, посоветуйся с Хабибом.

– Невероятно, – усмехнулась Агнес.

– И Хабиб еще ни разу не ошибся. Говорю вам, она будет отличной женой.

Агнес улыбнулась, посмотрела на Вассу и тихо произнесла:

– Я тоже так думаю.

Глава девятая

Смерть

*Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильней.*

Джон Китс

Медленно передвигаясь по дорожке перед пансионом, Агнес крепко держалась за руку Вассы, за ними шел медбрат, везя перед собой инвалидное кресло. Прошло уже три месяца после их возвращения из Туниса. Месяц назад состояние Агнес стало резко ухудшаться, из-за одышки ей стало трудно разговаривать, мучили сильные боли в груди, появились отеки на ногах. Передвигаться самостоятельно ей стало тяжело, и основную часть времени она проводила либо в кровати, либо в инвалидном кресле.

Преодолев с трудом расстояние от входной двери до сквера, который был виден из окон ее комнаты, она осторожно опустила на первую скамейку и с облегчением вздохнула.

– Сил совсем уже не осталось.

Васса села рядом и вдохнула холодный зимний воздух. Обняв Агнес за плечи, она прижала ее к себе и нарочито бодро сказала:

– Сегодня великолепный солнечный день. Давайте им наслаждаться!

Агнес натянуто улыбнулась и прикрыла глаза, солнце согревало ее лицо ласковыми лучами, а легкий ветерок теребил волосы. Из-за ухудшения ее состояния часы посещения были строго регламентированы, и Агнес катастрофически не хватало общения. После поездки в Тунис в ее сознании постоянно происходило осмысление всего пережитого. Ей хотелось поделиться своими мыслями, но вести продолжительную беседу она была уже не в силах, поэтому стала записывать свои мысли в блокнот.

На служебную парковку въехал черный «БМВ», и из нее вышел Алекс.

– Ваш сын приехал, – сказал медбрат.

Агнес подняла голову и увидела, как сын стремительно преодолевает расстояние между ними. Он шел уверенной походкой, такой же, как у его отца, волосы до плеч развевались на ветру.

– Как же он похож на своего отца!

– А мне кажется, он больше похож на вас, – сказала Васса, и

Агнес заметила, как краснеют ее щеки.

– Думаю, вам нужно поговорить. Скажи ему о своих чувствах. Я больше не смогла сдерживать его пыл и обещала, что ты будешь сегодня в это время в клинике.

Подойдя к матери, Александр опустился перед ней на колени и, взяв ее руки в свои, с восторгом поведдал:

– Я вчера был на генеральной репетиции твоей новой пьесы. Надо сказать, что это лучшее твоё произведение.

– Я знала, что тебе понравится, – довольно произнесла Агнес.

– А почему мне ничего не сказали? – обиженно спросила у нее Васса.

– Ты еще успеешь посмотреть, – ответила Агнес с виноватой улыбкой, – ее будут показывать три месяца.

– Да ты совсем замерзла! Руки как ледышки, – воскликнул Александр и стал согревать руки матери своим дыханием, потом обратился к медбрату: – Отвезите маму в ее комнату.

Мужчины помогли Агнес сесть в инвалидное кресло, и медбрат покатил его к зданию пансиона.

Александр предложил Вассе прогуляться. Когда они отошли от пансиона, он деликатно начал разговор:

– Ты не задумывалась над тем, что будешь делать дальше?

Васса помотала головой, от волнения пересохло в горле.

– Мама просила меня позаботиться о тебе, но когда я спросил, что нужно от меня конкретно, она пожала плечами. Поэтому я и спрашиваю, что ты планируешь делать в будущем. Ведь прогноз врачей неутешителен. Мама слабеет с каждым днем.

Собравшись с духом, Васса ответила:

– Если честно, то я пока не думала об этом. Мне трудно представить, что ее больше не будет в моей жизни. После смерти бабушки я осталась совсем одна, и Агнес на какое-то время заменила мне ее. Скажу больше, у меня никогда ни с кем не было таких доверительных отношений, как с ней. Так что я даже не могу себе представить, что буду делать после того, как ее не станет.

Александр остановился и внимательно посмотрел на девушку, от этого взгляда ее опять бросило в краску. Заметив ее реакцию, он усмехнулся и спросил:

– Почему ты так часто краснеешь?

– Не часто, – ответила она и, набравшись храбрости, добавила: – Только когда ты рядом.

– Я?! – удивленно воскликнул Александр. – Я что, тебе

нравлюсь?

Васса едва заметно кивнула и отвернулась. Тогда Александр схватил ее за плечи и, резко развернув к себе, поцеловал в губы. От неожиданности девушка сначала испугалась и напряглась, но потом нежно прижалась к нему и обвила руками его шею.

Боковым зрением она увидела Агнес и медбрата. Они наблюдали за ними из холла пансиона и оживленно что-то обсуждали. Агнес помахала им рукой, после чего дала знак медбрату, и он покатил коляску к лифту.

Александр проследил за ее взглядом и прижал девушку еще крепче.

– Почему ты не говорила, что я тебе нравлюсь? У меня создалось впечатление, что ты, наоборот, избегаешь меня.

Вассе не хотелось говорить, что об этом ее попросила Агнес, и она ответила:

– Я не знаю. Мне было страшно. Я думала, если не буду видеть тебя, то смогу забыть. Но чем меньше я тебя видела, тем больше думала о тебе.

Он посмотрел на часы и пригладил взъерошенные волосы.

– У нас есть час, мы можем спокойно поговорить, а потом приедет адвокат мамы, и мне необходимо будет присутствовать на их встрече.

– Хорошо. Давай поговорим, – согласилась Васса, подавляя рвущуюся наружу улыбку.

Постоянные переезды и новые впечатления не давали ее чувствам набрать силу, но после Туниса Александр часто навещал мать, и она уже никуда не могла скрыться от испытываемых эмоций.

– Какая страна тебе больше понравилась? – прервал ее размышления Александр.

– Не могу сказать точно. Наверное, в каждой из них есть что-то свое, неповторимое.

– Поделишься со мной?

Он взял ее за руку, и они вместе побрели к небольшой смотровой площадке, откуда открывался вид на город.

– В Италии мне понравилась атмосфера, которая окружала нас на протяжении всего путешествия, доброжелательные и веселые люди, природа и особенно кипарисы.

– Кипарисы?

– Да, оказывается, это мое любимое дерево. Мне понравилась кухня – простая, самобытная, но очень вкусная. Еще я там

попробовала самые лучшие вина.

– Ну уж нет! Тут я с тобой поспорю. Самое лучшее вино здесь, во Франции.

– Ты же спросил, что понравилось мне, я ответила, но если ты не согласен, то я готова для новой дегустации.

Александр засмеялся.

– Да ты дипломат! А что еще понравилось?

– Ризотто с белым трюфелем!

– Теперь ты еще и гурман! Избаловала же тебя мама, – пошутил он.

Девушка засмеялась и, немного раскрепостившись, продолжила:

– Вена на меня произвела огромное впечатление своей неповторимой архитектурой, музеями и театрами. Прекрасная опера. Лондон очень респектабельный и немного чопорный, я бы не хотела там жить.

– Почему? – удивился Александр.

– Не знаю, просто это не мой город.

– А где бы ты хотела жить?

– Где тепло даже зимой, где есть море и хорошее вино и где есть кипарисы!

– Не дурно! Ну, так все это есть на Ривьере. Хороший выбор, – сказав это, он привлек ее к себе и снова поцеловал.

Поцелуй получился таким чувственным, что девушка учащенно задышала и задрожала в его руках.

– Если ты продолжишь, то я упаду без чувств и тебе придется нести меня на руках, – еле слышно произнесла Васса.

– Еще чего! Я попрошу медбрата привезти для тебя инвалидное кресло, – шутливо сказал он, не сводя с нее глаз, и опять потянулся к ее губам.

Беседа Агнес с адвокатом затянулась, Васса прилегла на диване в смежной комнате и уснула. Почувствовав нежное прикосновение, она открыла глаза и увидела Александра. Он погладил ее волосы и улыбнулся.

– Встреча закончилась, и мне нужно отвезти адвоката в город. Завтра я приеду ближе к вечеру, – сказал он и, показывая на рисунок цветка в альбоме, спросил: – Что это?

– Это василек. Моя мама называла меня так в детстве.

– Очень красивый. Как ты, – он нежно провел по ее щеке тыльной стороной ладони. – Не знаю, как я проживу эту ночь без тебя.

Васса смущенно отвела взгляд.

– Спокойной ночи, Василек!

– Спокойной ночи, – сказала она и улыбнулась.

Поцеловав ее нежно в губы, он быстро вышел из комнаты и направился к лестнице. Васса услышала приглушенный разговор за стеной и поняла, что Агнес еще не спит. Встав с дивана, она умылась прохладной водой и осторожно заглянула в соседнюю комнату. Медсестра делала Агнес укол, а та, лежа на боку, зажмурилась и сжимала по-детски кулачки. Васса прошла в комнату и встала около окна. Промокнув место укола тампоном, медсестра собрала ампулы в лоток и вышла, прикрыв за собой дверь.

– Удалось поспать, дорогая? – тяжело дыша, спросила Агнес.

– Да, я только опустила голову на подушку и мгновенно уснула.

– Молодость! Как мы ею не дорожим! Нам все кажется, что тело будет служить нам вечно.

– Как вы себя чувствуете?

– А как себя может чувствовать человек с моим диагнозом?

Похоже, я сегодня опять проведу бессонную ночь.

Агнес говорила тихо, после каждой фразы ей приходилось восстанавливать дыхание. Сев рядом, Васса заглянула ей в глаза.

– Мне необходимо вам кое-что рассказать.

– Я знаю, что ты хочешь мне рассказать. Алекс, как только пришел сюда, излил на меня все подробности вашей беседы, даже присутствие адвоката ему не помешало.

– И что он вам сказал? – девушка нервно закусил губу.

– Сказал, что пылко влюблен, что ни к кому и никогда не испытывал подобных чувств. Что после нашего приезда не может даже работать в полную силу, потому что постоянно думает о тебе.

На лице Вассы вспыхнул румянец, она обняла Агнес и воскликнула:

– Я так счастлива, Агнес, я так счастлива!

Поглаживая девушку дрожащей рукой, Агнес тихо произнесла:

– Тебе еще многое предстоит сделать для ваших отношений, но я постараюсь помочь.

– Я ничего о нем не знаю, а вы намеренно уходили от моих вопросов. Сколько ему лет? Был ли он женат? Чем он занимается?

– Ему тридцать два года, он не был женат, но был как-то влюблен. Она бросила его. Однажды, когда я сказала, что хочу познакомиться с его девушкой, он ответил, что приведет в родительский дом только невесту, у которой будет кольцо на пальце. Больше всего я боялась, что он повторит мою судьбу. Но характером он вышел в отца, и это очень меня радует, значит, он не сделает моих ошибок.

– Когда он меня целует, я теряю связь с реальностью, – Васса невольно потянулась к своим губам.

Заметив это, Агнес рассмеялась, но потом сморщилась от пронзившей ее боли и заставила себя успокоиться.

– Какая же ты смешная и наивная, – только и смогла вымолвить она.

Агнес прикрыла глаза, и Васса подумала, что та наконец-то уснула. Взяв со столика журнал, девушка начала пролистывать страницу за страницей. Она понимала, что Агнес нужно поспать и хоть немного набраться сил, но уходить не хотелось.

Через несколько минут из коридора донеслись голоса медперсонала, кому-то из больных понадобилась помощь, врачи бежали по коридору и громко между собой переговаривались. Агнес открыла глаза и тихо произнесла:

– Здесь повсюду смерть. Ночью, когда все стихает, я чувствую ее физическое присутствие. Сегодня она опять кого-то заберет. На, возьми, мне это больше не пригодится, – рука нырнула под подушку, она протянула Вассе блокнот в кожаном переплете. – Я это писала для тебя. Когда меня не станет, ты должна его прочитать, это все, что я для тебя могу сделать.

Васса взяла блокнот и положила его к себе в сумочку.

После паузы Агнес снова заговорила:

– Жаль, что мы с тобой не познакомились раньше, возможно, я бы обрела душевное спокойствие без этих утомительных поездок. Нет, я не жалею, мне понравилось наше путешествие, но мы могли провести это время и с большей пользой.

Васса вспомнила, каких интересных людей за время путешествия они встретили и сказала:

– Я думаю, вы сделали все правильно.

– Мне сегодня пришла мысль о том, что я не решилась бы на такое длительное путешествие, если бы у меня была дочь. Это единственное, о чем я буду жалеть в своей жизни, что не родила дочь.

– У вас прекрасный сын.

– Да, он замечательный, но между нами никогда не было близких отношений, только сейчас, когда я заболела, он стал заботливым и учтивым. Когда был жив его отец, они часами проводили время вместе – на работе, дома, в тире, на конюшне, даже отдыхать мы ездили всегда втроем. Не помню ни одного года, чтобы сын куда-то отправился без него. Они были не только отец и сын, но и хорошие друзья. Конечно, у сына были друзья-сверстники, но самые сокровенные тайны он всегда доверял только отцу. Я радовалась этому, муж хорошо влиял на него. Помню, у его сверстников возникали проблемы с родителями, и они в знак протеста убегали из дома, курили по подворотням, выпивали, дрались. Нашу семью все это не коснулось. Александр всегда был хорошим сыном. Но когда умер его отец, ему пришлось туго. Не с кем стало делиться, не с кем играть в поло, а главное – семейный бизнес пришлось вести самому.

– А чем он занимается?

– Он управляет небольшой юридической фирмой.

Глаза девушки округлились от удивления.

– Он совсем не похож на юриста.

– Правда? А на кого он похож?

Васса задумалась на минуту.

– На архитектора.

– Архитектора? Ха-ха! Дорогая, ты еще не знаешь его, на вид он романтичный молодой человек, но на самом деле это прекрасный управленец, замечательный защитник и надежный партнер, – многозначительно произнесла Агнес, а потом добавила: – Знаешь что, мой адвокат принес мое любимое вино, оно лежит в пакете около моей сумки. Ты сможешь его открыть? Там должен быть штопор. Я уже неделю мечтаю о бокале красного вина.

– Вы с ума сошли, Агнес, это против правил!

– Дорогая, я умираю, какие правила? Я сама решаю, что мне можно, а что нельзя.

Васса пошла к сумке. Повозившись с бутылкой пару минут, она налила в пластиковый стаканчик немного вина и подала его Агнес.

– О, мне будет неловко пить одной, разве ты не хочешь присоединиться ко мне?

– Агнес, вы провокатор, если ваш сын узнает...

– Никто не узнает, и мы не будем увлекаться.

Налив себе четверть стакана, Васса показала, что готова, и Агнес произнесла:

*– От безбожья до Бога – мгновенье одно!
От нуля до итога – мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь – ни мало, ни много – мгновенье одно!*

Это строки одного из моих любимых поэтов, Омара Хайяма.

Затем, сделав непонятный жест рукой, Агнес выпила вино до дна и причмокнула от удовольствия. Васса последовала ее примеру и сделала большой глоток. Вино оказалось очень терпким и крепким. Отдышавшись, она сказала:

– Здорово сказано. Я когда-то читала стихи Омара Хайяма, но сейчас не вспомню ни одной строчки.

*– Увы, не много дней нам здесь побыть дано,
Прожить их без любви и без вина – грешно.
Не стоит размышлять, мир этот стар иль молод:
Коль суждено уйти – не все ли нам равно?*

– Здорово! Вы что, все его стихи знаете наизусть?

– Я люблю поэзию, а особенно вашего Есенина. Вот сейчас на память пришли его строки:

*Ведь и себя я не сберег для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог, так много сделано ошибок.*

Точно про меня писал.

– Может, еще чуть-чуть? – спросила Васса, показывая на вино.

– Обожаю это слово в русском языке. Чуть-чуть. Только ваш народ может постичь истинный смысл этого «чуть-чуть».

Васса налила еще вина и, приподняв стаканчик, произнесла:

– За вас! За то, что судьба свела меня с вами. За то, что вы открыли мне свое сердце, свой мир. Позволили стать свидетелем интересных событий. Показали разные страны и города. Познакомили с замечательными людьми. Для меня это очень много значит.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел Александр. Он огляделся, заметил открытую бутылку вина и

спросил:

– Что празднуем?

От неожиданности женщины сначала замерли, но потом на его лице появилась улыбка, и Агнес ответила:

– Мне захотелось вина.

– Агнес читала мне стихи.

– Ах, вот оно как. Когда твой адвокат в машине сообщил мне про просьбу о вине, я сразу понял, что нужно как можно быстрее возвращаться, а то я рискую пропустить что-то грандиозное. Так что я оставил его в конторе и сразу поехал назад. А мне нальют сегодня или я так и буду стоять на пороге, как непрошенный гость?

Женщины засуетились, Васса начала искать еще один стаканчик, Агнес попросила сына достать сыр из пакета, в котором лежало вино. Согнув ноги в коленях, она показала ему, что можно присесть к ней на кровать, потому что единственный стул занимала Васса, а выходить в коридор и беспокоить посреди ночи персонал и пожилых обитателей пансиона она запретила.

– Сыр я хотела оставить на завтрак, но раз у нас импровизированный поэтический вечер, придется им пожертвовать, – шутливо произнесла она.

Когда все расселись, Агнес бросила свой стаканчик в мусорное ведро и попросила их разделить на двоих оставшееся содержимое в бутылке. Завязалась непринужденная беседа, Александр рассказал о любимых сортах вина и сыра. Потом они опять вернулись к поэзии, от поэзии перешли к его работе и профессии адвоката, затем к анекдотам про адвокатов.

Агнес почти не принимала участие в беседе, лишь с большим интересом наблюдала за молодой парой, которая только начинала узнавать друг друга.

Последним, что помнила Васса, это как Александр, устав сидеть в неудобной позе, лег рядом с матерью на бок и обнял ее. Его глаза были полны нежности и любви.

Когда начало светать, Васса открыла глаза и почувствовала на своей голове руку Агнес, она была очень холодной и неподвижной. Приподнявшись, она увидела, что голова Агнес лежит в неестественной позе. Она попыталась нащупать у нее пульс. Александр все еще лежал рядом с матерью и спал.

– Алекс, – тихо позвала девушка.

Он открыл глаза и приподнялся на локте. Увидев бездыханное тело матери, он резко вскочил с кровати и несвойственным ему

голосом стал повторять:

– Мама, мамочка, проснись! Мама, мамочка!

Васса нажала на кнопку тревоги и через минуту в комнату вбежали врачи. Поняв, наконец, что Агнес умерла, девушка обессилено сползла по стене на пол и смотрела на окружающую суматоху отсутствующим взглядом.

Перед глазами промелькнули первая встреча с Агнес, переезды из страны в страну, ее душевные терзания, фотографии ее бывших возлюбленных, ее смех, виртуозная игра на рояле. Ей вспомнилось, как Агнес читала ей свои пьесы и как бурно они их обсуждали. Неизвестно сколько бы она так просидела, но почувствовав, как кто-то трясет ее за плечо, вздрогнула. Сквозь туман она слышала чей-то нарастающий женский голос:

– Очнитесь! С вами все в порядке?

Подняв голову, Васса увидела стоявшую над ней медсестру. Она грубо трясла ее за плечо, но чей-то мужской властный голос ее одернул:

– Что вы делаете? Вы что, хотите моей невесте вывернуть плечо? Это так, по-вашему, нужно успокаивать родственников только что умерших пациентов?

– Прошу прощения, но она сидит в такой позе без движения уже час, я подумала, что ее необходимо привести в чувство.

– Выворачивая плечо? И как, по-вашему, она должна реагировать на смерть близкого человека? Дайте ей успокоительное и займитесь моей матерью, – опять раздался как раскат грома незнакомый мужской голос.

Повернув голову, Васса увидела Александра и застыла в недоумении. Весь его облик изменился до неузнаваемости, он был предельно собран и давал медицинскому персоналу необходимые распоряжения насчет доставки тела в похоронное бюро, подписывал счета и отвечал на телефонные звонки. Вассе показалось, что он совсем не переживает из-за смерти матери, но, подойдя к нему ближе, увидела, как пульсируют его вздутые вены на покрасневшей шее, и поняла, что эта сдержанность и напористость даются ему с большим трудом.

Тело Агнес уже вывезли из палаты, в комнате находились только представители администрации пансиона и растерянная медсестра.

– С тобой все в порядке? – спросил Александр уже другим, привычным для нее голосом.

В ответ она смогла только кивнуть.

– Может, ты позволишь себя осмотреть?

– Со мной все в порядке, – наконец вымолвила она.

Александр нежно погладил ее по лицу и обнял. Она прижалась к нему всем телом и заплакала. Когда она немного успокоилась, он увел ее в соседнюю комнату и посадил на диван. За ними последовали сотрудники пансиона.

– Медсестра заходила в палату в четыре часа утра, Агнес была еще жива, – тихо произнес мужчина в сером костюме. – Одной рукой она обнимала вас, а другой – вашу невесту.

Только сейчас Васса поняла, что Александр представил ее как свою невесту, от этой мысли теплая энергия разлилась по всему телу, и она прижалась к нему еще сильнее.

В комнату вошел мужчина в черном костюме и доложил:

– Месье Жувене, ваши люди прибыли и ожидают внизу в холле.

Алекс поблагодарил его и попросил всех выйти из комнаты. Когда за последним сотрудником закрылась дверь, он сел перед Вассой и сказал:

– Я многое тебе не рассказывал о себе и нашей семье, таково было распоряжение моей матери, но все это не действует после ее смерти.

– О чем ты говоришь?

– О чем я говорю? – переспросил Алекс и усмехнулся. – Василек, ты самая наивная девушка, которую я когда-либо встречал. Ты ничего вокруг не замечаешь. Любая другая, оказавшись на твоём месте, очень быстро бы воспользовалась своим положением.

Она смотрела на него удивленными и непонимающими глазами, и в голове повторялось снова и снова имя, которым он ее назвал. В его устах оно прозвучало так нежно, с любовью.

– Ладно, это потом. Сейчас самое главное. Я тебе кое-что скажу, и если ты это примешь, то, надеюсь, это будет раз и навсегда, так воспитали меня мои родители, но если не примешь, то я выйду за эту дверь и мы больше с тобой никогда не увидимся.

Собравшись с силами, она кивнула и почувствовала, как от волнения в висках нарастает пульсация.

Александр прошел через комнату и вынул из сумки Агнес маленькую шкатулку. Подойдя к Вассе, он протянул ее и сказал:

– Открой.

Дрожащими руками девушка открыла шкатулку и увидела

кольцо с большим желтым бриллиантом и увитыми вокруг него лепестками из белого золота. Кольцо было необыкновенной красоты.

– Это кольцо передавалось в нашей семье из поколения в поколение. Мама завещала его моей будущей жене.

Не дав ей опомниться, Алекс встал на одно колено и проникновенным голосом произнес:

– Василек, я никогда не встречал такого создания, как ты, и никогда бы не поверил, что смогу полюбить по сути незнакомого мне человека. Конечно, мне многое рассказывала о тебе мама, но все равно мы мало знаем друг друга. Я бы никогда не сделал того, что делаю сейчас, если бы не сильное чувство, которое я к тебе испытываю с первого дня нашего знакомства. Мне необходимо, чтобы ты всегда была рядом, была мне самым близким и родным человеком, моей второй половинкой. Василек, я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Услышав эти слова, Васса густо покраснела, из глаз потекли слезы радости и умиления. Сделав глубокий вдох, она кивнула.

– Скажи это! Я хочу услышать! – настаивал Александр.

– Да! – выпалила она.

Алекс бросился к ней и крепко обнял, затем опомнился и надел кольцо девушке на палец.

– Оно мне как раз по размеру, – удивилась Васса, разглядывая кольцо.

– Еще бы оно тебе было не по размеру!

– Не поняла, а как ты узнал, какой нужен размер?

– Профессиональный навык.

– В каком смысле? – удивилась девушка.

– Пойдем, нас ждут внизу, ты скоро сама все узнаешь. Не хочу портить сюрприз.

Схватив невесту за плечи, он привлек ее к себе и нежно поцеловал, затем, убедившись, что румянец не покинул ее лица, улыбнулся и сказал:

– Обожаю это!

– Что?

– Когда ты так краснеешь!

Открыв дверь, он вывел ее в коридор. Как только они показались на лестнице между первым и вторым этажами, окружившая пансион толпа журналистов загудела и налегла на дверь, охрана пыталась сдержать их, но создавалось впечатление, что еще немного и вся эта масса хлынет в вестибюль больницы и снесет

их обоих как ураган.

– Я обещаю, что предприму все меры, чтобы оградить тебя от прессы.

– От прессы? Что они все здесь делают? В клинику приехала какая-то знаменитость?

Но Алекс, не обращая внимания на вопросы, сжал ее руку еще крепче и повел вниз. Заметив их приближение, журналисты стали еще громче кричать, и вспышки фотокамер ослепили их лица. Со всех сторон посыпались вопросы:

– Месье Жувене, кто эта девушка рядом с вами? На ней то самое знаменитое кольцо династии Вилон?

– Месье Жувене, кто возглавит ювелирный дом «Вилон» после смерти вашей матери?

– Где пройдет церемония прощания с Агнес Жувене?

– Кем, по-вашему, она себя считала в первую очередь: ювелиром, автором пьес, художником или композитором?

– Это правда, что ваша невеста – фотомодель из России?

– Вы знаете, что, по мнению журнала «Форбс», вы возглавили список самых богатых ювелирных магнатов в этом году?

– Месье Жувене, говорят, что ваша мать сама нашла вам невесту, неужели эта древняя традиция еще жива в вашей семье? Месье Жувене! Это она? Это ваша невеста? Кто она?

Молодая журналистка с микрофоном в руке, стоявшая ближе всех к выходу, дождавшись момента, когда молодая пара подошла ближе, громко спросила:

– Александр, скажите, это правда, что последняя работа вашей матери, ожерелье под названием «Васса» из редкого жемчуга и кристаллов пейнита, оценена в пять миллионов евро?

Услышав свое имя, Васса подняла голову и вопросительно посмотрела на Александра.

– О чем она говорит?

– Вчера мама составила новое завещание, в нем фигурируешь и ты. Перед операцией на сердце она создала свое последнее ювелирное изделие, оно уникально по составу материалов и красоте. Вчера она попросила назвать его «Вассой» и завещала тебе.

– Боже мой! Что тут происходит? Я думала, ты юрист, – только и смогла вымолвить девушка.

– И юрист тоже, – усмехнулся он.

Как только они прошли вестибюль первого этажа, Алекс махнул рукой группе людей, стоявших в стороне и пристально за

ними наблюдавших. Они быстро пошли им навстречу, и мужчина крупного телосложения в черном костюме громко сказал:

– Здесь есть еще один выход, но нам придется идти через морг!

– Лучше мертвецы, чем эти стервятники. И как они так быстро узнали? – спросил Александр.

– По-видимому, они еще вчера висели у нас на хвосте от офиса, я говорил, как это опасно, но вы меня не послушали.

– Отвлеки их, выйди и скажи то, что и так всем известно: диагноз, время смерти, дата и место отпевания. А мы попробуем прорваться через другой выход, – быстро заговорил мужчина в синем костюме, обращаясь к женщине лет сорока.

– Хорошо, я дам пресс-конференцию, как только вы сядете в машину. Потом приведу в порядок все бумаги и приеду в офис, – ответила та.

Александр посмотрел на съжившуюся от ужаса у него за плечом Вассу и поспешил пояснить:

– Это моя команда, они позаботятся о нас. Держи крепко мою руку и не отпускай.

Васса кивнула и испуганно прижалась. Вся группа быстро проследовала в конец коридора и спустилась по боковой лестнице на цокольный этаж. Впереди шли двое охранников и расчищали им путь. Подойдя к моргу, все ощутили сильный холод, и Александр, накинув пальто на плечи Вассы, прикрыл ее лицо рукой.

– Не смотри, тебе и так на сегодня переживаний достаточно, – бросил он на ходу и увлек ее за собой.

Они быстро прошли через морг, и, оказавшись на улице, сели в припаркованный лимузин. Все произошло так быстро, что Васса не смогла до конца осознать происходящее. Ее растерянный взгляд бесцельно блуждал от одного пассажира машины к другому.

Лимузин выехал со стоянки и, медленно набирая скорость, поехал по направлению к центральному входу. Некоторые журналисты, узнав машину, бросились в их сторону, и водитель, нажав на газ, быстро проехал мимо шумной толпы газетчиков.

Почувствовав на своем пальце непривычный предмет, Васса невольно дотронулась до кольца. Алекс продолжал левой рукой крепко сжимать ее руку, а правой держал телефон, открывал ноутбук, подписывал документы. Почти все пассажиры машины говорили по мобильным телефонам, и от этого в салоне стоял невообразимый гул. Они уточняли время встреч и детали предстоящих церемоний, обсуждали курс акций и маршруты передвижений. Каждый из них время от времени с любопытством поглядывал на растерянную незнакомую девушку, сидящую рядом с боссом. И конечно, их внимание привлекало поблескивающее на ее пальце знаменитое на весь мир кольцо, которое почти век назад положило начало открытию ювелирного торгового дома «Вилон».

Посмотрев на Александра, Васса тихо прошептала:

– Мне так будет ее не хватать.

– Кого? – машинально спросил он, не успевая переключиться от нахлынувшей на него информации.

– Агнес! – ответила она и заплакала.

– О, боже! – воскликнул он.

Убрав ноутбук с колен, он притянул ее к себе и поцеловал в лоб.

– Знаю, Василек. Мама была доброй, отзывчивой и очень талантливой. Она навсегда останется в наших сердцах, – подавляя слезы, произнес он, нервно сглотнул и продолжил: – Вчера она мне сказала, что будет всегда рядом с нами как ангел-хранитель, и попросила приходить к ней на могилу каждый год в день ее рождения. Да, чуть не забыл! Она передала тебе это письмо и попросила вручить его после ее смерти.

Александр вынул из внутреннего кармана пальто конверт, протянул Вассе и ответил на настойчивый телефонный звонок.

Дрожащими руками Васса вскрыла конверт. Судя по дате и времени, которое было отмечено рукой Агнес, письмо она написала в самолете, когда они возвращались из Туниса в Париж.

«Моя дорогая Василиса!

Это письмо тебе вручат только после моей смерти. Я очень благодарна за твое терпение и умение слушать. Жаль, что мы провели так мало дней вместе, но... такова судьба. Люди приходят и уходят, оказывая на нас влияние, тем самым меняя нашу жизнь. Потому-то так важно тщательно подбирать свое окружение.

Я очень рада, что мне удалось осуществить свое путешествие до конца. Душа моя теперь спокойна, и я нахожусь в смиренности сама с собой. Теперь я поняла, почему моя судьба сложилась именно так, а не иначе. Если бы я встретила своего Бертрана в молодости, то никогда бы не обратила на него внимание. Его красота была спрятана глубоко внутри, и только пройдя все круги ада, столкнувшись со многими душевными пороками, я поняла, что искала совсем не ту красоту в мужчинах. Я заплатила дорогую цену, пробираясь к своему счастью. Возможно, был другой путь, но я его не знала. Молю тебя, запомни все, что я тебе рассказывала, и не совершай таких ошибок.

Знаю, что чувства, которые вы с Алексом испытываете друг к другу – настоящие, и молю Бога о том, чтобы ты стала его женой и матерью моих внуков. Но прежде чем это случится, ты должна знать всю правду о связи между нашими семьями. Отец Алекса был родным младшим братом твоей бабушки. Когда заканчивалась война и советские войска освобождали Европу от фашистов, многие эмигранты из дореволюционной России поменяли свои имена на французские и переделывали документы, потому что боялись высылки в СССР. Такие случаи были нередки, и Борис Живягин стал Берtrandом Жувене.

В завещании он просил меня позаботиться о родственниках своей сестры. Сразу выехать в Россию я не смогла, потому что лежала в больнице на операции. Но через полгода я начала активные поиски его родственников. Когда я нашла тебя, моей целью было твое материальное обеспечение. Но собрав информацию, я испытала к тебе простую человеческую симпатию и, решив познакомиться поближе, увезла тебя из России. Когда я заметила ваш взаимный интерес с Алексом, то сильно испугалась, ведь тогда я думала, что вы кровные родственники. Но потом я получила образец твоей крови и сравнила его с образцом крови Алекса. Результат был отрицательным, и я уже начала сомневаться в том, что ты родственница моего мужа. Поэтому наняла детектива, который собрал всю информацию о твоих родителях. Твой биологический отец был близким другом твоих родителей, его звали Игорь Демидов, твоя мать должна была выйти за него замуж, но он погиб в авиакатастрофе. Отец женился на твоей матери, когда она была на третьем месяце беременности. Эту тайну они тщательно скрывали от тебя, потому что не хотели травмировать. Но я точно знаю, что мать твоего биологического

отца часто навещала вас и даже иногда брала тебя к себе на каникулы.

Также я хочу рассказать тебе о своей семье. Я и Алекс – последние потомки из рода Вилон. Это старинный род и одно из богатейших семейств Франции. Алекс возглавляет наше семейное предприятие «Торговый дом «Вилон»», которое по своим масштабам является одним из крупнейших ювелирных домов в мире. До него семейным бизнесом управлял мой дед. Надеюсь, Алекс передаст его своим детям.

В нашей семье есть традиция – мать сама находит своему ребенку избранницу. Конечно, все это дела давно минувших дней, но в вашем случае, как ни смешно это звучит на первый взгляд, так оно и вышло.

Я просила тебя не форсировать ваши отношения, хочу объяснить почему. Алекс избалован, привык брать от жизни все, что захочет. И если бы он добился твоего внимания, а я в этом даже не сомневаюсь, до того, как полюбил, то ваш роман продлился бы недолго. А я, узнав тебя поближе, хотела, чтобы он увидел и распознал то, что скрыто внутри тебя.

Зная, какому пристальному вниманию прессы подвергается наша семья, я боялась, что они невольно выдадут наш секрет, поэтому всячески оберегала наше уединение. Но с моей смертью ты испытаешь это внимание сполна. Ты совершенно неискушенный человек, тебя легко обмануть и перехитрить. Ничего не предпринимай, пока не прочитаешь мой блокнот до конца. Я отдам его тебе, как только почувствую, что мой конец близок. Читая его, ты будешь чувствовать мое присутствие, и получать ценные советы. А уж воспользоваться ими или нет – это твой выбор.

Спасибо, что доверилась мне и не форсировала ваши отношения с Алексом.

Благодарю тебя за все и благословляю, мое нежное создание!

Люби и будь любимой.

Любовь побеждает все!

Прощай, мой ангел! Твоя Агнес».

Прочитав письмо до конца, Васса вытерла накатившиеся слезы и прижала конверт к груди. Она опустила голову на плечо Александра и снова посмотрела на кольцо. Салон лимузина наполнял гул из людских голосов. Александру протянули список приглашенных на отпевание, он стал вчитываться в фамилии и корректировать посадку гостей. Заметив, что Васса прочитала письмо, он сказал:

– Отдохни, Василек, закрой глаза и постарайся уснуть. Знаю, что это трудно при таком скоплении народа, но ты скоро к этому привыкнешь.

Он помог ей снять туфли, жестом показал, чтобы она вытянула ноги. Васса опустила голову ему на колени, закрыла глаза и постаралась расслабиться. Последнее, что она слышала перед тем, как погрузиться в сон, был голос Александра, принимающего очередные соболезнования от друга семьи. Звуки, наполнявшие салон, становились все дальше и дальше, пока она совсем не перестала их слышать.

Эпилог

Перед семейным склепом на кладбище «Сент-Женевьев-де-Буа» стояла семейная пара и три их дочери. На двух надгробьях, расположенных с самого края, были надписи «Агнес Жувене (урожденная Вилон) 21 января 1922 г. – 21 декабря 2000г.», и «Бертран Жувене (Борис Живягин) 12 марта 1919 г. – 16 августа 1999г.».

Самая бойкая из сестер вырвалась из рук матери и побежала, что-то напевая, в сторону часовни.

– Агнес! Вернись сейчас же! – окрикнул ее отец.

Девочка повернулась и, скрестив руки на груди, деловито прокричала:

– Папа, надо зажечь бабушке свечку!

– О боже, откуда она это узнала? – тихо пробормотал отец.

– Жюльет, присмотри за сестрой, – ласково попросила мать старшую дочь и погладила ее по голове.

– Да, мама, – девочка степенно, по-взрослому, пошла за младшей сестрой.

– Катрин, ты можешь уже положить цветы на надгробие, – мать посмотрела на среднюю дочь, которая продолжала крепко сжимать два маленьких букетика.

Повернувшись к мужу, Васса сказала:

– На Пасху Агнес видела в храме, как ставят свечи за упокой души.

– Мне кажется, это плохая идея – приходить сюда с детьми без охраны, – заметил Александр, оглядываясь по сторонам.

– Успокойся, все будет в порядке.

Улыбнувшись, он обнял жену и спросил, показывая глазами на могилу своей матери:

– Как думаешь, что больше всего повлияло на наши отношения? Ее жизнь или ее смерть?

«Скорее всего, ее блокнот», – подумала Васса, а вслух произнесла:

– И то и другое.

– Только после смерти родителей ты понимаешь, что стал по-настоящему взрослым, – задумчиво произнес глава семейства.

– Не могу с тобой согласиться. Я слишком рано их потеряла, – ответила Васса и тоскливо посмотрела на могилу Агнес.

Постояв еще немного у склепа, вся семья двинулась в сторону часовни.

– Алекс, ты можешь спустя столько лет ответить мне честно?

– Спрашивай, – настороженно ответил он.

– Сколько раз ты летал в Москву до того, как Агнес вышла из больницы после операции?

– Ну... я был в Москве по делам пару раз, а почему ты спрашиваешь? – нахмурился он.

– Мне сказали, что ты установил за мной слежку сразу после оглашения завещания отца, а это было почти за год до нашей встречи. А Серж недавно рассказал, что ты просил его шпионить за мной, когда я была с Агнес в Женеве. Ты ничего не хочешь мне рассказать?

– После оглашения завещания отца мне на стол легла папка с твоими фотографиями и личными данными. На первом листе я увидел заключение психолога выведенное красным карандашом. Оно было ироничным и кратким: «Таких – не бывает!» Это меня заинтересовало, и я вылетел в Москву, – ответил Алекс с нарочито серьезным видом.

Васса пристально посмотрела на мужа и улыбнулась:

– Ты ведь только что все это сочинил?

– Да, – довольно ответил он.

– А когда ты понял, что мы не кровные родственники? – не отставала она.

– Когда понял, что влюбился с первого взгляда. Ты шла по улице с пакетом продуктов к своему дому. Твои волосы развевались на ветру, на лице была наивная детская улыбка. Тогда я и подумал, что меня не может так жестоко наказать судьба, ты не могла быть моей сестрой, и был сделан анализ крови. Даже не спрашивай, откуда я взял твой образец.

– Ты ведь опять сочиняешь?! – воскликнула она и шутливо толкнула его в бок.

– Грешен, признаюсь, – улыбнулся он и поднял руки, показывая, что сдается.

– Как ты чувствуешь, мы изменились за десять лет?

– Конечно, изменились. Дети изменили нас. С ними заново начинаешь познавать мир, – задумчиво ответил он и обнял жену.

Она окликнула детей, и девочки подбежали к родителям. Все вместе они неторопливо направились к выходу. Дойдя до часовни, мужчина пристально посмотрел в глаза жены и спросил:

– Василек, а что за блокнот ты часто прячешь в своем сейфе?

– Блокнот? – нервно переспросила она. – Это твоя мама оставила мне несколько рецептов блюд, которые ты любишь.

– Правда? Значит, это над рецептами ты так часто смеешься и плачешь?

– Ну, хорошо, хорошо, я скажу, – рассмеялась Васса. – Ты ведь не отстанешь. Там ее воспоминания. Она писала их последние три месяца.

– Правда? – снова нарочито удивленно спросил он. – А я ненароком подумал, что там подробная инструкция, как управлять мною, вести себя в обществе, воспитывать детей и поддерживать огонь между нами, – и, не сводя глаз с жены, добавил уже серьезным тоном: – Потому что, будучи неопытной девушкой, ты подозрительно быстро адаптировалась в новой жизни и стала прямо-таки светской львицей.

От услышанных слов алый румянец залил щеки Вассы. Насладившись этим зрелищем, он опять рассмеялся и сказал:

– Я шучу, просто давно ты не краснела! А ты же знаешь, как я это люблю!

– Алекс! Я думала, ты серьезно, а ты опять шутишь. Ну не на кладбище же! – воскликнула Васса, а про себя подумала: «Наверное, он еще десять лет назад нашел блокнот и прочитал, не мог же он просто так догадаться. Да и не в его правилах быть в неведении».

– Кто первый доберется до машины, тот получит от меня подарок! – воскликнул Александр и захопал в ладоши, подгоняя девочек.

Девочки наперегонки побежали к стоянке перед кладбищем, а Васса крикнула мужу:

– Я зайду ненадолго в часовню! Подождите меня в машине!

Александр посмотрел вслед быстро уходящей жене, и перед глазами промелькнул день смерти матери. Это был последний день его прежней жизни. Иногда он вспоминал об этой жизни, но без тоски и сожаления. Единственное о чем он жалел, что родители так и не увидели своих внуков.

Октябрь 2010 г.

Содержание

Пролог.....	3
Глава первая. Начало последнего пути.....	6
Глава вторая. Алчность.....	23
Глава третья. Уныние, лень.....	33
Глава четвертая. Зависть.....	52
Глава пятая. Гордыня.....	64
Глава шестая. Блуд.....	82
Глава седьмая. Чревоугодие.....	97
Глава восьмая. Гнев.....	105
Глава девятая. Смерть.....	118
Эпилог.....	137